

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2022. Т. 67, № 2

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2022. Т. 67, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Д. К. Безнюк** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- М. В. Мясникович** – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
- П. Г. Никитенко** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. В. Саверченко** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
- Г. Генчель** – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- С. Ю. Глазьев** – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- Е. К. Голаховска** – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
- А. Е. Дайнеко** – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- С. Л. Кандыбович** – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белоруссов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белоруссов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
- Е. Миронович** – Белостокский университет, Белосток, Польша
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
- П. П. Толочко** – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
- Чжан Юйянь** – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
- Янг Хюнг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67, № 2.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 11.04.2022. Выход в свет 27.04.2022. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 94 экз. Заказ 57.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,67 руб., ведомственная подписка – 29,77 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2022

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2022, vol. 67, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

- Valery I. Belsky** – Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)
- Evgeny M. Babosov** – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Dmitry K. Beznyuk – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vasily L. Gursky – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus
Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentsthal** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2022, vol. 67, no. 2.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 11.04.2022. Published on 27.04.2022. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 94 copies. Order 57.
Number price: individual subscription – BYN 12.67, departmental subscription – BYN 29.77.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2022

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Ксенофонтов В. А. Современные западные концепции военного насилия	135
Шатерник М. Г. Введение в этико-философскую концепцию морального дискурса	149
Артюхин М. И., Пушкевич С. А. Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции.....	158

ГІСТОРЫЯ

Слесарев А. В. Политическая активность Белорусской автокефальной православной церкви в 1950–1982 гг.	166
Ковшик Ю. Л. Нормативно-правовое регулирование предоставления и получения чинов выборными от дворянства государственными служащими на территории Беларуси (1773–1862 гг.)	177
Кузнецова-Тимонова А. В. Женщины в локальных войнах и военных конфликтах 1950–1991 гг. (на примере представительниц Беларуси)	189

МОВАЗНАЎСТВА

Губкіна А. В. Прынцыпы лексікаграфічнага апісання галіновай тэрміналогіі ў двухмоўным слоўніку	198
---	-----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Ремишевский К. И. Хроникальный киноэпос «Освобождение Советской Белоруссии»: от политического заказа к народной киносаге.....	206
Захарина Ю. Ю. Архетипы образов нелинейной архитектуры: случайность или сознательное уподобление	217

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Алейнік Л. В. Станаўленне творчай індывідуальнасці і сацыялізацыя асобы ў аўтабіяграфічным рамане-эсе А. Федарэнкі «Мяжа».....	225
---	-----

ПРАВА

Василевич Г. А. Цифровые технологии как фактор эффективного и устойчивого развития общества.....	234
---	-----

ЭКАНОМІКА

Салимова Ю. И. Урбанизация как мировая тенденция социально-экономического развития стран и регионов.....	240
---	-----

РЭЦЭНЗІІ

Витязь С. П., Киштымов А. Л. Академия – это звучит гордо	253
---	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Ksenofontov V. A. Modern western concepts of military violence.....	135
Shatsernik M. G. Introduction to the ethical and philosophical concept of moral discourse	149
Artyukhin M. I., Pushkevich S. A. Demographic development of Belarus: current state and main trends	158

HISTORY

Slesarev A. V. Political activity of the Belarusian Autocephalic Orthodox Church in 1950–1982	166
Kovshik Yu. L. Regulatory and legal regulation of the official production of civil servants elected from the nobility on the territory of Belarus (1773–1862)	177
Kuznetsova-Timonova A. V. Women in local wars and military conflicts in 1950–1991 (the example of the representatives of Belarus).....	189

LINGUISTICS

Gubkina A. V. Principles of compiling translation dictionaries of special (branch, terminological) vocabulary	198
--	-----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Ramischevski K. I. Historical newsreel “Liberation of Soviet Belarus”: from a political order to a folk screen saga	206
Zakharyna Yu. Y. Archetypes of images of nonlinear architecture: randomness or conscious assimilation.....	217

LITERARY SCIENCE

Aleinik L. V. Formation of creative individuality and socialization of personality in autobiographic novel-essay by A. Fedorenko “Mezha”	225
---	-----

LAW

Vasilevich G. A. Digital technologies as a factor of effective and sustainable development of society	234
--	-----

ECONOMICS

Salimova Yu. I. Urbanization as a global trend of the socio-economic development in the countries and regions	240
--	-----

REVIEWS

Vityaz S. P., Kishtymov A. L. Academy – that has a proud sound!	253
--	-----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355.01(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Поступила в редакцию 17.01.2022
Received 17.01.2022

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. Состояние военно-политической обстановки вокруг Беларуси характеризуется динамичностью негативных процессов. Отмечены факторы, показывающие высокую степень военной активности геополитических центров силы. Вероятность применения военной силы и других невоенных мер в отношении государства обязывает нас к непрерывному анализу технологий военного насилия. Выявлена закономерная тенденция насилия – смена парадигм войны с классической на неклассическую. Облик современных военных конфликтов охватывает все сферы общественной жизни. Продемонстрированы основные особенности военной политики США после окончания «холодной войны». Рассмотрена американская классификация государств мира, по которой США выстраивают отношения в интересах геополитического доминирования. Ими применяются технологии неклассической войны, в которой значительная роль отводится информационным, политическим, дипломатическим, идеологическим, экономическим и другим ресурсам подчинения противоположной стороны своей воле. Рассмотрены основные концепции неклассической войны и их особенности. Особое внимание обращено на гибридную войну. В военных конфликтах важнейшее место отводится «информационным войнам». Современный этап характеризуется как концентрическая война. Выявлены признаки перехода от «ментальной войны» к «ноосферной войне», когда разум направлен на деструкцию и подчинение воли целых государств в эгоистических целях воле «мирового лидера». Западные стратеги активно используют технологию «серой зоны», балансирующей между войной и миром. Сделан вывод, что в современном военном насилии существенная роль отводится концепциям неклассической войны. С учетом возрастания военного насилия в мире важно определить приоритетный характер военной сферы национальной безопасности.

Ключевые слова: Беларусь, Союзное государство, военно-политическая обстановка, военное насилие, национальная безопасность, военный конфликт, неклассическая война, гибридная война, концентрическая война, военная организация государства

Для цитирования: Ксенофонов, В. А. Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Vladislav A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

MODERN WESTERN CONCEPTS OF MILITARY VIOLENCE

Abstract. The state of the military and political situation around Belarus is characterized by the dynamism of negative processes. Factors showing a high degree of military activity of geopolitical centers of power have been noted. The probability of using military force and other non-military measures against the state obliges us to continuously analyze the technologies of military violence. A regular trend of violence is revealed – the change of war paradigms from classical to non-classical. The face of modern military conflicts encompasses all spheres of social life. The main features of U. S. military policy after the end of the “cold war” are demonstrated. The American classification of the states of the world, according to which the U. S. builds relationships in the interests of geopolitical dominance, is considered. They use the technology of non-classical warfare, in which a significant role is given to information, political, diplomatic, ideological, economic and other resources of subordination of the opposite side to its will. The basic concepts of non-classical warfare and their characteristics are considered. Particular attention is paid to hybrid warfare. In military conflicts the most important place is given to information wars. The modern stage is characterized as conscientious warfare. Signs of the transition from “mental warfare” to “noosphere war” are revealed, when the mind is aimed at the destruction and subordination of the will of entire states for egoistic purposes to the will of the “world leader”. Western strategists actively use the technology of “gray zone” balancing between war and peace.

It is concluded that the concepts of non-classical warfare play a significant role in modern military violence. Given the increase in military violence in the world, it is important to prioritize the military sphere of national security.

Keywords: Belarus, Union state, politico-military situation, military violence, national security, military conflict, non-classical war, hybrid war, conscientious warfare, military organization of the state

For citation: Ksenofontov V. A. Modern western concepts of military violence. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 135–148 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>

Введение. Состояние военно-политической обстановки вокруг Беларуси характеризуется постоянным нарастанием интенсивности и динамичности негативных процессов, связанных с использованием различных форм давления и насильственных действий в отношении республики.

В мире обострилась борьба государств (коалиций государств) за лидирующие позиции, контроль над рынками и сырьевыми ресурсами. Стремление геополитических центров силы к расширению зон своего стратегического влияния привело к ущемлению и блокированию интересов других государств, провоцированию напряженности. Это способствовало усилению межгосударственных противоречий, нарастанию как внутренних, так и внешних военных опасностей, способных трансформироваться в военные угрозы государству и военные конфликты различной интенсивности.

Закономерно, что в утвержденной Военной доктрине Союзного государства отмечается, что «военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств (коалиций государств)» [1, ст. 6].

Среди основных негативных факторов, которые влияют на состояние и развитие военно-политической обстановки, отмечают:

высокая активность процессов в экономической и политической сферах, которые сопровождают формирование полицентрической международной системы отношений;

попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов;

противодействие со стороны некоторых международных организаций, иностранных государств развитию Союзного государства, ОДКБ, а также других интеграционных образований на международной арене с участием Республики Беларусь и Российской Федерации;

наличие вблизи границы государств-участников очагов военных конфликтов;

наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора на внешней границе Союзного государства;

применение военной силы в нарушение действующих норм международного права, обуславливающее дестабилизацию международной обстановки;

применение в военных конфликтах военной силы в сочетании с политической, финансово-экономической, информационной и другими формами борьбы;

обострение социальных противоречий в Европейском регионе [1, ст. 7].

Перечисленные выше негативные факторы свидетельствуют о дисбалансе существующей системы обеспечения глобальной и региональной безопасности. Они показывают высокую степень военной активности геополитических центров силы и их готовность прибегнуть к военно-силовому сценарию для продвижения своих интересов. Это в свою очередь требует постоянного мониторинга военно-политической обстановки и на этой основе «гибкой и адекватной корректировки военной политики» [1, ст. 7].

Следовательно, вероятность применения военной силы в комплексе с другими деструктивными мерами в отношении государства обязывает нас осуществлять непрерывный анализ возможных форм насильственных действий, а также методов и технологий использования военного насилия. Решение данной научно-практической задачи будет способствовать принятию обоснованных мер в области национальной безопасности, а также своевременному уточнению параметров военной сферы.

Основная часть. Развитие архитектуры многополярного мироустройства наряду с активизацией интеграционных процессов и становлением новых геополитических центров силы сопровождается усилением национального, этнического и религиозного экстремизма, сепаратизма, ведущих к появлению негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, что существенно затрудняет прогнозирование и понимание возможных сценариев развития конфликтов, в том числе и военных.

Вместе с тем это жизненно необходимо для мирного развития государства. К военному насилию мы относим различные варианты использования военной силы для достижения политических целей агрессора. Основными формами военного насилия могут быть военный конфликт и война.

Рассмотрим эти базовые понятия. Так, под *военным конфликтом* понимается «форма разрешения противоречий в межгосударственных или внутригосударственных отношениях с применением военной силы противостоящими сторонами» [1, ст. 5]. А *война* трактуется как «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами с применением военной силы противостоящими сторонами» [1, ст. 5].

В современных условиях наметилась тенденция эволюции военных конфликтов в «направлении превращения войны как процесса массовой вооруженной борьбы во всеохватывающее противоборство воюющих сторон» [2, с. 15]. Изменяется баланс между вооруженной борьбой и невоенными действиями сторон. Вооруженная борьба может выполнять разные роли: от главной (определяющей) до второстепенной (страховочной), или вспомогательной.

На эту тенденцию еще в 2003 г. обратил внимание, будучи министром обороны, Л. С. Мальцев. Он был первым в Беларуси, кто, рассматривая войну в широком спектре форм борьбы, дал определение сущности войны: «Сегодня сущность войны – это продолжение политики средствами духовного, политического, экономического и других видов подавления и уничтожения противника, где вооруженная борьба не только не имеет определяющего, первостепенного значения, но может быть исключена вообще» [3, с. 38].

В тот период достаточно сложно воспринималось такое определение войны, поскольку сущностными элементами войны являются *политика* и *вооруженная борьба*. И если уходит из содержания войны вооруженная борьба, то мы имеем дело уже не с войной, а иным явлением. Подчеркнем, что, несмотря на споры экспертов о трансформации войны, сущность ее не изменилась – это политика. Таким образом, доктор политических наук Л. С. Мальцев, не отрицая роли и значения военной силы, увидел существенное возрастание роли и значения невоенных средств в достижении цели противоборства и аргументированно это обосновал.

Сегодня ученые нашли выход из этой противоречивой ситуации: минимизация использования военной силы и нарастание роли невоенных средств в военном конфликте свидетельствуют о *закономерной тенденции противоборства* – смене парадигм войны от классической к неклассической.

В *классической* парадигме войны признается определяющая роль вооруженной борьбы, а в *неклассической* – значительная роль отводится невоенным средствам противоборства, при этом роль применения военной силы становится вспомогательной. Кстати, данные тенденции отражены в идеологии обеспечения военной безопасности Беларуси, России и Союзного государства, т. е. роль невоенных средств в войне четко зафиксирована в действующих Военных доктринах. Это отражено в самой категории «война».

Развитие многих конфликтов современности подтверждает тезис о том, что война как общественное явление активно трансформируется, ее оружием являются не только современная техника и вооружение, она ведется различным инструментарием (оружием): экономическим, политическим, духовным, социальным. Кроме того, в условиях геополитического противоборства прослеживается тенденция стирания грани между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а их ведение не укладывается в привычные схемы и шаблоны.

Разделяем мнение военного эксперта А. А. Бартоша о том, что «широкое распространение получили асимметричные действия, к которым относится использование сил специальных операций, частных военных компаний и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего

фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются» [2, с. 15]. По сути, формируется новый облик военных конфликтов современности, охватывающий все сферы общественной жизни людей: административно-политическую, финансово-экономическую, культурно-мировоззренческую.

В период после окончания «холодной войны» США и НАТО стремятся взять на себя функции единственного поборника обеспечения стратегической стабильности, «оставляя за скобками» многочисленные ее нарушения: решение о расширении НАТО, агрессию против Югославии, наращивание военной активности блока у границ России, вмешательства с использованием военной силы во многих районах мира. С момента своего создания США вмешивались в дела 50 стран свыше 130 раз. Подобное «лидерство» в решающей степени обуславливает агрессивный характер стратегий НАТО [4, с. 46].

Подчеркнем, что в современных условиях военная политика США является важным фактором, определяющим состояние международной системы обеспечения безопасности как на глобальном, так и региональном уровнях.

Действующая американская стратегия подтверждает курс на обеспечение неоспоримого лидерства страны в качестве военной и экономической сверхдержавы, а также на обеспечение свободы действий на международной арене и беспрепятственного доступа в наиболее важные регионы в целях реализации своих национальных интересов. Установки на превентивные действия и возврат к концепции «победы в двух крупных войнах одновременно» характеризуют военную политику и внешнеполитическую деятельность как наступательные [4, с. 66].

В рамках современной военной стратегии военно-политическое руководство США считает возможным три вида конфликтов:

межгосударственные конфликты с широкомасштабным использованием военной силы и современных военных технологий в различных сферах для решительного поражения противника. Могут применяться ОМУ, системы предотвращения доступа, системы глобального удара, подводные платформы, современные киберсистемы, системы борьбы в космосе;

гибридные конфликты, сочетающие обычные и иррегулярные силы, перехват инициативы и подавление воли противника. Могут включать одновременное использование традиционных военных и асимметричных систем. Считается, что «гибридные конфликты» обычно усиливают неопределенность и двойственность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие, направленное на осуществление эффективных ответных действий. Поскольку агрессор в этих случаях обладает указанными преимуществами, велика вероятность, что такая форма конфликта сохранится надолго;

негосударственные конфликты, в которых используются небольшие подразделения и сети для дестабилизации правительств и установления контроля над населением. Могут применяться самодельные взрывные устройства, легкое стрелковое оружие, пропаганда и террор [4, с. 73].

Важными особенностями внешнеполитического сознания США выступают упрощенное восприятие внешнего мира и деление народов и государств планеты на «своих» и «врагов». Идеология в данном случае достаточно примитивна, поскольку США выступают воплощением «вселенского добра», а противоположная сторона – «всеобщего зла». Следует напомнить, что СССР трактовался, как «империя зла». Критерием деления государств на «хорошие и плохие» обусловлена приверженность сформулированным американцами ценностям демократии и рыночной экономики, которые, по их мнению, способны сами по себе сыграть роль стабилизирующего фактора в международных отношениях. Безусловно, эталонной моделью являются США [4, с. 81].

Кроме того, Институт национальных стратегических исследований при Пентагоне разработал классификацию государств мира по четырем критериям в зависимости от уровня развития и стабильности демократической системы: «стержневые», «переходные», «государства-изгои» и «несостоявшиеся государства».

Администрация США, исходя из соответствия данной классификации, определяет стратегии в отношении тех или иных государств мира. Диапазон отношений достаточно широкий – от союзнических и партнерских отношений до крайне враждебных, вплоть до применения мер насилия в политической, экономической, информационной, военной и других сферах.

«Стержневые» – это те государства, которые имеют развитую демократию и рыночную экономику, тесно сотрудничают с США и приемлют американское лидерство. В начале XXI в. Вашингтонская администрация к такому типу государств причисляла всю Западную Европу, Японию, Южную Корею, Тайвань, Израиль, Турцию.

«Переходными», по их мнению, являются те государства, которые встали на «правильный путь» демократизации и свободной экономики и движутся вперед. Это страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии (Сингапур, Таиланд, Малайзия); Ближнего Востока (Египет, Иордания, Кувейт). Считается, что в Африке, Латинской Америке и ряде государств СНГ движение в сторону «стержневой» зоны лишь начинается.

Особое место в стратегии США отводится трем крупнейшим государствам (Китаю, Индии и России), которые также считаются «переходными». При этом весьма сдержанно оцениваются перспективы присоединения Китая и России к «стержневой зоне», поскольку обе страны противостоят американскому влиянию в мире. В 2017 г. Советом национальной безопасности США Россия и Китай отнесены к главным угрозам безопасности США. Для присоединения этих и некоторых других государств к американской зоне влияния Вашингтон использует экономическое, политическое и идеологическое воздействие, а при необходимости не останавливается и перед попытками оказать силовое давление. На координированном применении разнообразных форм и методов воздействия на государство-мишень построена американская стратегия гибридной войны, которую ведут США против России [4, с. 82].

В списке «государств-изгоев» в начале XXI в. фигурировали Югославия, Ирак, Ливия, КНДР, Судан, Нигерия и некоторые другие страны. Политическая стратегия США в отношении «плохих» государств предусматривала широкий спектр действий по подчинению данных стран воле Вашингтона, что подразумевало действовать самостоятельно, без санкции ООН, используя все средства – от экономического и политического давления вплоть до военного насилия. Так, американо-натовская агрессия в 1999 г. положила конец существованию Югославии, в 2003 г. был разрушен Ирак, превратившийся в хаотизированное пространство. Впоследствии подобная участь ожидала Ливию и Сирию.

«Несостоявшимся» государствам США в принципе готовы помогать, но в первую очередь тем, которые имеют важное значение для интересов «стержневой зоны». Сегодня список таких государств возглавляют Украина, Молдавия, некоторые Балканские страны.

Можно утверждать, что Вашингтон формирует своеобразную матрицу государств, отношения с которыми выстраиваются в зависимости от степени приближения той или иной страны к самопровозглашенному американцами «идеалу» в виде политической системы самих США и образцовой американской демократии [4, с. 83].

Эксперт А. А. Бартош отмечает: «Ссылаясь на несоответствие России провозглашенным демократическим стандартам, США и НАТО открыто объявили нашу страну одним из главных источников угроз международному сообществу и на русофобской конфронтационной основе пытаются выстраивать политику взаимоотношений» [4, с. 83].

Следует напомнить, что Запад не отказался от своих амбиций: концепция геополитической оси истории и овладения «сердцем Земли» в активной реализации (Х. Маккиндер), а «шахматная партия» по овладению Евразией (З. Бжезинский) приобретает новые инструменты и технологии ее контроля.

В сложившихся условиях наряду с наращиванием военных угроз для расшатывания внутренней обстановки против России и дружественных ей государств активно используются современные гибридные технологии, ведется подготовка и осуществляется реализация сценариев «цветных революций», проводятся целенаправленные деструктивные мероприятия по подрыву внутреннего единства государств, активно сотрудничающих с Россией (постсоветское пространство), а также мероприятия по дестабилизации самой России.

Исходя из тенденций военно-политической обстановки, внутренних социально-политических процессов и событий в ряде постсоветских стран, существуют все основания прогнозирования попыток США и ряда государств Запада с опорой на силовую поддержку НАТО дестабилизировать не только внутрисоциальное пространство, но и системно, деструктивно воздей-

ствовать на социально-политическую ситуацию в Союзном государстве и других интеграционных объединениях с участием России.

Как было отмечено ранее, в современных условиях наметилась тенденция трансформации содержания войны с переходом от классической (традиционной) к неклассической (нетрадиционной). Известно, что в межгосударственном противоборстве активно используются различные способы и формы насильственных действий в отношении суверенных государств, не вписывающихся в парадигму классической войны. Акцентируем внимание на том, что сущность войны при этом не меняется, а ее содержание, технологии, инструментарий и оружие воздействия на противоположную сторону для достижения политических целей постоянно модифицируются, комбинируются и гибридизируются. Явно просматривается тенденция, при которой *вооруженное насилие* – не единственное средство воздействия на противника, значительное место отводится информационным, политическим, дипломатическим, идеологическим, экономическим и другим ресурсам подчинения противоположной стороны своей воле [5]. Этот переход аналитики именуют неклассической парадигмой войны.

Рассмотрим феномен *неклассической, или нетрадиционной (новой) войны* на основе современных научных разработок. Существенный методологический потенциал содержится в монографии профессора И. В. Понкина, который выделяет концепты преэмптивной, гибридной и малой войны, а также концепт «постправды» в неклассической войне и технологию «мягкой силы» как инструмент разрушения государства [6].

Указанный автор применительно к межгосударственным и международным отношениям, сферам государственной внешней политики, сферам государственных переворотов, войн и военных конфликтов пишет, что *преэмпция* – «это концепт (подход, метод) и мотив (оправдание и объяснение) самостоятельных активных прекурсивно-упреждающих и опережающих действий в отношении антагониста (котрагента, противника, жертвы, цели) – объекта приложения таких действий» [6, с. 10]. Преэмпция «предполагает не столько превентивность (как, например, превенцию агрессивных действий противника), сколько упреждение и пресечение сколько-нибудь эффективных возможностей (государства-объекта, государства-жертвы) в будущем защищаться от запланированных агрессивных в отношении него действий со стороны государства-актора» [6, с. 11].

Концепция «преэмптивной войны» имеет давнюю историю, ее истоки берут начало от так называемого дела Каролины – пограничного инцидента с участием США и Канады в 1837 г. [6, с. 13]. В XXI в. концепция «преэмптивной войны» часто употребляется в связи с так называемой доктриной Буша, предоставляющей «право» на преэмптивные военные действия не для всех государств, а только для США. В отличие от превентивного нападения, когда угроза нападения противника реальна и неизбежна и когда реализуется стремление нанести удар первым, а не вторым, преэмптивное нападение имеет в своей основе мотивирование и обоснование существенно более отложенной и неявной (или вообще мнимой) угрозы, стремление развязать войну раньше через упреждение возможной в будущем реализации этой отложенной или ожидаемо возникающей угрозы [6, с. 14].

Выделяются также и преэмптивные действия, которые заключаются в организации и осуществлении государством-актором государственного переворота в государстве-жертве.

Согласно Н. А. Комлевой, понятие «технология преэмптивной войны включает три этапа: 1) смена режима; 2) строительство нации; 3) реновация страны» [6, с. 15]. Эта война не ограничивается военным насилием и предполагает масштабное использование невоенных методов насилия (экономическое, политическое, идеологическое) по отношению к государствам и их объединениям.

Одним из факторов, которые могут привести к развитию преэмптивной войны, по мнению экспертов, является переоценка военного потенциала противника, т. е. восприятие надвигающегося сильного сдвига в балансе могущества в пользу противника. Ошибочное восприятие потенциала противника мотивирует к преэмптивному нападению. Появляется уверенность в том, что чем скорее совершить нападение, тем выше шансы на победу. Мотив к нападению может быть обоснован не только стратегическими преимуществами, но и тактическими. Существенным фактором для осуществления преэмптивных действий являются вражда и страх между государствами.

Согласимся с выводом доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина: «Преэмптивные действия всегда асимметричны, неадекватны и безнравственны. Применительно к межгосудар-

ственным и международным отношениям, сфере государственных переворотов, войн и военных конфликтов преземпция (в отличие от превенции) является крайне безнравственным и опасным концептом (подходом, методом), поскольку нередко преземптивные действия совершенно неадекватны угрозам, позиционируемым в качестве основания и обоснования применения преземптивных действий» [6, с. 18]. Мы полагаем, что, исходя из тенденций развития военно-политической обстановки и усиления фактора насилия в мировой политике, подобные действия в перспективе будут реализовываться во всем мире и их использование будет только нарастать со стороны США и НАТО.

В современных международных отношениях активно используется насилие в виде гибридной агрессии. Первое упоминание концепции «гибридной войны» в области военно-политических отношений принадлежит американским теоретикам Д. Н. Мэттису и Ф. Г. Хоффману, которые в своих работах в 2005–2007 гг. сформулировали первоначальные теоретические подходы к данному феномену. По мнению экс-министра обороны США Д. Мэттиса, «гибридные войны сочетают в себе ряд различных режимов ведения войны, включая применение традиционных, нестандартных (нетрадиционных) тактик и негосударственных (нерегулярных) военизированных формирований, организацию террористических актов с использованием неизбирательного насилия и принуждения, а также криминальных беспорядков» [2, с. 47]. Гибридные действия активно внедряются США и странами НАТО в практику международных отношений. Во многом это определяется тем, что гибридные действия не попадают под определение агрессии.

До сих пор в научном сообществе нет однозначного определения данного термина. По мнению И. В. Понкина, *гибридная война* – это «концепт (идеология, логика, философия, а равно соответствующие стратегия, тактика и форма) агрессивных враждебных действий государства-актора (преимущественно без классического открытого применения военной силы, без военного вторжения, хотя и, возможно, с сохранением и артикулированием военной угрозы), направленных на подавление, ослабление, дестабилизацию и/или уничтожение государства-жертвы, перехват управления (перевод под внешнее управление) или создание временного безвластия в нем, разрушение его суверенитета и публичного порядка, нанесение ему существенного урона в живой силе, экологии, военно-промышленном или культурно-мировоззренческом потенциале, в духовном состоянии людских ресурсов и т. д.» [6, с. 26].

Безусловно, любая война из известных истории была комбинированной, сочетая классические военные действия с комплексом подрывных операций, заказных убийств политических лидеров и военачальников, террористическими актами, пропагандой и дезинформацией, массовой ложью. Стоит напомнить, что *война – это путь обмана* (К. Клаузевиц).

Гибридная же агрессия во многом является войной неявной, тайной и неклассической, так как военная сила может быть исключена вообще или быть страховочным элементом системного деструктивного воздействия на противоположную сторону. Поэтому стоит разграничивать понятия классической и гибридной войны.

Указанный автор, характеризуя концепт гибридной войны, выделяет:

неявность агрессии (интервенции, нападения), преимущественно ее тайный характер (с обеспечением возможностей правдоподобного отрицания своей вовлеченности в конфликт, своего участия в его развязывании, провоцировании или стимулировании);

многофазность и темпоральную неравномерность агрессии (включает фазы затухания, новой активизации и т. д.);

мультимодальность (ведется разными способами), многовариантность, полиноансную и сложную интерсекциональную комбинаторность подходов в скоординированном сочетании весьма разнообразных сил и средств агрессии, направляемых на достижение таких целей и обеспечивающих синергетические и кумулятивные эффекты (гибридные войны сегодня интегрируют мощности и возможности кибернетических, юридических войн, информационных войн, дипломатических, торговых и финансово-экономических войн; сегодня фиксируется тенденция повышения доминирования кибернетических и юридических войн, а информационные войны все больше становятся средством их обеспечения);

спектральность (существенную многовариантность) одновременно или разнесенно по времени, параллельно или последовательно ставящихся многопорядковых и высококоординированных целей, характеризующих динамическим многообразием в рамках конкурирующих сценариев;

преимущественно презэмптивность, массивную дерзость и ложь (дезинформацию, в том числе ложную экстрапунитивность, т. е. перекладывание вины на других), гипертрофированную наглость (отражаемую понятием «щупца» в одном из его семантических значений);

выраженную динамическую асимметричность и антизотропность в структурах фронтов агрессии; полипространственность и многовекторность (в разных сферах, на разных уровнях, по разным направлениям);

полисубъектность (реализуется как государствами, так и различными негосударственными акторами) и применение децентрализованных полицентрических (мультиузловых, в том числе сетевых) структур [6, с. 27].

Гибридность войны может иметь место по разным основаниям – пространственному, инструментальному, субъектно-объектному, телеологическому, а также по характеру угроз [6, с. 26].

Гибридная агрессия сегодня наиболее привлекательна и активно используется западными стратегами в отношении суверенных государств. Ее привлекательность заключается в следующем:

достаточно сложно достоверно установить источник (актора, заказчика) агрессивных действий, поэтому такие действия предпринимаются в ситуациях, когда открытые военные действия исключаются в силу ряда обстоятельств (например, риск прямого ответного массивного военного удара на гибридную агрессию);

инструменты гибридной войны могут быть использованы как государствами, так и негосударственными субъектами, что усложняет четко идентифицировать агрессора;

особенности гибридной войны позволяют заказчику (агрессору) отрицать свою вовлеченность в конфликт, предоставляя возможность остаться безнаказанным, а также затрудняет пути привлечения актора к ответственности и применение ответных мер государством-жертвой, против которого ведется гибридная война, или его союзниками;

государству-жертве достаточно сложно прогнозировать последующие действия актора в рамках гибридной агрессии и защищаться от них [6, с. 28].

Анализируя современное противоборство, военный аналитик А. А. Бартош пишет: «Гибридная война построена на сочетании различных технологий силового и несилового противостояния – военного, экономического, информационного, которые используются для военного поражения противника и его капитуляции. Такая особенность гибридной войны превращает ее в новый вид межгосударственного противоборства» [2, с. 42].

Важными инструментами гибридной войны выступают гибридные угрозы и цветные революции. *Цветные революции* – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственного создания политической нестабильности [2, с. 60; 7]. *Гибридные угрозы* – это скоординированные и синхронизированные действия, которые преднамеренно нацелены на системные уязвимости государств и институтов посредством широкого диапазона средств давления в политико-административной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сферах с акцентом на информационно-коммуникационную и кибернетическую сферу [2, с. 60].

Разделяем позицию ученого А. А. Бартоша, отмечающего, что *война смыслов* – это стержень гибридной агрессии, «главная цель которой состоит в обеспечении последовательного планомерного установления контроля над всеми сторонами жизни государства – объекта гибридной агрессии и прежде всего над менталитетом его населения» [2, с. 61]. Также согласимся с тем, что феномен гибридной войны демонстрирует новые измерения, выводящие ее «за пределы существующей системы отсчета и обеспечивающей прорыв к новому качеству конфликта». Этот переход вписывается в философский концепт «трансгрессия» [2, с. 62].

Критически к термину «гибридная война» относится профессор Н. Е. Бузин, полагая нецелесообразным введение его в научный оборот. Рассматривая данный феномен, он пишет, что «это смесь войны и мира. По своей сути это ведение военных действий без объявления войны, без

введения особых правовых режимов» [8, с. 3]. Им обосновывается положение о том, что это «специальные действия, которые включают в себя все компоненты «гибридной войны» [8, с. 5].

Гибридная агрессия, по нашему мнению, это своеобразная трансформация преземптивной войны, когда сильная и агрессивная сторона, основываясь на психологическом доминировании, а точнее на страхе возможного увеличения совокупного потенциала противоположной стороны, применяет комплексное (системное) насилие для достижения своих целей без всяких правовых и моральных оснований.

Нельзя недооценивать потенциал и феномен гибридных войн, поскольку именно гибридная война разрушила Российскую империю, а позже и СССР. Утверждения по поводу их самоликвидации не имеют научных оснований. По нашему убеждению, гибридная агрессия является инструментом геополитического контроля и управления пространством с подчинением противоположной стороны собственной воле. Безусловно, это закрытая (тайная) геополитическая «игра» (борьба) с четко обозначенными целями по управлению большими и малыми пространствами. Такая «игра» под силу только государствам-лидерам глобального или, в крайнем случае, регионального масштаба.

Отметим, что гибридная война – это результат диалектического отрицания предшествующих стратегий и, по сути, новый способ (формула или технология) выиграть войну, т. е. добиться политических целей менее затратно экономически и более скрытно военно-политически. Разрушительное же воздействие гибридной войны достигается за счет кумулятивного эффекта от сочетания инструментов гибридной агрессии. Поскольку за гибридной войной будущее, необходимо системно обеспечивать государственный «иммунитет» к таким воздействиям, основываясь на эффективном государственном управлении, которое должно быть устойчиво к подобным угрозам.

В интересах безопасного будущего стоит внимательно проанализировать фундаментальное и историческое исследование гибридной войны через призму геополитики в отношении России, которое провел профессор И. Н. Панарин в своей книге «Гибридная война: теория и практика» [9].

Что касается малой войны, то это «штатный инструментарий» военной политики США, которые за последние 117 лет провели 69 военных кампаний практически во всех уголках планеты, а также Великобритании (из существовавших на 2012 г. стран только 22 не испытали на себе вторжения или иных форм агрессии с ее стороны) [6, с. 37].

По мнению американских специалистов, малая война «включает в себя реализацию широкого спектра военных операций в конфликтах с участием государств или нетрадиционных участников, характеризующуюся сочетанием физического насилия и несиловых форм воздействия, требующую комплексного применения дипломатических, информационных, экономических и военных средств» [6, с. 41].

Очень часто термин «малая война» используется в разном смысловом контексте. Единого подхода среди теоретиков и практиков нет. В малых войнах противники могут быть самыми разными и методы их противоборства могут сильно отличаться, поскольку являются в основном асимметричными. Итак, *малая война* – это «реализуемые регулярными войсковыми подразделениями и соединениями государств и/или иррегулярными (в том числе частными военными компаниями) подразделениями (аффилированными с государствами или нет) и/или террористическими организациями нерегулярные боевые действия (в том числе диверсионного типа) в рамках асимметричного военного конфликта относительно малой интенсивности или существенной интенсивности, но при условии локализации в пределах малой территории (тетра военных действий, преимущественно без определенных линий фронта) и/или в форме всплесков боевой активности в течение коротких периодов времени (возможно, в пределах одного дня, но не разовая военная стычка)» [6, с. 42]. Одной из основных причин проведения малых войн является получение доступа к энергоресурсам, чистой питьевой воде, продовольствию, что оказывает влияние на основные тенденции их проведения [6, с. 50].

Политический или дипломатический контекст военного конфликта, а не объемы используемых ресурсов определяет, является этот конфликт малой или большой войной [6, с. 48]. По мнению экспертов, малые войны будут активно использоваться в будущем.

В международных отношениях в рамках международного гуманитарного права сложнее использовать жесткую военную силу. Поэтому для достижения своих стратегических целей агрессор может использовать «мягкую силу». Несмотря на объемность определения, достаточно четко определена сущность данного насилия в методологическом подходе доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина: «*Мягкая сила* как инструментальная система представляет собой совокупность институциональных, проектно-идеологических, международно-правовых, организационных, финансовых, информационно-пропагандистских, разведывательных и других механизмов проектирования, алгоритмизации, реализации, обеспечения и контроля процессов дисфункционализации и избирательного или тотального разрушения другого суверенного государства (государства-объекта) в целях трансформации этого государства в дисфункциональное, несостоятельное («упавшее»), полного его уничтожения в границах бывшей территории либо принудительной его трансформации в субмиссивные формы с существенно редуцированным или полностью утраченным суверенитетом, а также для достижения иных целей в интересах государства-актора» [6, с. 61].

Практику применения «мягкой силы» в зависимости от целей ее реализации, содержания и направленности применяемых технологий можно условно разделить на два типа:

1) «мягкая сила» как средство продвижения государством своих национальных интересов за рубежом или на международной арене без сопряжения с прямыми агрессивными разрушительными действиями в отношении других суверенных государств, угрозами их стабильности и их публичным порядкам;

2) «мягкая сила» как средство дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом, неконституционной смены власти, нанесения максимально возможного (вплоть до необратимого тотального) ущерба публичному порядку государства, разрушения государства, превращения государства в дисфункциональное или несостоятельное [6, с. 55].

Вместе с «мягкой силой» активно используется технология «*умной силы*». Это своеобразное сочетание «жесткой» и «мягкой» сил – в контексте международных отношений наиболее приемлемый механизм обеспечения государством собственной национальной безопасности. Использование в отношении государства технологии «мягкой силы» может интерпретироваться как проведение в отношении государства-объекта необъявленной войны (преэмптивной войны).

В современном насилии активно используется технология *постправды*: «Это парадигма искусственного впадения в правдивую информацию заведомо ложных сведений (прямых инвектив или сведений, призванных обосновать либо подкрепить другие инвективы), интерференционно интегрируемых в разных степенях кодирования коммуникативных сигналов, в обработке с помощью различных методов манипулирования сознанием и восприятием адресата» [6, с. 83]. Необходимо отметить, что это тип коммуникации, включающий ложь в наиболее циничных формах, связанных с идеологически мотивированным отрицанием неопровержимых фактов.

Закономерно, что анализ военно-политической обстановки вокруг Союзного государства фиксирует один из негативных факторов: «попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов» [1, ст. 7]. Яркий пример – трансформация Западом постсоветской Украины.

Указанные выше формы насилия в обозримом будущем будут активно использоваться в международных отношениях. В интересах обороны они требуют комплексной подготовки не только военно-силового блока, но и всей системы безопасности и государственного организма.

Отметим также, что в современном противоборстве важнейшее место отводится *информационным войнам*. Это важнейший элемент современного насилия и общая черта современных военных конфликтов. В Военной доктрине Союзного государства отмечается «определяющее значение информационной сферы в противоборстве на всех стадиях развития военного конфликта и после завершения его активной фазы» [1, ст. 9].

Известный эксперт в сфере информационной войны профессор А. В. Манойло отмечает, что «информационная война – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [10, с. 75].

Она состоит из последовательности информационных операций, которые объединены единым замыслом и согласованы по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Ее цель – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Идеальный результат информационной войны заключается в том, что противник добровольно подчиняется воле агрессора, признавая его превосходство и принимая его ценностные ориентиры. Происходит демонтаж сознания социума, которому способствует применяемое информационное оружие.

Заслуживает внимания основательная монография и системный подход ученого В. К. Новикова, понимающего под информационной войной «продолжение политики государства, заключающейся в целенаправленном, комплексном, организованном информационном воздействии на информационные объекты иностранного государства информационным оружием для достижения политических, экономических, территориальных, национальных, религиозных и иных целей с нанесением минимальных потерь живой силе, населению и объектам инфраструктуры противника, без непосредственной оккупации территории и защитой своих информационных объектов» [11, с. 78].

Она ведется постоянно, а ее инструментом является *информационное оружие*, под которым понимаются «средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывания из них необходимой информации после преодоления систем защиты, ограничения или воспреещения доступа к ним законных пользователей, дезорганизации работы технических средств, вывода из строя телекоммуникационных сетей, компьютерных систем, всего высокотехнологического обеспечения жизни общества и функционирования государства» [11, с. 67].

Методология информационной безопасности и информационно-психологического противоборства в контексте современных военных конфликтов и геополитической борьбы представлена в новой монографии известных российских ученых В. И. Анненкова, В. Ф. Моисеева, В. К. Новикова «Информация – ключ к победе в современной войне» [12].

Авторы справедливо отмечают, что в конце XX в. «произошел технологический прорыв в сфере информационных и коммуникационных технологий, обеспечивающих Западу доминирование над своим цивилизационным противником в сфере создания «сверхобщества» по его «превентивно-коррекционно-утилитарным» лекалам» [12, с. 359]. «Холодная война» из войны за передел сфер влияния превратилась «в так называемую «эволюционную войну» – за право определять ход мирового исторического развития на сотни лет вперед» [12, с. 360]. Поэтому идет жесткое и бескомпромиссное противостояние Запада с «эволюционным конкурентом» – Россией, а «цивилизационный выигрыш в случае победы получает победитель» [12, с. 360].

Сегодня мы живем и трудимся в условиях непрекращающейся *консциентальной войны*, в которой объектами поражения являются смыслы и ценностные установки народа, его верования, менталитет, национальные традиции, историческая память, т. е. все то, что отличает одну цивилизацию от другой, превращает ее в коллективную «географическую» личность, способную отстаивать свою уникальную национальную идентичность и историческую миссию даже под страхом полного физического уничтожения [12, с. 360]. Средством ведения консциентальной войны является «организационное» и «информационное» оружие.

Для достижения цели в цивилизационном противостоянии элита Запада использует все ресурсы для создания у противника состояния ужаса (террора). В целях накопления в противоборстве требуемого уровня ужаса инициатор силового воздействия должен применять две базовые организационные технологии:

1) технология «*вареной лягушки*». Суть ее содержит две позиции. Первая заключается в том, что брошенная в кипяток лягушка, как правило, выживает, поскольку способна в кризисной ситуации мгновенно мобилизовать все свои силы и выпрыгнуть из кипящей воды. Вторая состоит в том, что лягушка, помещенная в постепенно нагреваемую воду, никогда не выживает, поскольку по мере нагревания затрачивает все больше и больше усилий на адаптацию, и когда ей становится ясно, что дальнейший рост температуры воды грозит смертью, у нее просто не остается сил, чтобы совершить спасительный прыжок;

2) технология «*свернутой газеты*». Суть технологии состоит в том, что хозяин не должен наказывать щенка своей рукой, для этого следует использовать свернутую газету, поскольку ще-

нок после экзекуции не испытывает негативных чувств к хозяину, державшему в руке газету, а всю свою ненависть за наказание обрушивает на газету, с помощью которой это наказание было произведено [12, с. 365].

Зная механизмы, технологии и возможные сценарии Запада во главе с США по овладению глобальной властью и созданию «сверхобщества» по своим лекалам, а также осознав возможные последствия, мы можем и должны способствовать появлению и укреплению новых мировых центров силы, способных удержать мир от подобного сценария и стремящихся к развитию справедливого и демократичного миропорядка.

Очень четко и емко суть происходящего в рамках системного кризиса мира отмечает ученый А. М. Ильницкий: «Актуальная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемещались до степени совмещения, а спектр угроз изменился радикально. Это привело к возникновению нового типа противоборства – ментальной войне, цель которой заключается в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества» [13, с. 19].

Разделяем его научно обоснованную позицию и аргументы по ведению ментальной войны против России как на внешнем контуре, так и внутри страны. Безусловно, противостояние в «ментальной войне не менее важно, чем создание и оснащение ВС Российской Федерации новейшими системами ВВСТ» [13, с. 29]. Вне всякого сомнения, если «задача глобалистов во главе с США – устранить Россию как препятствие на пути установления нового мирового порядка» [13, с. 29], то жизненно важная задача противостояния в ментальной войне касается как Беларуси, так и Союзного государства.

Мы полагаем, что сегодня актуализируется новое направление противоборства, основанное на противоречиях субъектов геополитического соперничества, различиях в политико-экономических и социальных установках государств и их объединений, а также в образах жизни народов этих стран, которые обусловлены не только уровнем развития их культуры, но и уровнем развития их науки и мысли, результатами социальной деятельности и творчества субъектов общества.

И если выдающийся ум В. И. Вернадского утверждал, что «биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества» [14, с. 196], то сегодня, используя результаты научного творчества в разрушительных, насильственных и антигуманных целях, человечество под давлением строителей глобальной империи переходит в фазу «*ноосферной войны*», когда разум направлен не на созидание, а на обеспечение подчинения воли целых государств и народов в экономических и корыстных целях воле «глобального хозяина». Необходимы остановка и системный философский анализ того, что в XXI столетии не было ни одного дня без военного насилия. Как отмечал В. И. Вернадский, «мыслящий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление» [14, с. 233]. Поставим актуальный вопрос: или мы (человечество) перестали думать, или мысли наши в направлении насилия ради обогащения?

Рассматривая неклассические войны, профессор С. М. Иншаков обращает внимание на повышение интеллектуализации насилия и дальнейшее развитие способов подчинения воли противника своей. К числу наиболее активно используемых форм гибридной войны им отнесены: презэмптивная, информационная, сетцентрическая, кибервойна, экономическая, коррупционная, террористическая, спортивная, темная [15, с. 118]. Это далеко не полный перечень форм неклассического насилия, которые постоянно развиваются.

Итак, цель постоянного мониторинга и анализа любых форм насилия заключается в том, что жизненно важно выявлять потенциальные угрозы национальной безопасности. Стоит также учитывать, что соотношение силовых и несиловых способов борьбы, по мнению начальника Генерального штаба ВС Российской Федерации генерала армии В. В. Герасимова, составляет 1:4 в пользу последних.

В западных подходах к противоборству традиционным является соединение трех терминов – агрессия, война и воля. В англосаксонской традиции война не обязательно связана с применением летального оружия. Западные стратеги следуют постулату известного теоретика военной мысли К. Клаузевица: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить

нашу волю». Грань между миром и войной размыта. От термина «война» они стараются уйти, заменяя ее понятиями: «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п.

Разделяем позицию члена-корреспондента Академии военных наук А. А. Бартоша, что принципиально важно обратить внимание на теорию и практику противоборства в «серой зоне», понимаемого как состояние социума, которое балансирует между войной и миром. Как отмечает эксперт, «методы, используемые в СЗ, представляют собой уникальные комбинации способов запугивания, принуждения и агрессии, которые поэтапно, шаг за шагом используют для подавления сопротивления, завоевания локальных или региональных преимуществ и манипулирования рисками в свою пользу... СЗ представляет собой новое пространство между традиционными концепциями войны и мира» [16, с. 49].

Заключение. Таким образом, в современном военном насилии существенная роль отводится неклассической войне, которая, используя ограниченное применение военной силы, способна решать стратегические задачи насильственного контроля государств. Это не отменяет значимости и необходимости постоянно совершенствовать военную организацию государства, способную обеспечить оборону и военную безопасность Республики Беларусь в любых условиях [17]. Только с опорой на военную организацию государства и ее ядро – Вооруженные Силы можно обеспечить военную безопасность как в классической, так и неклассической войне.

Учитывая степень возрастания военного насилия в мире, целесообразно закрепить в новой редакции Концепции национальной безопасности приоритетный характер обороны государства [18, с. 94]. Решение проблем, связанных с дальнейшим совершенствованием военной сферы национальной безопасности, ее образовательным, научно-аналитическим и всесторонним обеспечением, является важнейшим приоритетом государственного управления в интересах сохранения и перспектив развития государства, общества и личности.

Список использованных источников

1. Беларусь и Россия утвердили новую Военную доктрину Союзного государства [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-rossija-utverdili-novuju-voennuju-doktrinu-sojuznogo-gosudarstva-467974-2021>. – Дата доступа: 09.01.2022.
2. Бартош, А. А. Гибридная война : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : КНОРУС, 2021. – 306 с.
3. Мальцев, Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: история и современность / Л. С. Мальцев. – Минск : Асобны Дах, 2003. – 245 с.
4. Бартош, А. А. Основы международной безопасности: организация Североатлантического договора – НАТО : курс лекций / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 380 с.
5. Ксенофонтов, В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны / В. А. Ксенофонтов // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2020. – № 2 (239). – С. 104–110.
6. Понкин, И. В. Неклассические войны / И. В. Понкин. – М. : ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
7. Ксенофонтов, В. А. «Цветная революция» как технология сетцентрической войны / В. А. Ксенофонтов // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2019. – № 1 (62). – С. 3–10.
8. Бузин, Н. Е. Еще раз о сущности «гибридной войны» / Н. Е. Бузин // Наука и воен. безопасность. – 2021. – № 2. – С. 2–6.
9. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
10. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
11. Новиков, В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии / В. К. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.
12. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
13. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
14. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский ; отв. ред.: Б. С. Соколов, А. А. Ярошевский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
15. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
16. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.
17. Ксенофонтов, В. А. Военная сфера как основа национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Проблемы упр. – 2021. – № 3 (81). – С. 102–108.
18. Арчаков, В. Ю. О состоянии национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Проблемы упр. – 2021. – № 3 (81). – С. 86–97.

References

1. Belarus, Russia approve new Union State military doctrine. *BelTA*. Available at: <https://eng.belta.by/politics/view/belarus-russia-approve-new-union-state-military-doctrine-144744-2021/> (accessed 09.01.2022).
2. Bartosh A. A. *Hybrid warfare*. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).
3. Mal'tsev L. S. *The Armed Forces of the Republic of Belarus: history and modernity*. Minsk, Asobny dakh Publ., 2003. 245 p. (in Russian).
4. Bartosh A. A. *Basics of international security: The North Atlantic Treaty Organization – NATO*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 380 p. (in Russian).
5. Ksenofontov V. A. Managing the will of man as a goal and an important principle of warfare. *Trudy BGTU. Seriya 6, Istoriya, filosofiya = Proceedings of BSTU. Issue 6. History, Philosophy*, 2020, no. 2 (239), pp. 104–110 (in Russian).
6. Ponkin I. V. *Non-classical wars*. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 87 p. (in Russian).
7. Ksenofontov V. A. “Colorful revolution” as a technology of network-centric warfare. *Vestnik VoЕННОI akademii Respubliki Belarus'* [Bulletin Military Academy of the Republic of Belarus], 2019, no. 1 (62), pp. 3–10 (in Russian).
8. Buzin N. E. Once again about the essence of “hybrid warfare”. *Nauka i voennaya bezopasnost' = Science and Military Security*, 2021, no. 2, pp. 2–6 (in Russian).
9. Panarin I. N. *Hybrid war: theory and practice*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 402 p. (in Russian).
10. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations: guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
11. Novikov V. K. “*Drang nach Osten*” – scenarios of information wars in action. 2nd ed. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 344 p. (in Russian).
12. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
13. Ilnitsky A. M. Mental warfare of Russia. *Voennaya mysl'*, 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).
14. Vernadskii V. I. *Biosphere and noosphere*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 261 p. (in Russian).
15. Inshakov S. M. *Hybrid war in the system of military threats to national security*. Moscow, RUSAINS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).
16. Bartosh A. A. *Gray zone: theater of hybrid war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 308 p. (in Russian).
17. Ksenofontov V. A. Military sphere as the basis of national security. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2021, no. 3 (81), pp. 102–108 (in Russian).
18. Archakov V. Yu., Bankovsky A. L. On the state of national security of the Republic of Belarus at the present stage. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2021, no. 3 (81), pp. 86–97 (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., 220057 Minsk, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 17(091)(043.3)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-149-157>

Поступила в редакцию 29.10.2021
Received 29.10.2021

М. Г. Шатерник

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ВВЕДЕНИЕ В ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЮ КОНЦЕПЦИЮ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Рассматривается теоретико-методологическое содержание этико-философской концепции морального дискурса, продемонстрировано её достоинство в смысле систематизации и интеграции разнородных теоретических предпосылок формирования понятия «моральный дискурс». В рамках данной концепции выстроена линия преемственности идей, ставших предпосылкой формирования понятия «моральный дискурс» в философии и этике, а также отмечен вклад методологии лингвистического исследования, где дискурс изначально получил наибольшее развитие. Охарактеризованы конкретные параметры этико-философской концепции морального дискурса, которые, по мнению автора, проявляются при анализе специфики философского познания. Последовательный анализ функций и основных предметных областей философии позволил выявить синергизм мировоззренческой, методологической и социально-критической функций, а также обосновать целостность морального дискурса в контексте онтологического, гносеологического, аксиологического и праксеологического его рассмотрения. Показана перспективность этико-философской концепции морального дискурса для раскрытия его сущности, структуры и функций как целостности.

Ключевые слова: этико-философская концепция, моральный дискурс, параметры концепции, теоретико-методологическое содержание концепции, этическая ориентация философии

Для цитирования: Шатерник, М. Г. Введение в этико-философскую концепцию морального дискурса / М. Г. Шатерник // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 149–157 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-149-157>

Michael G. Shatsernik

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

INTRODUCTION TO THE ETHICAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPT OF MORAL DISCOURSE

Abstract. This article describes the theoretical and methodological content of the ethical and philosophical concept of moral discourse, demonstrates its advantage in the sense of systematization and integration of heterogeneous theoretical prerequisites for the formation of the concept of moral discourse. It provides a number of ideas that have become prerequisites for the formation of the concept of discourse in philosophy and ethics. The contribution of the methodology of linguistic research, where the discourse was initially most developed, is noted. In addition, the work describes the specific parameters of the ethical and philosophical concept of moral discourse, which are caused by the nature of philosophical knowledge. A consistent analysis of the functions and main subjects of philosophy made it possible to reveal the synergy of the ideological, methodological, and socio-critical functions of philosophy, as well as to substantiate the integrity of moral discourse in the context of the ontological, epistemological, axiological and praxeological consideration. Thus, the paper shows the perspectiveness of the ethical and philosophical concept of moral discourse for disclosing its essence, structure and functions as integrity.

Keywords: ethical and philosophical concept, moral discourse, concept parameters, theoretical and methodological content of the concept, ethical orientation of philosophy

For citation: Shatsernik M. G. Introduction to the ethical and philosophical concept of moral discourse. *Vesti Natsyynal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 149–157 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-149-157>

Введение. Отечественная научная литература, в которой целенаправленно изучается моральный дискурс, встречается достаточно редко, тем более не приходится говорить о систематическом изучении морального дискурса.

В качестве исключения можно привести диссертацию «Мораль как дискурсивная формация» [1], в которой, однако, автор не использует понятие «моральный дискурс», но, следуя методологии М. Фуко и дискурсивному подходу в этике, исследует моральную формацию как исторически сложившуюся форму морали. Мораль предстает как одна из множества дискурсивных формаций культуры, в которой речь идет об оценках и ценностях. В статьях Е. В. Беляевой произ-

ведено первичное упорядочение представлений об особенностях морального дискурса [2], проанализированы его когнитивный и коммуникативный аспекты [3].

В диссертации К. В. Ошкиной моральный дискурс понимается как «сложное коммуникативное явление, отражающее основные элементы морального сознания» [4]. В статье моральный дискурс интерпретируется ею как «вовлеченное во все сферы человеческого бытия коммуникативное явление, включающее в себя связный, вербальный текст, отражающий элементы морального сознания...» [5, с. 97]. Однако при таком подходе не подлежат изучению фундаментальные характеристики морального дискурса. Он не рассматривается в рамках дискурсного подхода, поскольку цель работы К. В. Ошкиной состоит в «выявлении способов языковой актуализации морального дискурса немецкоязычных СМИ». Это обуславливает чисто лингвистические методы исследования, которые не позволяют понять сущностную природу морального дискурса.

Следовательно, на основе анализа отечественной научной литературы, в которой моральный дискурс, в том или ином отношении, стал предметом изучения, можно сделать заключение, во-первых, о его малоизученности, а во-вторых – об отсутствии знания о моральном дискурсе как о целостном феномене, который обладает своей уникальной сущностью, структурой и функциями в единстве его предельно абстрактного и конкретного рассмотрения.

В истории философии исследования морального дискурса встречаются в трудах Э. Левинаса, Ю. Хабермаса, М. Фуко. Однако подходы и исследовательские задачи данных философов настолько различны, что обобщение и типология данных подходов требуют создания особого метода, который позволил бы интегрировать разнородные теоретические предпосылки исследования морального дискурса в перспективе его рассмотрения как целостного феномена, обладающего сущностью, структурой и функциями.

Таким образом, отсутствие однозначной традиции фундаментального исследования морального дискурса и неопределенность данного понятия подчеркивают актуальность выявления теоретико-методологической ориентации и параметров такого исследования, в процессе которого могут быть интегрированы разнородные предпосылки понимания морального дискурса как целостности. Представляется, что таким инструментом целостного конституирования морального дискурса и его параллельного исследования является его этико-философская концепция, поскольку в ней содержится методологический потенциал, который позволит эксплицировать сущность и фундаментальные характеристики морального дискурса как целостности.

Итак, в статье будет решаться задача определения и обоснования теоретико-методологического содержания этико-философской концепции морального дискурса, которая не только позволит интегрировать разнородные теоретические и методологические предпосылки его понимания как целостного феномена, но и станет системой выражения его фундаментальной сущности. Также будет осуществлен исторический обзор предпосылок возникновения понятия «моральный дискурс» в лингвистике, этике и философии.

Основная часть. В философии интерес к языку усилился в конце XIX в., произошел так называемый лингвистический поворот, суть которого заключалась в том, что язык стал рассматриваться с точки зрения его способности играть определяющую роль при анализе онтологических, гносеологических, аксиологических и праксеологических философских проблем. Языковая структура стала трактоваться как особая субстанция, способная определять сущность бытия человека, специфику познавательных и герменевтических процессов, выявлять ценностный аспект жизни человека, фундировать его деятельность.

Такое понимание языка определяет специфику этико-философского подхода к дискурсу в сравнении с лингвистическим подходом, который ориентирован на познание природы дискурса как речемыслительного феномена и рассматривает дискурс в связи с его языковыми функциями, но главное – предметом лингвистики является система языка как таковая, в то время как этико-философское познание языка инспирировано философскими проблемами самопознания и самоопределения человека в мире.

Тем не менее семиология как наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества [6], во многом способствовала становлению теории дискурса. Важнейшим итогом работы Ф. де Соссюра стало различение языка и речи, при котором подчеркивалась взаимосвязь речи с психофизическими способностями к пониманию, в то время как для языка в большей степени актуальны

чисто семиотические параметры. Если язык предстает как дифференциальная система значений, в которой знак имеет свое место благодаря отличию от других знаков системы, то речь задействует когнитивные, т. е. мыслительные и психологические процессы.

Этическая специфика рассмотрения морального дискурса, во-первых, объясняется особенностью дискурсного подхода в этике, в рамках которого мораль понимается как феномен, возникающий и существующий в контексте дискурса; в поле зрения современной этики лежат механизмы детерминации норм и ценностей моральным дискурсом. Во-вторых, специфика рассмотрения морального дискурса обоснована этической ориентацией философского познания.

После анализа языка морали в рамках метаэтики он стал трактоваться не как отражение происходящих процессов, а скорее как инструмент создания смысловой структуры рассматриваемой реальности. Для гуманитарных наук это означает, что социальное бытие, которое в них исследуется, не просто изучается, но одновременно и формируется, в том числе посредством структуры применяемого языка.

В исследованиях раннего периода Л. Витгенштейн применял логический анализ языка для выяснения возможности обоснованного этического высказывания. Он пришел к утверждению о существовании особой, интимной области этического, которая не укладывается в парадигму статической логики пропозиций. По мнению Л. Витгенштейна, этический смысл мира «должен лежать за его пределами» [7, с. 70]. Соответственно, этот смысл находится и за пределами семантики, которая только обесценивает этическое, сводя его к логическим объектам.

О дискурсном подходе в этике впервые заговорил К.-О. Апель. Он стремился конструктивно преодолеть результаты метаэтической критики языка этики. Восприняв хайдеггеровскую мысль о языке как доме бытия, а также идеи Л. Витгенштейна о языковых играх, К.-О. Апель пришел к мысли о том, что формы морали конституируются в языковых практиках, а это привело к возникновению подхода, названного «этика дискурса».

К.-О. Апель предложил коммуникативную концепцию, согласно которой «жизненный мир все еще истолковывается на языке, а априори обыденно-языкового взаимопонимания является надежным условием возможности и intersубъективной значимости любого мыслимого формирования философской или научной теории» [8, с. 291]. Согласно К.-О. Апелю, в основе жизненного мира лежит обыденный язык, в котором уже заложены моральные понятия как априори морального осмысления жизненного мира. Язык морали при таком понимании является мерилем социального бытия, в нем уже определено содержание моральных понятий. Поскольку языковая практика, помимо прочего, представляет собой социально-коммуникативный механизм, постольку этика дискурса акцентирует внимание на социальной и коммуникативной природе моральных феноменов.

Идея коммуникативной природы морального дискурса получила развитие в философии Ю. Хабермаса. Его исследования были спровоцированы интересом к одной из основных проблем этики – возможности построения истинных моральных суждений. Моделям, утверждавшим некогнитивный статус моральных высказываний, он противопоставил идею о рациональной природе морали, проявляющейся в аргументированном дискурсе. Ю. Хабермас считал метафизику ложным основанием для объяснения феномена морали, так как «теории метафизического типа... проходят мимо нуждающихся в объяснении феноменов уже постольку, поскольку они понимают нормативные предложения по ложному образцу» [9, с. 68–69], т. е. Ю. Хабермас понимал мораль как знание.

Моральные феномены, полагал философ, раскрываются в ходе формально-прагматического исследования коммуникативных действий, в которых акторы высказывают взаимные притязания на значимость своих нормативных установок. Именно поэтому моральный дискурс – явление коммуникативно-аргументативное, имеющее чисто прагматические цели. По мнению Ю. Хабермаса, социальная реальность, с которой мы соотносимся в регулятивных речевых действиях, уже изначально переплетена с притязаниями высказываний на нормативную значимость. Ответственная реальность приобретает моральное измерение благодаря притязанию высказываний множества субъектов на нормативную значимость, а признание истинности тех или иных притязаний сообщает реальности определенную моральную форму.

С точки зрения Ю. Хабермаса, одна из главных функций дискурса – корректировка социальной реальности, наделение ее истинными, т. е. intersубъективно значимыми и рационально аргу-

ментированными усмотрениями. Такая задача решается посредством проведения дискуссий, реализующихся в моральной аргументации.

Теория Ю. Хабермаса, будучи ориентированной на решение проблемы обоснования истинности моральных суждений и находя решение в интересубъективной их значимости, полагает в основу морали консенсус. Согласно Ю. Хабермасу, современная нравственность должна стать результатом консенсуса, достигнутого в результате дискурса или рассуждения о морали.

Так, заслугой К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса стала разработка коммуникативно-ориентированного подхода к морали как дискурсу, с помощью которого предлагалось разрешить наиболее актуальные социальные и этические проблемы. В результате именно моральный дискурс рассматривался ими как дискурс по преимуществу, а главной прагматической характеристикой дискурса был назван консенсус. При этом моральный дискурс в качестве фундаментальной философской категории ими не рассматривался. Ученые вели речь об этике дискурса, которая может быть понята как дисциплина, исследующая природу и характеристики морали в рамках языкового взаимоотношения людей и их коммуникации. Именно поэтому в этике *моральный дискурс* часто понимается как *дискурс о морали*, т. е. в качестве речи или диалога на морально-нравственные темы. Такое исследование морали сквозь призму дискурса получило название дискурсного подхода в этике.

При философском и этическом анализе *дискурса о морали* в качестве процесса общения двух или более людей он предстает как сложный и самостоятельный способ организации речемыслительной деятельности, имеющий свои закономерности и характеристики, обладающий своей природой, структурой и функциями, т. е. как *моральный дискурс*.

Специфический подход к моральному дискурсу был реализован М. Фуко. Для него, с одной стороны, дискурс обезличивает субъекта посредством интерпретирующих структур эпистемы и архива, что актуализирует вопрос об основаниях моральной субъективности. С другой стороны, в дискурсе активно реализуется стремление к самоконституированию субъекта, которое осуществляется в особой технике заботы о себе. В этой «технике себя», или технологии самости, основная роль принадлежит созданию особой дискурсивной области морали, которая является фундаментом той или иной исторической формы культуры [10]. В результате заботы о себе образуются культурные феномены, наполненные морально-ценностным содержанием. Таким образом, «техники себя» оказывают влияние, а порой детерминируют специфику формирования архивов и дискурсивных формаций, т. е. дискурсивных компонентов знания о человеке.

Реконструируя историческую форму европейской морали, М. Фуко обнаружил, что ее истоки берут начало в сократовском дискурсе заботы «о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше» [11, с. 18]. Данный сократовский дискурс является историческим дискурсом, победившим в борьбе за право быть значащим и, таким образом, выступать предпосылкой осмысления морального статуса феноменов в европейской культуре.

Нормы морали также являются историческими социальными конструктами. Согласно М. Фуко, забота о себе – это стремление к созданию самости *додискурсивным* субъектом. Единственное, что может быть противопоставлено дискурсам, по мнению М. Фуко, это «критическая работа мысли над самой собой», в которой субъект ищет пути собственного освобождения. Как представляется, это и есть моральный дискурс философа.

На формирование дискурсного подхода в этике оказали влияние новые подходы к онтологии и структуре организации бытия, представленные в текстах Ж. Делеза. В ходе анализа проблемы образования смысла Ж. Делез пришел к выводу, что в большой степени итоговый смысл высказывания зависит от строения пропозиции. Он, однако, отметил, что субъективный уровень последней, относящийся к вере и убеждениям, взаимодействует со всеми основными уровнями пропозиции. Именно поэтому этические высказывания образуют особый смысл, который является не объективной функцией пропозиции, а объективацией субъективности. В написанной совместно с Ф. Гваттари работе «Капитализм и шизофрения: Тысяча плато» [12] логика причины и следствия заменяется на логику равноправного синтеза, снимается онтологическое различие между вещами и идеями. Такой тип отношений стал основой для дискурсивных систем, в которых отсутствуют причинно-следственные детерминации. В них происходит актуализация разнопорядковых лингвистических и внелингвистических аспектов.

В результате разработки представителей постмодернизма, которые на первый взгляд являлись деструктивными по отношению к этике, на самом деле могут быть довольно продуктивны для построения новой этической парадигмы. Они позволяют показать, как в рамках морального дискурса синтезируются моральные смыслы.

При наличии интуитивных представлений о сущности и функциях морального дискурса четкая философская интерпретация данного феномена – большая редкость. Одним из исключений является творчество Э. Левинаса, в котором дискурс понимается как принципиально этическое отношение: «Отношение к Другому, или Дискурс, является отношением этическим» [13, с. 88]. В дискурсе реализуется метафизическое отношение к Другому, в котором только и возможно проявление моральных характеристик. Согласно философу, в дискурсе как этическом отношении устанавливается особый тип бытия, в основе которого находится метафизическая инаковость. Метафизическое отношение Самотождественного и Иного реализуется через речь: «Отношение Самотождественного и Иного осуществляется изначально в виде речи» [13, с. 78], т. е. в концепции Э. Левинаса дискурс рассматривается на онтологическом уровне. Дискурс предстает как особый метафизический контекст, делающий любое отношение этическим по сути. Соответственно, любые мыслительные акты или высказывания попадают в рамки моральной интерпретации в дискурсе.

Можно сказать, что концепция Э. Левинаса успешно дополняет онтологическими элементами коммуникативный подход К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, а также культурно-исторический подход этической концепции М. Фуко, в которой моральный дискурс как особая техника заботы о себе предполагает создание собственного типа морального бытия.

Таким образом, можно констатировать существование гносеологических, прагматических, этических и культурно-исторических предпосылок трактовки сущности морального дискурса. Однако одно их сложение не позволяет определить сущность, структуру и функции морального дискурса как целостности. Для решения этих задач необходимо синтезировать разнородное знание о моральном дискурсе в рамках соответствующей концепции, которая позволит выявить его сущность, структуру и функции. Данная операция возможна посредством этико-философской концепции морального дискурса, которая в отличие от лингвистического подхода и подходов других гуманитарных наук содержит методологический потенциал и ориентацию на раскрытие его фундаментальной этико-философской сущности.

Методологическая ориентация этико-философской концепции морального дискурса, которая позволяет синтезировать разнородное знание о нем, проясняется в связи с функциями философии, среди которых мировоззренческая, методологическая и социально-критическая.

В *мировоззренческом* плане философия ориентирована на выработку обобщенной системы взглядов на универсум и место в нем человека. Мировоззренческий аспект философского подхода к исследованию дискурса состоит в рассмотрении его в качестве детерминирующего или связанного с формированием мировоззренческой картины мира, влияющего на понимание человеком своей роли и исторического предназначения, а также ассоциированного с пониманием целей и перспектив развития человеческого общества и культуры.

Поскольку дискурс погружен в жизненную реальность, т. е. сам конституирует ее в процессе дискурсивной интерпретации и концептуализации, то изучение его сущности возможно только с помощью этико-философской ориентации, так как в конечном итоге любой дискурс в отношении человека проявляет ту или иную степень своей моральности.

Вместе с тем поскольку жизнь человека имеет экзистенциальные аспекты, то и характер дискурса во многом обусловлен его экзистенциальным морально-ценностным содержанием. По этой причине философское исследование неизбежно заостряет внимание на этической интерпретации дискурса. Более корректно говорить об этико-философском исследовании дискурса, которое соответствует самому духу философии и призвано усовершенствовать понимание человеком своего места в мире и построить мировоззренческую базу своего существования.

Именно поэтому важнейшей задачей этико-философского исследования дискурса является получение *аксиологического* знания. По мнению В. С. Степина, «главное предназначение философии – понять не только, каков в своих глубинных основаниях наличный человеческий мир, но и каким он может и должен быть» [14, с. 910]. Из природы философии закономерно вытекает идея А. А. Гу-

сейнова о том, что «философия – это этический проект» [15, с. 6]. Философской методологии имманентно стремление к разрешению проблемы ценностного основания человеческой жизни и деятельности. Философия интерпретирует способы правильной жизни человека в мире (этика), которые находят свои следствия в постановке вопросов о законах мысли (логика) и законах устройства мира (физика), где «этика является объединяющей целевой установкой» [15]. Это означает, что этико-философское исследование дискурса предполагает необходимость этической составляющей, т. е. заинтересованности исследователя в нормативно-ценностных и смысловых результатах своей деятельности и этической экспликации результатов исследования. Поскольку, по словам В. С. Степина, «объективно истинное объяснение и описание применительно к “человекообразным” объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [16, с. 223], а также поскольку дискурс не принадлежит к миру вещей, а скорее является «человекообразным» объектом, то главной характеристикой его исследования должна выступать аксиологическая интерпретация, что и формирует основу этико-философской концепции.

В рамках этико-философской концепции морального дискурса проясняется природа ценностей, обосновывается имманентность ценностно-ориентированного сознания природы человека. Тем самым складывается представление о человеке как ценностно-ориентированном субъекте дискурса [17], в основе которого лежит ценностная природа его бытия.

Методологическая функция философии заключается в разработке и обосновании познавательных стратегий, что при исследовании морального дискурса выражается в стремлении к формированию его первичной теоретической модели, в определении таких методов, с помощью которых категория дискурса может получить наиболее продуктивную экспликацию. Реализующийся в методологической функции философский образ теоретизирования выразится в идее фундаментальности, универсальности дискурса, его неразрывного взаимоотношения с бытием. Этико-философское исследование будет ориентировано на поиск первопричины изучаемого явления независимо от того, в языке и методологии какой науки это явление представлено. Именно поэтому при исследовании дискурса философия осуществляет параллельное его рассмотрению построение методологии научного поиска, спорадически привлекая различные узкоспециальные научные дисциплины.

В то же время философия разрабатывает системы принципов и норм научно-познавательной деятельности, понятийно-категориальный аппарат, который является универсальным для всего ряда научных дисциплин. Всеобщность и всеобъемлющий характер философского поиска делает полученное философией знание эвристичным для последующего развития его другими науками. Именно поэтому философское исследование дискурса должно позволить раскрыть его универсальную сущность, а также частные специфические особенности, что в последующем будет способствовать развитию дискурсного подхода в иных научных областях, которым, по выражению В. С. Степина, философия совершает парадигмальную прививку [18]. Обращение к этической и философской категории «дискурс» должно открыть перспективы для разработок новых методов исследования в рамках философии и других социогуманитарных наук.

Методологическая ориентация философии позволяет интегрировать наработки современной эпистемологии [19, с. 9–15] в этико-философское исследование. К ним относятся, во-первых, посткритицизм, т. е. понимание факта, что познание и моральная интерпретация действий не могут начинаться с нуля, но предполагают осознание познающим субъектом своей причастности к одной из традиций исследования, где учитывается влияние личных предпочтений и убеждений исследователя. В результате любое знание оказывается обусловленным определенным моральным дискурсом, в рамках которого складываются модели интерпретации изучаемого феномена.

Во-вторых, современная эпистемология ориентирует на поиск изменчивости познавательных норм и динамичности предмета исследования. В этом плане концепция морального дискурса впитала в себя современные наработки, но в то же время критически понимает свою «хронотопную» обусловленность, а динамичность интерпретирует с точки зрения открытости для взаимодействия с любыми элементами современной философии.

В-третьих, современную методологию характеризует отказ от субъектоцентризма, т. е. смещение внимания от констатации наличия субъекта к поиску возможности генезиса субъектности. В данном аспекте одной из важнейших задач является определение природы и места субъекта

морального дискурса в его структуре. Для этого понадобится исследовать истоки субъективности и способы, посредством которых она приобретает человеческое лицо, а также механизмы взаимодействия субъекта с дискурсом и роль субъекта в моральном дискурсе.

В-четвертых, наблюдается отказ от вульгарного наукоцентризма и понимание того, что в основании научного знания лежат элементы обыденного языка, различные формы вненаучного знания, убеждения, ценности, вера, которые во многом формируются дискурсивно. В целом современная эпистемология ориентирует на достижение такого знания, которое подразумевало бы ценностную интерпретацию и значимость.

Социально-критическая ориентация философии при изучении дискурса выражается в том, что знание о его сущности и специфике должно способствовать совершенствованию принципов, методов и форм организации жизни общества. В частности, знание о природе и характеристиках дискурса будет содействовать формированию более адекватных идеалов социального порядка и методов переустройства общества. В результате этико-философского исследования дискурса эксплицируются механизмы детерминации общественной жизни, позитивные и негативные аспекты влияния дискурса на общественную жизнь.

Примером социально-критической ориентации философии является трактовка дискурсивных механизмов детерминации ценности в концепции Ж. Бодрийера [20, с. 12–13], который показал, что представления о ценностях и способ их функционирования в общественной жизни во многом детерминированы дискурсом. Предметы реальности становятся носителями индексированных социальных значений, т. е. социальной и культурной иерархии, задаваемой определенным типом дискурса. Согласно Ж. Бодрийеру, вещи могут обладать двумя видами ценности, которые можно обозначить как материальную и дискурсивную. Материальная ценность непосредственно касается удовлетворения витальных потребностей человека. Дискурсивная ценность отличается способом своего формирования. Она ничем не обоснована, кроме как актуализацией в различных дискурсах и устойчивой ассоциацией с некоторым предметом, что, соответственно, номинирует данный предмет как ценность. Это может приводить к тому, что ценными в обществе становятся вещи, не имеющие, казалось бы, для этого никакого основания. Именно такие, ничем не обоснованные ценности и называются симулякрами.

Специфика этико-философского исследования морального дискурса проявляется также в основных предметных областях философии – онтологии, гносеологии, аксиологии и праксеологии.

В *онтологическом* аспекте рассмотрение морального дискурса определяется двумя моментами. Во-первых, онтологическое исследование предполагает отсылку к первичным и наиболее значимым параметрам *бытия* предмета исследования в его предельной абстракции. Соответственно, моральный дискурс подлежит изучению на предмет его фундаментальной онтологической природы. Во-вторых, в результате онтологического исследования вносятся коррективы в представление о бытии в целом. Если в моральном дискурсе центральное место принадлежит нормативно-ценностным характеристикам, то, соответственно, возникает такой тип бытия, в котором эти характеристики являются системообразующими.

В *гносеологическом* аспекте исследование дискурса связано со стремлением человека получить адекватное знание о мире. В неклассической философии подчеркивается, что знание не является чем-то объективным, строго и бесстрастно воспроизводящим структуру исследуемого объекта. Тем более, что не существует той моральной материи, для воспроизведения которой язык понятий был бы пригоден. Концепты морального сознания, с помощью которых осуществляется познание морального мира, устанавливаются человеком вне референтной модели логики, но являются дискурсивным продуктом. Мораль обретает реальность в дискурсивном проговаривании и концептуализации и в то же время отсылает к изначальному непосредственному переживанию особого морального бытия, которое и становится предметом концептуализации и обсуждения.

Гносеологическое исследование предполагает построение некой обобщенной модели источника познавательной активности. Таким источником является человек, познавательная деятельность которого носит дискурсивный характер, позволяющий произвести концептуальное содержание морального сознания. Таким образом, гносеологическое исследование дискурса ориентировано на описание специфического способа детерминации знания дискурсом.

Аксиологические аспекты дискурса выявляются в этико-философском исследовании благодаря тому, что дискурс обладает особыми функциями в контексте общего аксиологического пространства человеческой жизни. Аксиологическое рассмотрение дискурса направлено на постижение его роли в образовании ценностей, в их генезисе и развитии, во взаимодействии с другими аспектами социального бытия. *Праксеологический* аспект исследования дискурса должен способствовать повышению эффективности организации деятельности людей с помощью адекватной интерпретации ее нравственного аспекта.

Выводы. Этико-философская концепция морального дискурса предполагает этическую интерпретацию знания, полученного посредством философского анализа дискурса. Данная концепция ориентирована на решение универсальных философских задач морального самопознания субъекта и его нравственного самоопределения как личности. Этической интерпретации подлежит философское знание об онтологических характеристиках дискурса в контексте его влияния на бытие человека и общества; о роли дискурса в организации норм и принципов познавательной деятельности; трактовке морального дискурса как механизма формирования мировоззренческих ориентиров; понимании человека как ценностно-ориентированного субъекта дискурса; рефлексии дискурсивных практик, определяющих процессы социокультурного развития.

В рамках этико-философской концепции осуществляется интеграция базовых философских представлений о моральном дискурсе, которые разработаны Ю. Хабермасом, рассматривавшим дискурс о морали как область ее формирования в зависимости от дискурсивных особенностей коммуникации; Э. Левинасом, который трактовал дискурс как изначальное этическое отношение к Другому, являющееся основой морального сознания; М. Фуко, который понимал дискурс как конкретную историческую структуру, хронотоп которой определяет понятия, отношения, социальные факторы и в рамках которой формируется знание о предмете конкретного дискурса. Также М. Фуко наметил пути понимания техники заботы о себе как процесса формирования морального дискурса, в котором субъект и социальное бытие обретают моральные характеристики.

Исходя из философской и этической специфики морального дискурса, при отсутствии фундаментального и систематического его определения можно констатировать, что этико-философская концепция морального дискурса является перспективным способом познания его сущности, структуры и функций как целостного феномена.

Список использованных источников

1. Болотникова, Е. Н. Мораль как дискурсивная формация : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Н. Болотникова ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2006. – 18 с.
2. Беляева, Е. В. Параметры морального дискурса / Е. В. Беляева // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2016. – № 2. – С. 20–26.
3. Беляева, Е. В. Когнитивный и коммуникативный аспекты морального дискурса / Е. В. Беляева // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. – Минск, 2016. – Вып. 15. – С. 152–159.
4. Ошкина, К. В. Способы языковой актуализации морального дискурса: на примере немецкоязычных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. В. Ошкина ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2007. – 16 с.
5. Ошкина, К. В. Метонимия как языковой способ актуализации морального дискурса (на материале немецкого языка) / К. В. Ошкина // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2007. – № 1 (51). – С. 97–99.
6. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; пер. с фр. А. Сухотин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 426 с.
7. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы : в 2 ч. / Л. Витгенштейн ; сост., вступ. ст. и коммент. М. С. Козловой ; пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 3–73.
8. Апель, К.-О. Трансформация философии : пер. с нем. / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
9. Хабермас, Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования / Ю. Хабермас // Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас ; под ред. Д. В. Складнева. – СПб., 2001. – С. 67–172.
10. Шатерник, М. Г. Сравнение философско-этических концепций дискурса М. Фуко и Ю. Хабермаса / М. Г. Шатерник // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2017. – № 1. – С. 47–52.
11. Фуко, М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981–1982 учеб. году / М. Фуко ; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб. : Наука, 2007. – 682 с.
12. Делез, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирицкого. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
13. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечное : пер. с фр. / Э. Левинас. – М. : Культур. инициатива ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 416 с.

14. Степин, В. С. *Философия* / В. С. Степин // *Философия : энцикл. слов.* / А. И. Абрамов [и др.] ; под ред. А. А. Ивина. – М., 2004. – С. 909–912.
15. Гусейнов, А. А. *Философия как этический проект* / А. А. Гусейнов // *Вопр. философии.* – 2014. – № 5. – С. 16–26.
16. Степин, В. С. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации* / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М. : Ин-т философии Рос. акад. наук, 1994. – 274 с.
17. Шатерник, М. Г. *Проблема субъекта в философии дискурса* / М. Г. Шатерник // *Философия и соц. науки.* – 2016. – № 2. – С. 18–22.
18. Степин, В. С. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция* / В. С. Степин. – М. : Прогресс-традиция, 2003. – 743 с.
19. Лекторский, В. А. *О классической и неклассической эпистемологии* / В. А. Лекторский // *На пути к неклассической эпистемологии* / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; редкол.: В. А. Лекторский (отв. ред.), Н. С. Мудрагей, Е. О. Труфанова. – М., 2009. – С. 7–24.
20. Бодрийяр, Ж. *К критике политической экономии знака* / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. Д. Кралечкин]. – М. : Акад. проект, 2007. – 335 с.

References

1. Bolotnikova E. N. *Morality as a discursive formation torus*. Abstract of Ph. D. diss. Samara, 2006. 18 p. (in Russian).
2. Belyaeva E. V. Parameters of moral discourse. *Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya = Vesnik of Brest University. Series 1. Phylosophy. Politology. Sociology*, 2016, no. 2, pp. 20–26 (in Russian).
3. Belyaeva E. V. Cognitive and communicative aspects of moral discourse. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly* [Scientific papers of the Republican Institute of Higher Education]. Minsk, 2016, no. 15, pp. 152–159 (in Russian).
4. Oshkina K. V. *Ways of linguistic actualization of moral discourse: the example of German-language media torus*. Abstract of Ph. D. diss. Irkutsk, 2007. 16 p. (in Russian).
5. Oshkina K. V. Metonymy as a linguistic way of actualizing moral discourse (on the example of the German language). *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Bulletin of the Irkutsk State Economic Academy*, 2007, no. 1, pp. 97–99 (in Russian).
6. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale* [General linguistics course]. Paris, Payot, 1972. 510 p. (in French).
7. Wittgenstein L. *Logisch-Philosophische Abhandlung* [Tractatus logico-philosophicus]. *Annalen der Naturphilosophie*, 1921, vol. 4, pt. 3/4, pp. 185–262 (in German).
8. Apel K.-O. *Transformation der philosophie*. Frankfurt Am Main, Suhrkamp, 1973. 2 vol. (in German).
9. Habermas J. Ethics of discourse: notes on the justification program. *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg, 2001, pp. 67–172 (in Russian).
10. Shatsernik M. G. A comparative analysis of the philosophical and ethical theory of discourse by M. Foucault and J. Habermas. *Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya = Vesnik of Brest University. Series 1. Phylosophy. Politology. Sociology*, 2017, no. 1, pp. 47–52 (in Russian).
11. Foucault M. *L'herméneutique du sujet: cours au Collège de France (1981–1982)* [The hermeneutics of the subject: course at the College de France (1981–1982)]. Paris, Gallimard, 2001. 540 p. (in French).
12. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie, mille plateaux* [Capitalism and schizophrenia, a thousand plateaus]. Paris, Éditions de Minuit, 1980. 645 p. (in French).
13. Levinas E. *Favorites. Totality and infinite*. Moscow, Kul'turnaya initsiativa Publ.; St. Petersburg, Universitetskaya knina Publ., 2000. 416 p. (in Russian).
14. Stepin V. S. *Philosophy. Philosophy: an encyclopedic dictionary*. Moscow, 2004, pp. 909–912 (in Russian).
15. Guseinov A. A. Philosophy as ethical project. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 5, pp. 16–26 (in Russian).
16. Stepin V. S., Kuznetsova L. F. *Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1994. 274 p. (in Russian).
17. Shatsernik M. G. Problem of the subject in the philosophy of discourse. *Philosophiya i sotsial'nye nauki = The Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2016, no. 2, pp. 18–22 (in Russian).
18. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution*. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 2003. 743 p. (in Russian).
19. Lektorskii V. A. On classical and non-classical epistemology. *Na puti k neklassicheskoi epistemologii* [Towards a non-classical epistemology]. Moscow, 2009, pp. 7–24 (in Russian).
20. Baudrillard J. *Pour une critique de l'économie politique du signe* [For a critique of the political economy of the sign]. Paris, Gallimard, 1972. 268 p. (in French).

Информация об авторе

Шатерник Михаил Григорьевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 33mg@mail.ru

Information about the author

Michael G. Shatsernik – Ph. D. (Philos.), Junior Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 33mg@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 314.18(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165>

Поступила в редакцию 03.09.2021
Received 03.09.2021

М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Рассмотрены основные этапы демографического развития в Беларуси, а также эволюция организационной основы обеспечения демографической безопасности. Определено, что основным инструментом обеспечения демографической безопасности являются национальные демографические программы, успешное выполнение которых позволило значительно сократить объемы естественной убыли населения Беларуси и стабилизировать численность населения страны.

Показано, что современное состояние демографической ситуации в Республике Беларусь характеризуется ростом естественной убыли населения, обусловленной низкой рождаемостью и высокой смертностью, ухудшением возрастной структуры, старением населения. Авторы связывают наступление новой волны депопуляции с переходом Беларуси к новому типу воспроизводства населения, для которого закономерна трансформация репродуктивного поведения в сторону уменьшения норм детности, а также с вступлением в репродуктивный возраст малочисленных когорт 1990-х гг.

Авторы приходят к выводу, что, несмотря на заметные позитивные результаты последнего десятилетия, демографические перспективы страны остаются весьма неоднозначными. В этой связи для решения всего комплекса демографических проблем в Беларуси необходимо формирование новой парадигмы развития государственной демографической и миграционной политики, способной предупредить и нивелировать демографические угрозы и способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения.

Ключевые слова: демографическая ситуация, депопуляция, внешняя и внутренняя миграция населения, городское и сельское население, демографическая политика, миграционная политика

Для цитирования: Артюхин, М. И. Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 158–165 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165>

Mikhail I. Artyukhin, Siarhey A. Pushkevich

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF BELARUS: CURRENT STATE AND MAIN TRENDS

Abstract. The article considers the main stages of demographic development in Belarus, as well as the evolution of the organizational framework for ensuring demographic security. It is determined that the main tool for ensuring demographic security is national demographic programs, the successful implementation of which has significantly reduced the volume of natural decline in the population of Belarus and stabilized the population of the country.

It has been shown that the current state of the demographic situation in the Republic of Belarus is characterized by an increase in the natural decline in the population due to low fertility and high mortality, a deterioration in the age structure, and an aging population. The authors associate the onset of a new wave of depopulation with the transition of Belarus to a new type of reproduction of the population, for which it is natural to transform reproductive behavior towards a decrease in the norms of childhood, as well as with the entry into reproductive age of small cohorts of the 90s of the last century.

The authors conclude that, despite the notable positive results of the last decade, the demographic outlook of the country remains very mixed. In this regard, in order to solve the whole set of demographic problems currently facing Belarus, it is necessary to create a new paradigm for the development of State demographic and migration policies that can prevent and mitigate demographic threats and contribute to the formation of a progressive type of population reproduction.

Keywords: demographic situation, depopulation, external and internal migration of the population, urban and rural population, demographic policy, migration policy

For citation: Artyukhin M. I., Pushkevich S. A. Demographic development of Belarus: current state and main trends. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 158–165 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165>

Введение. Современное состояние демографической ситуации в Республике Беларусь характеризуется естественной убылью населения, обусловленной низкой рождаемостью, высокой смертностью, ухудшением возрастной структуры, старением населения. Негативные тенденции в демографическом развитии страны отмечаются с 1978 г., когда коэффициент воспроизводства населения стал ниже минимума, необходимого для его простого воспроизводства. В 1994 г. Беларусь вступила в качественно новый этап своего демографического развития – депопуляцию, которая, по прогнозам демографов, будет иметь долговременный и устойчивый характер. В связи с этим была поставлена задача создания социально-экономических условий, достаточных для предупреждения и нейтрализации демографических угроз и формирования оптимального типа воспроизводства населения.

Основная часть. Основными официальными документами, определившими стратегию демографического развития молодого независимого государства, явились принятые в 1998 г. Концепция государственной демографической политики Республики Беларусь и Основные направления реализации демографической политики с учетом устойчивого развития экономики в переходный период. В данной Концепции было четко определено, что «целью государственной демографической политики является создание на основе повышения уровня и качества жизни условий, обеспечивающих реализацию национальных демографических интересов в сочетании с интересами человека» [1].

Основные положения Концепции государственной демографической политики Республики Беларусь легли в основу Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», который был принят в 2002 г. Закон определил правовые и организационные основы обеспечения демографической безопасности страны на среднесрочную перспективу, а также основные демографические угрозы, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь. В соответствии с этим Законом была разработана долгосрочная Национальная программа демографической безопасности, основными целями и задачами которой стали увеличение уровня рождаемости; укрепление института семьи; снижение уровня смертности, укрепление здоровья населения; обеспечение миграционного прироста населения путем оптимизации внешних и внутренних миграционных процессов.

Успешное выполнение мероприятий пятилетних национальных демографических программ, реализованных в 2007–2020 гг., позволило значительно сократить объемы естественной убыли населения Беларуси и стабилизировать смертность. Так, если в 2002 г. естественная убыль населения составила 57,9 тыс. чел., то в последующие годы она обрела положительные тенденции: в 2007 г. – 29,4 тыс. чел., в 2011 г. – 26,0 тыс. чел., в 2013 г. – 7,3 тыс. чел., в 2016 г. – 1,6 тыс. чел. Не менее значимые изменения претерпели показатели смертности: в 2002 г. – 146,6 тыс. чел., в 2016 г. – 119,3 тыс. чел. (рис. 1).

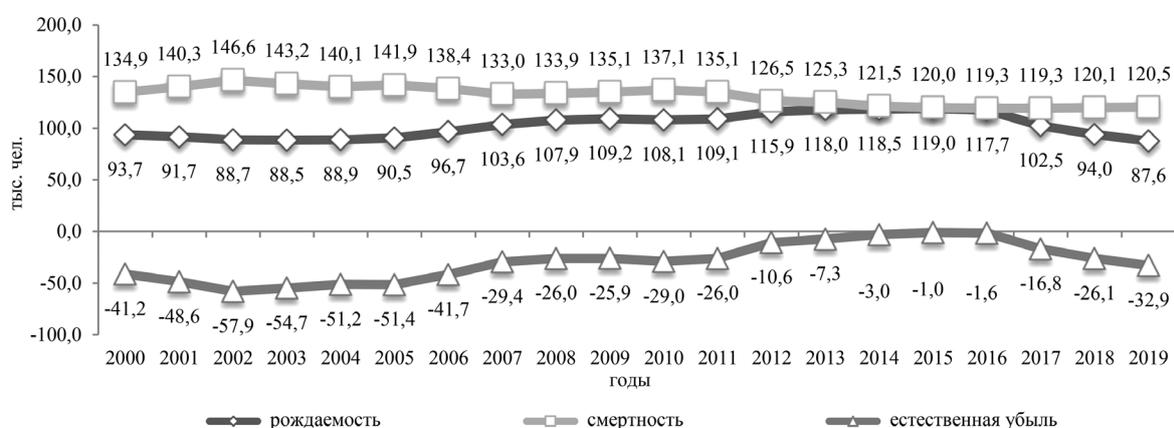

Рис. 1. Динамика рождаемости, смертности и естественной убыли населения Беларуси за период 2000–2019 гг., тыс. чел. (сост. по [2–3])

Fig. 1. Dynamics of fertility, mortality and natural population growth in Belarus for the period 2000–2019, thousands of people [2–3]

Рис. 2. Динамика внешней миграции населения Республики Беларусь за период 2000–2019 гг., тыс. чел. (сост. по [2–4])

Fig. 2. Dynamics of external migration of the population of the Republic of Belarus for the period 2000–2019, thousands of people [2–4]

Положительные тенденции претерпевают в этот период и миграционные процессы. Наиболее значимо они проявились в период 2010–2016 гг. Определенный рост эмиграционного потока из Республики Беларусь от 6,9 тыс. чел. в 2010 г. до 9,8 тыс. чел. в 2015 г. был в полной мере компенсирован значительным увеличением численности прибывших мигрантов, которая в 2015 г. составила 28,3 тыс. чел. Это позволило обеспечить за счет положительного сальдо внешней миграции полное восполнение естественной убыли населения. В результате численность населения Республики Беларусь за период 2013–2016 гг. увеличилась на 36,5 тыс. чел. (рис. 2).

Однако положительные тенденции демографического развития страны, наблюдавшиеся с 2010 по 2016 г., в последующие годы были утрачены. С одной стороны, с 2017 г. в стране наблюдается снижение рождаемости и увеличение смертности населения. Если в 2016 г. численность родившихся составила 117,7 тыс. чел., то в 2019 г. – 87,6 тыс. чел. Одновременно численность умерших увеличилась от 119,3 тыс. чел. в 2016 г. до 120,5 тыс. чел. в 2019 г. Соответственно, резко выросла естественная убыль населения – от 1,6 тыс. чел. в 2016 г. до 32,9 тыс. чел. в 2019 г.

С другой стороны, с 2015 г. значительно выросла численность эмиграционного потока – от 9,8 тыс. чел. до 21,0 тыс. чел. в 2019 г. и резко сократилась численность иммигрантов – от 28,3 тыс. чел. в 2015 г. до 19,0 тыс. чел. в 2017 г. И хотя в настоящее время привлекательность Беларуси для иностранцев восстановилась и иммиграционный поток составил в 2019 г. 34,8 тыс. чел., объемы положительного сальдо внешней миграции оказались недостаточными для полного восполнения потерь естественной убыли населения. В результате в 2017 г. степень миграционной компенсации естественной убыли населения составила всего 23,1%, в 2018 г. – 36,0, в 2019 г. – 42,2% (табл. 1).

Рост естественной убыли населения и сокращение компенсаторной функции внешней миграции населения в последние годы привели к уменьшению численности населения страны. Так, за период 2017–2020 гг. общая численность населения Беларуси сократилась на 98,7 тыс. чел. Причем только за 2020 г. численность населения страны уменьшилась на 60,7 тыс. чел. Самую большую долю потерь имели сельские регионы страны, где численность населения в течение 2020 г. сократилась на 37,1 тыс. чел. [6].

В этой связи следует отметить, что демографическая ситуация в сельских регионах Республики Беларусь давно уже характеризуется рядом негативных тенденций, свойственных территориям с низкими показателями естественного воспроизводства и высоким уровнем миграционной активности населения. Процесс депопуляции в этих регионах начался в 1984 г., т. е. на десять лет раньше, чем в целом по стране. За период 2010–2019 гг. показатель рождаемости в сельских регионах, достигнув своего пика в 2013 г. (27,6 тыс. чел.), в последующие годы снизился и составил в 2019 г. 20,5 тыс. чел. И хотя с 2002 г. показатель смертности в сельских регионах имеет стабильную тенденцию к уменьшению (если в 2002 г. он составил 69,6 тыс. чел., то в 2019 г. – 43,8 тыс. чел.),

Таблица 1. Динамика миграционного прироста, естественной убыли населения и степени ее компенсации за счет положительного сальдо внешней миграции населения Республики Беларусь за период 2010–2019 гг. (сост. по [1–4])

Table 1. Dynamics of migration growth, natural population decline and the degree of its compensation due to the positive balance of external migration of the population of the Republic of Belarus for the period 2010–2019 [1–4]

Год	Миграционный прирост, чел.	Естественная убыль, чел.	Степень компенсации естественной убыли населения за счет положительного сальдо внешней миграции, %
2010	10303	29082	35,4
2011	9900	25834	38,3
2012	9328	10638	87,7
2013	11643	7329	158,9
2014	15722	3008	522,7
2015	18494	998	1853,1
2016	7940	1600	496,3
2017	3874	16755	23,1
2018	9362	26011	36,0
2019	13870	32868	42,2

естественная убыль сельского населения только за последние три года выросла от 19,0 тыс. чел. в 2016 г. до 23,3 тыс. чел. в 2019 г. (рис. 3).

Необходимо отметить, что в последние годы процесс естественной убыли сельского населения дополняется высоким уровнем отрицательного миграционного сальдо, что усилило развитие депопуляции. Наиболее явно это прослеживается на примере показателей миграционной и естественной убыли сельского населения регионов Беларуси по итогам 2019 г. (рис. 4).

Как следует из данных рис. 4, в 2019 г. миграционная убыль сельского населения во всех областях республики (кроме Минской) в два раза превышала естественную убыль. Однако в Минской области миграционный прирост сельского населения в два раза превысил естественную убыль населения и позволил обеспечить суммарный прирост численности сельского населения, который в 2019 г. составил 2,4 тыс. чел.

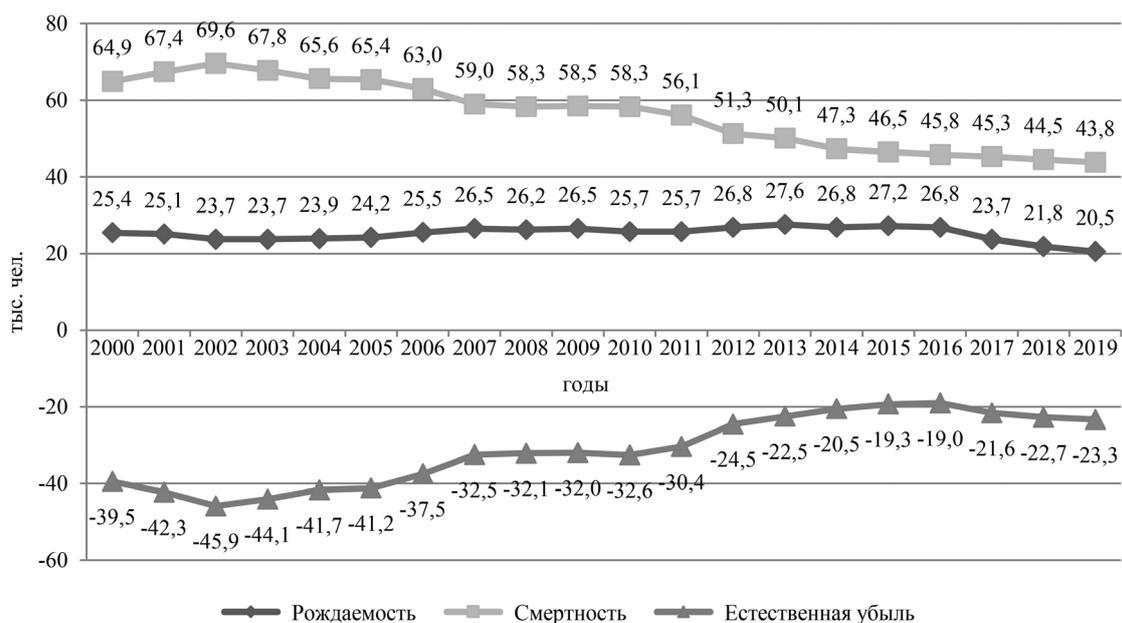

Рис. 3. Динамика рождаемости, смертности и естественной убыли сельского населения Беларуси в 2000–2019 гг. (сост. по [1; 2; 4])

Fig. 3. Dynamics of fertility, mortality and natural growth of the rural population of Belarus in 2000–2019 [1; 2; 4]

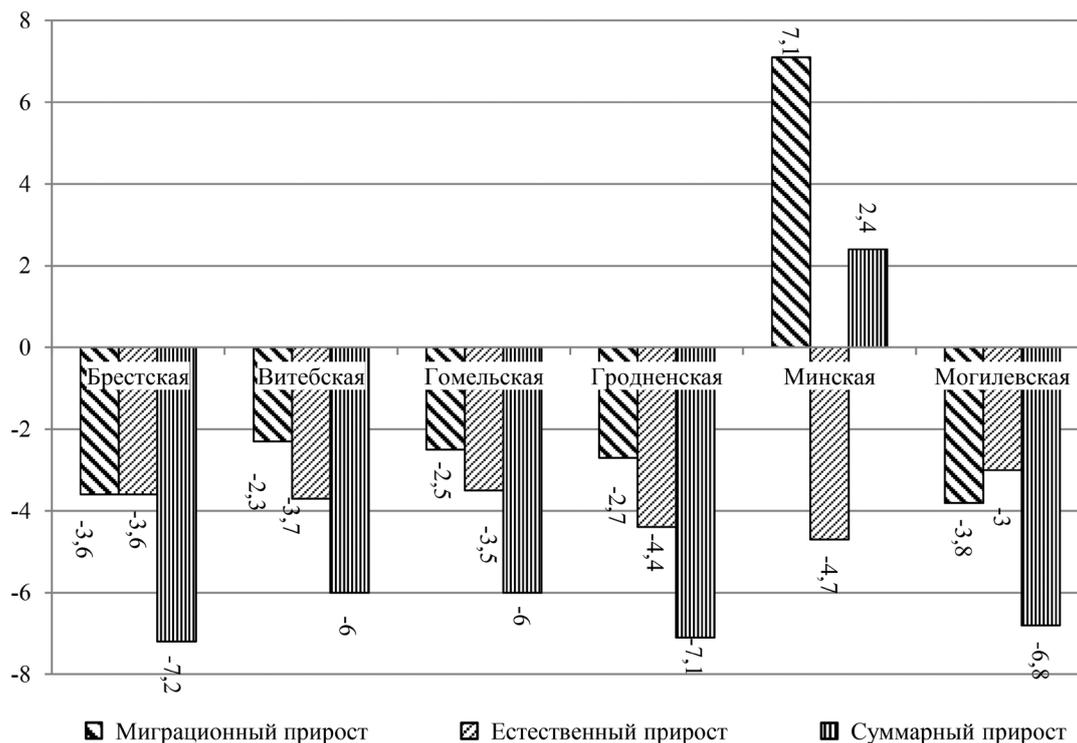

Рис. 4. Показатели миграционной и естественной убыли сельского населения регионов Беларуси по итогам 2019 г., тыс. чел. (сост. по [4–6])

Fig. 4. The main factors affecting the total growth of the rural population of the regions of Belarus at the end of 2019, thousands of people [4–6]

В этой связи необходимо отметить, что положительное миграционное сальдо, наблюдающееся в сельских регионах Минской области, формируется во многом за счет стабильной миграционной привлекательности Минского района, который территориально примыкает к столичному мегаполису и является для мигрантов основным плацдармом для трудоустройства в Минске. В результате объем положительного миграционного сальдо населения Минского района столь значителен, что позволяет полностью компенсировать естественную убыль сельского населения всей Минской области и даже получить его суммарный прирост. Другие регионы Беларуси не имеют такого территориального преимущества и характеризуются стабильным ежегодным отрицательным сальдо как внешней, так и внутренней миграции. Ежегодная потеря населения сельских регионов значительно ослабляет их демографический потенциал. Они утрачивают оптимальные количественные и структурные показатели своего демографического развития. Так, массовый отток молодых сельских женщин в областные центры и столицу республики порождает очевидные диспропорции в половозрастной структуре сельского населения регионов Беларуси, которая характеризуется преобладанием количества мужчин над количеством женщин в возрастных группах от 15 до 44 лет. Особенно это прослеживается в возрастной группе 20–29 лет, где численность мужчин значительно превышает численность женщин (табл. 2).

Массовый отток из сельской местности молодых женщин возрастной группы 20–29 лет (наиболее благоприятного возраста для создания семьи и рождения первого ребенка) во многом препятствует нормальному формированию молодых семей и отрицательно сказывается на воспроизводстве сельского населения. Наиболее зримо это прослеживается в Гомельской и Могилевской областях. В 2019 г. в сельских регионах этих областей численность мужчин в возрастной группе 20–29 лет превышала численность женщин почти в полтора раза (табл. 3).

В заключение необходимо подчеркнуть, что период 2006–2016 гг. был самым благоприятным по своим демографическим показателям для развития страны за последнее двадцатилетие. В этом плане особенно следует отметить 2013–2016 гг. Именно в этот период наблюдался рост общей чис-

Таблица 2. Распределение сельского населения регионов Беларуси в возрасте от 15 до 44 лет по полу и возрасту, 2019 г., чел. (сост. по [7])

Table 2. Distribution of the rural population of the regions of Belarus aged 15 to 44 by sex and age, 2019, people [7]

Возрастная группа	Брестская обл.		Витебская обл.		Гомельская обл.		Гродненская обл.		Минская обл.		Могилевская обл.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15–19 лет	8303	7291	4534	3608	6262	5083	4250	3456	12430	11522	3570	3178
20–24 года	10173	8128	6762	5108	5993	3771	6332	4619	14005	12441	3944	2477
25–29 лет	8330	4337	6214	3212	5367	3170	4693	2001	17980	13884	3702	1790
30–34 года	11879	8700	8447	5458	10307	8209	6360	3900	24810	20262	5958	4070
35–39 лет	12008	10324	7561	5983	10262	8863	6318	5208	22844	19503	5840	4895
40–44 года	13640	13169	8113	7418	10468	9973	7922	7204	21175	19449	6366	6136

Таблица 3. Распределение сельского населения Гомельской и Могилевской областей в возрасте от 15 до 44 лет по полу и возрасту, 2019 г., чел. (сост. по [6])

Table 3. Distribution of the rural population of the Gomel and Mogilev regions aged 15 to 44 by sex and age, 2019, people [6]

Возрастная группа	Гомельская обл.			Могилевская обл.		
	Мужчины	Женщины	Превышение количества мужчин над количеством женщин	Мужчины	Женщины	Превышение количества мужчин над количеством женщин
15–19 лет	6262	5083	23,2 %	3570	3178	12,3 %
20–24 года	5993	3771	1,6 раза	3944	2477	1,6 раза
25–29 лет	5367	3170	1,7 раза	3702	1790	2,1 раза
30–34 года	10307	8209	25,6 %	5958	4070	1,5 раза
35–39 лет	10262	8863	15,8 %	5840	4895	19,3 %
40–44 года	10468	9973	5,0 %	6366	6136	3,7 %

ленности населения в стране. Это стало возможным благодаря тому, что в эти годы сложились оптимальные для демографического воспроизводства показатели состава населения по полу и возрасту – в активный детородный возраст вступали многочисленные когорты женщин и мужчин, родившиеся во второй половине 1980-х гг.

В свою очередь миграционная ситуация характеризовалась положительными тенденциями внешнего миграционного сальдо, что позволило полностью компенсировать естественную убыль населения страны. Необходимо отметить, что положительные тенденции не могли быть столь значительными без эффективной государственной демографической и семейной политики, которая сыграла определяющую роль в создании благоприятных условий демографического развития Беларуси за период 2010–2020 гг. Реализация пятилетних государственных демографических программ позволила значительно повысить благосостояние семей с детьми, сократить разрыв в уровне денежных доходов семей с детьми и без них, решить в целом проблему обеспечения жильем многодетных семей.

В настоящее время демографическая ситуация в Беларуси характеризуется резким снижением показателей рождаемости и ростом смертности. Белорусские демографы давно прогнозировали наступление этой новой волны депопуляции, связывая ее с переходом Беларуси к новому типу воспроизводства населения, для которого закономерна трансформация репродуктивного поведения в сторону уменьшения норм детности, а также с вступлением в репродуктивный возраст малочисленных когорт 1990-х гг. Причина их малой численности – сокращение абсолютно количества родившихся: от 142,2 тыс. чел. в 1990 г. до 93,7 тыс. чел. в 2000 г.

Как отмечают белорусские демографы, сложившиеся диспропорции в половозрастной структуре населения будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в Беларуси. Данные демографического прогноза НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь показывают, что естественная убыль населения Беларуси в 2025 г. составит 28,2 тыс. чел., в 2030 г. – 31,1 тыс. чел., в 2040 г. – 22,2 тыс. чел. [8]. Поскольку, согласно этому же прогнозу, ежегодное сальдо внешней миграции населения Республики Беларусь на 2021–2025 гг. прогнозируется на уровне 3,7–5,8 тыс. чел. и только

к 2040 г. оно может достигнуть 10,5 тыс. чел., можно с высокой долей вероятности утверждать, что Беларусь ожидает долговременное сокращение численности населения, которое к 2040 г. составит 9048,1 тыс. чел. [8]. Это касается особенно сельских регионов. В связи с этим задача сохранения оптимальной демографической половозрастной структуры сельского населения является первостепенной и определяющей. Во многом решение этой сложной задачи зависит от существенного сокращения оттока молодежи из сельской местности и прежде всего молодых женщин репродуктивного возраста.

Кроме того, следует отметить, что основные факторы депопуляции (снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства населения; высокие показатели смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста; сокращение доли лиц моложе трудоспособного возраста; старение населения) в настоящее время пополнились и другими, ранее не известными. К ним прежде всего следует отнести пандемию COVID-19, отрицательное влияние которой на здоровье населения и его воспроизводство вполне прогнозируемо.

Эпидемиологическая неопределенность в среднесрочной перспективе может отрицательно повлиять на стабильный социальный климат в обществе, порождая у населения страх за свое здоровье и здоровье своих близких, а также неуверенность в будущем. Рост депрессивных и тревожных настроений в обществе в условиях эпидемиологической неопределенности может оказать негативное влияние на репродуктивное поведение населения и прежде всего молодых супружеских пар. Об этом убедительно свидетельствуют данные социологических исследований, проведенных в России в конце 2020 – первой половине 2021 г. Опросы населения показали, что пандемия COVID-19 определила процесс трансформации сложившихся репродуктивных установок молодежи. Молодые семьи во многом стали пересматривать свои планы на рождение первого ребенка и последующих детей. Кроме того, у супружеских пар отмечен рост как отложенных рождений, так и отказ от рождений вообще. По мнению российских демографов, следствием подобных настроений в условиях эпидемиологической неопределенности может стать осязаемое снижение показателей рождаемости [9].

Заключение. Таким образом, несмотря на заметные позитивные результаты последнего десятилетия, демографические перспективы страны остаются весьма неоднозначными. На усиление процессов депопуляции определенное влияние может оказать рост депрессивных настроений в обществе, вызванных долговременной эпидемиологической неопределенностью. В этой связи в долгосрочной перспективе для решения всего комплекса демографических проблем, стоящих в настоящее время перед Беларусью, необходимо формирование новой парадигмы развития государственной демографической и миграционной политики, способной предупредить и нивелировать демографические угрозы, а также способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения.

Список использованных источников

1. О Концепции государственной демографической политики и Основных направлениях реализации демографической политики с учетом устойчивого развития экономики в переходный период [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 июня 1998 г., № 996 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 436 с.
3. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 439 с.
4. Миграция населения в Республике Беларусь за 2019 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 64 с.
5. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 53 с.
6. Беларусь в цифрах, 2021 : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 71 с.
7. Половозрастная структура среднегодовой численности населения Республики Беларусь за 2019 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 92 с.

8. Привалова, Н. Н. Прогноз демографического развития Беларуси / Н. Н. Привалова, Л. С. Станишевская // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2013. – № 10. – С. 4–14.

9. Макаренцева, А. О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения / А. О. Макаренцева // Мониторинг экон. ситуации в России: тенденции и вызовы соц.-экон. развития. – 2020. – № 17 (119). – С. 25–30.

References

1. On the Concept of state demographic policy and the Main directions for the implementation of demographic policy taking into account the sustainable development of the economy in the transition period: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, June 24, 1998, no. 996. *ETALON. Legislation of the Republic of Belarus*. Minsk, 2021 (in Russian).

2. *Statistical yearbook of the Republic of Belarus, 2020: statistical book*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2020. 436 p. (in Russian).

3. *Demographic yearbook of the Republic of Belarus: statistical book*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2017. 439 p. (in Russian).

4. *Population migration in the Republic of Belarus for 2019: statistical bulletin*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2020. 64 p. (in Russian).

5. *Natural movement of the population in the Republic of Belarus for 2019: statistical bulletin*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2020. 53 p. (in Russian).

6. *Belarus in figures, 2021: statistical handbook*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2021. 71 p. (in Russian).

7. *Age and sex structure of the average annual population of the Republic of Belarus for 2019: statistical bulletin*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2020. 92 p. (in Russian).

8. Privalova N. N., Stanishevskaya L. S. Forecast of the demographic development of Belarus. *Ekonomicheskii byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'* [Economic Bulletin of the Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus], 2013, no. 10, pp. 4–14 (in Russian).

9. Makarentseva A. O. The influence of the epidemiological situation on the reproductive intentions of the population. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya = Monitoring of Russia's Economic Outlook: trends and challenges of socio-economic development*, 2020, no. 17 (119), pp. 25–30 (in Russian).

Информация об авторах

Артюхин Михаил Иванович – кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: art47@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4458-5576>

Пушкевич Сергей Александрович – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: pushkevich@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3087-3876>

Information about the authors

Mikhail I. Artyukhin – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Head of the Centre for Monitoring the Migration of the Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: art47@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4458-5576>

Siarhey A. Pushkevich – Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: pushkevich@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-3087-3876>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 94(476)«1950/1982»+281.93
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-166-176>

Поступила в редакцию 21.10.2021
Received 21.10.2021

А. В. Слесарев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ АВТОКЕФАЛЬНОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1950–1982 ГГ.**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политической активности Белорусской автокефальной православной церкви (БАПЦ) в 1950–1982 гг. На протяжении нескольких десятилетий названная религиозная организация осуществляла функции консолидирования послевоенной белорусской диаспоры, ориентированной на поддержку Рады Белорусской Народной Республики (БНР). Произшедшее во второй половине 1950-х гг. изменение стратегии американской внешней политики, связанное с утверждением доктрины «отбрасывания коммунизма», повлекло за собой вовлечение БАПЦ в проведение мероприятий ярко выраженного антисоветского характера. В 1957 г. утвердилась традиция ежегодного посещения Конгресса США иерархами и клириками БАПЦ в дни празднования очередных годовщин провозглашения независимости БНР. Во время этих посещений белорусские священнослужители открывали парламентские заседания чтением молитв о скорейшем падении коммунистического строя и позиционировали Раду БНР как единственный легитимный орган белорусской государственной власти. Начиная с 1960 г. представители БАПЦ принимали активное участие в мероприятиях, посвященных проведению «недель поработанных народов», которые проходили по инициативе Конгресса США и были направлены на демонстрацию широкого осуждения советской политической системы. Регулярное участие священнослужителей БАПЦ в названных мероприятиях свидетельствует о вовлеченности рассматриваемой религиозной организации в активную политическую деятельность, которая следовала в русле стратегии внешней политики США и носила ярко выраженный антисоветский характер.

Ключевые слова: белорусская диаспора, Белорусская Народная Республика, Белорусская автокефальная православная церковь, Конгресс США, антикоммунистическая пропаганда, «холодная война», недели поработанных народов

Для цитирования: Слесарев, А. В. Политическая активность Белорусской автокефальной православной церкви в 1950–1982 гг. / А. В. Слесарев // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 166–176
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-166-176>

Alexander V. Slesarev

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**POLITICAL ACTIVITY OF THE BELARUSIAN AUTOCEPHALIC ORTHODOX CHURCH
IN 1950–1982**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the political activity of the Belarusian Autocephalous Orthodox Church (BAOC) in 1950–1982. For several decades, the named religious organization carried out the functions of consolidating the post-war Belarusian Diaspora, focused on supporting the Council of the Belarusian People's Republic (BNR). What happened in the second half 1950s the change in the strategy of American foreign policy associated with the adoption of the doctrine of “rolling back communism” entailed the involvement of the BAOC in carrying out events of a pronounced anti-Soviet character. In 1957, the tradition of annual visits to the US Congress by the hierarchs and clerics of the BAOC on the days of celebrating the next anniversaries of the proclamation of the BNR's independence was established. During these visits, Belarusian clergy opened parliamentary sessions with prayers for an early fall of the communist system and positioned the Council of the BNR as the only legitimate body of Belarusian state power. Since 1960, representatives of the BAOC have taken an active part in events dedicated to the “Captive Nations Weeks”, initiated by the US Congress and aimed at demonstrating widespread condemnation of the Soviet political system. The regular participation of the clergy of the BAOC in these events testifies to the involvement of the religious organization in question in active political activity, which followed the mainstream of the US foreign policy strategy and had a pronounced anti-Soviet character.

Keywords: Belarusian Diaspora, Belarusian People's Republic, Belarusian Autocephalous Orthodox Church, United States Congress, anti-communist propaganda, Cold War, Captive Nations Weeks

For citation: Slesarev A. V. Political activity of the Belarusian Autocephalic Orthodox Church in 1950–1982. *Vesti Natsyuanal'noi akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 166–176 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-166-176>

Введение. Актуальность изучения специфики политической активности Белорусской автокефальной православной церкви (БАПЦ) в 1950–1980-е гг. обусловлена высоким уровнем влияния названной религиозной организации на представителей послевоенной белорусской диаспоры. Сформированная в 1948–1949 гг. БАПЦ на протяжении нескольких десятилетий осуществляла функцию консолидации соотечественников, проживавших в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки, Австралии. Не ограничиваясь религиозной деятельностью, священнослужители и иные представители БАПЦ проявляли высокий уровень политической активности, тем самым способствуя утверждению в белорусской эмигрантской среде вполне определенного политического мировоззрения. Ко времени подготовки настоящей статьи в отечественной и иностранной историографии отсутствовали исследования, посвященные вышеназванной проблематике.

Цель данной работы – выявление основных проявлений политической активности БАПЦ в рассматриваемый период. Достижение цели предполагает реализацию исследовательских задач, направленных на выявление основных предпосылок и установление важнейших проявлений политической активности представителей БАПЦ, определение хронологической последовательности рассматриваемых событий, формирование общей характеристики политической позиции данной религиозной организации. Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена временем активного расселения представителей БАПЦ из лагерей для перемещенных лиц на территории Германии и образования первых приходов БАПЦ в демократических странах. Нижняя хронологическая граница определяется временем раскола БАПЦ, в результате которого возникло два религиозных сообщества, находившихся в жестком конкурентном противостоянии и притязавших на преемство от исторической Белорусской автокефальной православной церкви. Методологические основания исследования предполагали ориентацию на принципы объективности, всесторонности, конкретности и историзма, применение универсальных методов познания (анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение) и специально-научных методов. Применение историко-генетического метода позволило осуществить последовательное рассмотрение политической активности БАПЦ в процессе ее исторического развития. Обращение к историко-сравнительному методу способствовало выявлению особенностей политической активности БАПЦ в различные периоды.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика политической активности Белорусской автокефальной православной церкви в 1950–1982 гг. до сих пор не находила освещения в исследованиях белорусских и зарубежных ученых, что обуславливает научную новизну настоящей статьи.

Основные результаты исследования. На протяжении 1950–1982 гг. деятельность епископата, клира и иных представителей БАПЦ отличалась высокой политической активностью. Наиболее примечательным выражением этой активности явилась установившаяся во второй половине 1950-х гг. традиция ежегодного посещения священнослужителями БАПЦ Конгресса США по случаю празднования очередных годовщин провозглашения независимости Белорусской Народной Республики (БНР), которые отмечались 25 марта. Данные посещения получали широкое освещение в прессе, что соответствовало новой концепции американской стратегии противостояния Советскому Союзу в условиях «холодной войны». Состоявшееся в 1953 г. избрание президентом США представителя республиканской партии Д. Эйзенхауэра характеризовалось принятием внешнеполитической доктрины «отбрасывания коммунизма». Главным теоретиком названной концепции выступил назначенный государственный секретарь Дж. Ф. Даллес, предполагавший необходимость использования ядерной угрозы в отношении социалистических стран для смягчения их внутренней политики с целью создания условий к зарождению антикоммунистической оппозиции и освободительных движений. Одним из важнейших средств ослабления политических режимов в Восточной Европе рассматривалась антикоммунистическая пропаганда [1, с. 45; 2, р. 49–50; 3, р. 165].

В контексте реализации отмеченной выше стратегии произошло формирование особого отношения высшего законодательного органа США к альтернативной дате образования белорусской государственности. Это стало возможным после того, как в марте 1956 г. конгрессмены К. Заблоцки, Д. Флуд, В. Анфусо, К. Китинг, Д. Динжел и Дж. Лесински выступили с резкими антикоммунистическими заявлениями, сопровождавшимися словами поддержки в отношении независимости БНР. При этом белорусский народ именовался поработанным, а дата 25 марта позиционировалась как символическая, связанная с надеждой будущего освобождения белорусов от коммунистической власти [4, с. 4; 5, р. 4656]. Ассоциирование дня провозглашения независимости БНР с идеей изменения политического строя в Беларуси побудило членов Палаты представителей США к ежегодному чествованию этой даты во время парламентских заседаний с участием представителей белорусской диаспоры. Неизменное участие в посещении Конгресса принимали иерархи и клирики БАПЦ.

Первое посещение Конгресса США белорусской делегацией состоялось 21 марта 1957 г. В этот день архиепископ Василий (Томашик) и секретарь внутренних дел Рады БНР К. Мерляк были приняты группой конгрессменов во главе с Ф. Дорном. При открытии заседания Палаты представителей спикер Конгресса С. Рэйнборн объявил собравшимся о готовящемся праздновании 39-й годовщины провозглашения БНР, пригласив архиепископа Василия к трибуне для прочтения молитвы за Беларусь. Текст молитвы не ограничивался религиозными мотивами и содержал формулировки ярко выраженного политического характера. В частности, в ней отмечалась значимость провозглашения белорусской государственной независимости, осуждение политического строя в БССР, позитивное расположение к Конгрессу США и американскому государству [6, с. 5; 7, с. 141; 8, с. 4; 9, с. 15; 10, р. 4150–4151].

Программа празднования юбилейной 40-й годовщины провозглашения независимости БНР включала состоявшееся 24 марта 1958 г. посещение верхней палаты Конгресса США архиепископом Василием и К. Мерляком. После встречи с вице-президентом Р. Никсоном секретарь Собора епископов БАПЦ был приглашен на заседание Сената, где снова прочитал молитву за Беларусь [11, с. 3; 12, с. 1; 13, с. 1; 14, с. 1–2; 15, с. 2; 16, с. 10; 17, с. 14–16; 18, р. 5051].

В 1961–1968 гг. архиепископ Василий продолжил посещение верхней палаты Конгресса США, поддерживая сложившуюся традицию репрезентации интересов БАПЦ и белорусской диаспоры. Каждый раз такие визиты сопровождались встречей с представителями американских политических элит и произнесением молитвы за Беларусь во время парламентских заседаний [19, р. 4467; 20, р. 4879–4880; 21, р. 5247; 22, р. 6415; 23, р. 4899; 24, р. 6720; 25, р. 7871; 26, р. 7515]. В частности, программа посещения Сената в 1961–1963 гг. включала аудиенцию секретаря Собора епископов БАПЦ у вице-президента Л. Джонсона [27, с. 2; 28, с. 3; 29, с. 1; 30, с. 3–4; 31, с. 16; 32, с. 1; 33, с. 15], в 1964 г. – у лидера демократической партии в верхней палате М. Менсфилда и лидера республиканской партии в верхней палате Э. Дирксена [34, с. 1; 35, с. 7; 36, с. 2]. В 1965–1966 гг. архиепископ Василий встречался с вице-президентом Х. Хамфри, сенаторами М. Менсфилдом и Э. Дирксеном [37, с. 1; 38, с. 3–4; 39, с. 7; 40, с. 15–16; 41, с. 1; 42, с. 1], в 1967 г. – с секретарем Сената Ф. Карлсоном [43, с. 1; 44, с. 1–2], в 1968 г. – с временным президентом Сената К. Хайденом [45, с. 1].

Начиная с 1969 г. мероприятия по случаю очередных годовщин провозглашения независимости БНР с участием делегаций от белорусской диаспоры проходили в нижней палате Конгресса США. Понижение уровня представительности данных мероприятий сопровождалось понижением представительности делегатов от БАПЦ. На протяжении всех последующих лет белорусские архиереи воздерживались от посещения Конгресса, направляя для этого клириков. Вместе с тем сохранялась ставшая традиционной программа мероприятий, включавшая выступления конгрессменов с докладами по белорусской тематике, произнесение на парламентских заседаниях молитвы за Беларусь и встречу представителей белорусской диаспоры с высокопоставленными лицами.

Так, в 1969 г. нижнюю палату Конгресса посетил настоятель прихода БАПЦ в Хайленд-Парке (с 1972 г. секретарь консистории БАПЦ) священник Василий Кендыш, который встретился со спикером Палаты представителей Дж. Маккормаком и конгрессменом Э. Паттеном [46, с. 1; 47, р. 7037]. В 1970 г. белорусская делегация не посетила Палату представителей по причине бездействия

лиц, ответственных за организацию данного мероприятия. Однако в Конгрессе отдельные сенаторы и конгрессмены озвучили доклады, посвященные белорусской проблематике [48, с. 3]. Во время посещения Палаты представителей в 1973 г. протоиерей Василий Кендыш встречался со спикером нижней палаты К. Альбертом и конгрессменом Э. Паттенем [49, с. 1; 50, р. 9452], в 1975 г. – со спикером К. Альбертом [51, с. 1; 52, р. 8481; 53, р. 2], в 1976 г. – со спикером К. Альбертом и конгрессменом Д. Кемпом [54, с. 1]. В 1978 г. Палату представителей посещал клирик собора БАПЦ в Нью-Йорке священник Ростислав Войтенко, который имел аудиенцию у спикера нижней палаты Т. О’Нила и конгрессмена М. Фенвик [55, с. 1; 56, с. 3; 57, р. 7859; 58, р. 2]. При посещении Конгресса в 1979 г. священник Ростислав встречался со спикером Т. О’Нилом, конгрессменом Дж. Аддабо, директором Федерации этнических групп при Национальном комитете Республиканской партии Дж. Берджессом [59, с. 3; 60, с. 3; 61, с. 17; 62, р. 5865], а в 1980 г. – со спикером нижней палаты Т. О’Нилом и конгрессменом М. Фенвик [63, с. 3; 64, р. 6707]. В 1981 г. представители БАПЦ снова не принимали участие в посещении Конгресса, а в 1982 г. нижнюю палату посетил епископ Изяслав (Бруцкий), которого во время парламентского заседания представил собравшимся конгрессмен М. Бьяджи [65, р. 5467]. После 1982 г. посещения Конгресса США представителями БАПЦ прекратились, что могло быть связано с начавшимся расколом религиозной организации и неприятием действий первоиерарха БАПЦ со стороны руководства Рады БНР [66, с. 66–79].

Приглашая представителей БАПЦ и белорусских эмигрантских организаций на заседания верхней и нижней палат Конгресса, американские парламентарии выступали с докладами, осуждавшими установление советской политической системы в Беларуси и выражавшими открытую поддержку Раде БНР как альтернативному белорусскому правительству. Перечень членов Сената и Палаты представителей, выступавших с подобными заявлениями, представлен в таблице.

Члены Конгресса США, выступавшие в Сенате и Палате представителей с докладами о политической ситуации в БССР (1957–1982)

Members of the US Congress who spoke in the Senate and the House of Representatives with reports on the political situation in the BSSR (1957–1982)

Год	Сенат	Палата представителей
1957	–	Дж. Дингелл
1958	П. Дуглас	В. Анфусо, С. Дерунян, Дж. Дингелл, К. Китинг, И. Доллингер, К. Заблоцки, П. Родионо, А. Бенгли
1959	Ф. Лоуше, К. Китинг, Дж. Джейвитс	Ф. Дорн, А. Мултер, Э. Даждарио, П. Родионо, Ф. Дорн, Р. Мичел
1960	Э. Дирксен	А. Мултер, Дж. Рей, Р. Барри, У. Грин, С. Фридель
1961	Дж. Джейвитс	В. Анфусо, Ч. Джоелсон, Ф. Беккер, П. Родионо, У. Райан
1962	Э. Дирксен	А. Мюлтер, Г. Макдоноу, Л. Фарбстейн
1963	–	Э. Даждарио, А. Мюлтер, Ч. Джоелсон, Дж. Дингелл, Э. Паттен
1964	Дж. Джейвитс	Э. Даждарио, Дж. Линдси, Дж. Дингелл, М. Гленн, Г. Липскомб, С. Дерунян
1965	–	Ч. Джоелсон, Г. Хелстоски, Дж. Ханли, Дж. Дингелл, Дж. Линдси, Р. Пучински, С. Халперн, Т. Дульски, Э. Паттен, У. Форд, Дж. Кребс, Дж. Руни, Б. Уилсон, Р. Мичел, Э. Дервински, Г. Лискомб, Л. Недзи, Т. Макграт, У. Грин, Дж. Делани, Л. Фарбстейн, П. Родионо, Дж. Миниш, С. Фридель, Дж. Ховард, Дж. Даниелс
1966	Э. Дирксен, Дж. Джейвитс, Ф. Лоуше, П. Дминик	Дж. Бьюкенен, Дж. Стентон, Д. Рамсфелд, Э. Даждарио, Х. Кэри, Т. Дульски, Л. Недзи, Дж. Руни, Э. Келли
1967	Ф. Лоуше, К. Кёртис, У. Проксмайр, Ф. Скотт, Дж. Джейвитс	Э. Даждарио, Дж. Бирн, У. Мерфи, Дж. Делани
1968	Ф. Лоуше, Х. Скотт, Э. Брук и Дж. Джейвитс	Дж. Дингелл, Г. Форд, У. Форд, Дж. Даниелс, К. Заблоцки, В. Ягд, П. Бирн, Э. Паттен, Г. Хелстоски, В. Виднелл, У. Миншалл, А. Куи, В. Бучанан, Ч. Вэник, Дж. Делани, Дж. Стентон, Р. Пучински, Э. Дервински, Л. Фарбстейн, С. Фридель
1969	–	Дж. Хант, Дж. Уайдлера, Ч. Сандман, К. Заблоцки, Э. Даждарио, Дж. Дингелл, Г. Хелстоски, С. Халперн, Т. Мескилл, В. Мерфи, Г. Каннингэм, Дж. Бройхилл, Д. Баттон, Э. Дервински, Э. Паттен, Л. Вольфф, Дж. Руни, С. Фридель

Окончание табл.

Год	Сенат	Палата представителей
1970	–	Г. Каннингэм, Г. Хелстоски, В. Видналл, Дж. Хант
1971	Г. Аллот, Дж. Бакли	П. Пейсер, У. Брумфилд, К. Галлахер, Дж. Делани, Дж. Дингелл, Дж. Ховард, Л. Уилльямс, Ф. Хортон, Г. Хелстоски, Р. Рой, Э. Паттен
1972	–	П. Пейсер, Э. Дервински, К. Галлахер, С. Халперн, В. Скотт
1973	–	Э. Дервински, Ч. Сандман, Дж. Форд, Э. Паттен, Б. Розенталь, П. Пейсер, Э. Ландгреб, Дж. Кемп, Ф. Аннунцио
1974	–	Г. Хелстоски, М. Бьяджи
1975	–	П. Родино, Дж. Аддаббо, Дж. Уайдлер, Э. Дервински, М. Риналдо, М. Фенвик, У. Брумфилд, Дж. Ховард, Э. Коч, Т. Дауни
1976	–	Э. Паттен, П. Родино, У. Брумфилд, Ч. Уален, Р. Сарасин, Р. Рой, Э. Дервински, Ф. Аннунцио, Дж. Делани
1977	–	Р. Сарасин, П. Родино, Дж. Делани, М. Ринальдо
1978	–	Р. Ледерер, Дж. Бланчард, Дж. Миниш
1979	–	Ф. Хортон, Э. Паттен, У. Хьюз, Г. Андерсон, Дж. Флорио
1980	–	У. Хьюз, Г. Ферраро, Г. Андерсон, Дж. Ховард, Э. Дервински, Н. Лент, Дж. Бланчард, Ш. Чисхолм
1981	–	М. Фенвик, Б. Дуайер, Г. Андерсон, Р. Рой, Н. Лент, Э. Дервински, Г. Холленбек, Ф. Аннунцио, У. Бродхед, Дж. Аддаббо
1982	–	У. Хьюз, Дж. Аддаббо, Дж. Сенсенбрэннер, Р. Рой, Э. Дервински, М. Фенвик

Примечание. Таблица составлена по: 18, р. 5322–5323, 5325, 5333, 5336, 5338–5339; 19, р. 4487, 4701, 5298–5299, 5302; 20, р. 4873–4875; 21, р. 4901–4906; 22, р. 6019, 6463, 6480–6482, 6484; 24, р. 6709–6711, 6713–6714, 6763–6764; 25, р. 7904–7905, 7999, 8001–8002; 26, р. 7475–7481, 7515, 7523, 7757–7758, 7764, 7772; 47, р. 7577–7578, 7580–7582, 7587–7588, 7592–7593, 7603–7606, 7609–7610, 7612, 7616–7618, 7620–7622, 7624; 50, р. 9453, 9459–9461; 52, р. 8540–8543, 8564; 62, р. 6094–6095, 6484, 6487, 6513, 6515; 65, р. 5599, 5602, 6038–6039, 6080, 6544–6545; 67, р. 4727; 68, р. 6600–6601; 69, р. 5122, 5169–5170, 5263, 5284, 5294; 70, р. 6553, 6555, 6557–6559, 6564; 71, р. 7009–7010; 72, р. 4094; 73, с. 1; 74, р. 6023, 6027, 6045, 6052–6053, 6055, 6058–6059, 6065–6066, 6082–6088, 6155; 75, р. 7303; 76, р. 8342; 77, р. 2729–2730, 9631–9632, 9675–9676, 9678–9679; 78, р. 7959–7961, 8053, 8055, 8218, 8124, 8221, 8227, 8239, 8241–8242, 8247–8248, 8250, 8253; 79, р. 8116; 80, р. 10144, 10147, 10169, 10197–10198; 81, р. 11524; 82, р. 9331–9332, 9335, 9339, 9348, 9364, 9374; 83, р. 7955, 8922; 84, р. 8217, 8226, 8233–8234, 8238, 8244–8245, 8261; 85, р. 9298, 9304, 9301; 86, р. 8509–8511, 8519–8520; 87, р. 6583–6585, 6597, 6599, 6603, 6605, 6608, 6619; 88, р. 5271–5272, 5274, 5276, 5280, 5288, 5301, 5320, 5327.

Ни одно из выступлений вышеназванных представителей верхней и нижней палат Конгресса США, сделанных в 1957–1982 гг., не затрагивало вопросы, связанные с организацией религиозной жизни белорусской диаспоры или требующие обсуждения со священнослужителями БАПЦ. Тематика этих докладов была обращена исключительно на политические аспекты белорусской проблематики. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о многолетней вовлеченности представителей БАПЦ в политические мероприятия американского парламента, не имевшие отношения к религиозным вопросам и ориентированные на противостояние советской политической системе.

Еще одним проявлением политической активности БАПЦ являлось регулярное участие белорусских иерархов и клириков в ежегодных массовых мероприятиях, проводимых в рамках т. н. «недель порабощенных народов». Верхняя и нижняя палаты Конгресса США 6–8 июля 1959 г. приняли совместную резолюцию, декларирующую «порабощение значительной части мирового населения коммунистическим империализмом» [89, р. 212]. Далее в документе утверждалось, что «империалистическая политика коммунистической России через прямую или косвенную агрессию привела к подчинению национальной независимости» ряда стран, среди которых называлась и Беларусь [89, р. 212]. При этом резолюция именовала США «цитаделью человеческой свободы», от которой порабощенные народы ожидают поддержки в восстановлении независимости, обеспечении личных и религиозных свобод [89, р. 212]. Заявляя о солидарности народа Соединенных Штатов Америки с этими устремлениями, Конгресс декларировал необходимость ежегодного объявления «недель порабощенных народов», проводимых каждую третью неделю июля

в масштабах всей страны. Резолюция предполагала организацию широкого спектра мероприятий, направленных на демонстрацию осуждения советского политического строя проживающими в США представителями «порабощенных народов», а также их поддержку со стороны американской власти и населения. Прерогатива ежегодного провозглашения «недель порабощенных народов» вплоть до их полного освобождения закреплялась за президентом Соединенных Штатов [89, р. 212]. Решением президента Д. Эйзенхауэра от 17 июля 1959 г. данная резолюция наделялась статусом государственного закона, который вошел в Большой свод законодательства США как «Public Law 86–90» [89, р. 212].

Принятие Конгрессом США совместной резолюции о проведении «недель порабощенных народов» встретило широкую поддержку со стороны антисоветски настроенной части белорусской диаспоры. Уже 19 июля 1959 г. на страницах газеты «Бацькаўшчына» резолюция характеризовалась как «первый случай в истории американской зарубежной политики признания и подтверждения права на государственную независимость нероссийских народов Советского Союза, в том числе и Беларуси» [90, с. 1]. В следующем номере редакция газеты комментировала принятие резолюции как «действительное понимание государственным мужами Америки империалистической поработительной сущности большевизма» [91, с. 1]. Восторженность в оценках совместной резолюции Конгресса США объясняется совпадением вектора американской внешней политики с целями и задачами Рады БНР. В частности, согласно принятому 20–21 июня 1948 г. «Постановлению сессии Рады БНР в деле белорусской внешней политики», внешняя политика правительства БНР ориентировалась на достижение следующих целей: 1) «возрождение белорусского демократического государства» на этнографических белорусских землях; 2) признание на международном уровне права белорусского народа на государственную независимость; 3) стремление «к полному уничтожению большевизма и разделению Российской империи на национальные государства порабощенных народов» [92, с. 2].

Декларирование общности целей американской внешней политики и Рады БНР в вопросе политического будущего Беларуси имело следствием вовлеченность представителей БАПЦ в проведение мероприятий «недель порабощенных народов». Первое участие БАПЦ в программе данных мероприятий относится к 24 июня 1960 г., когда архиепископ Василий (Томашик) совершил в нью-йоркском кафедральном соборе БАПЦ торжественный молебен по случаю «недели порабощенных народов». В своей проповеди он выразил надежду на то, что господство советской власти в Беларуси, которая проводила атеистическую политику, скоро должно закончиться [93, с. 3]. Таким образом, уже на следующий год после принятия решения о проведении «недель порабощенных народов» БАПЦ в лице секретаря собора епископов продемонстрировала свою активную поддержку линии внешней политики США и заявила о необходимости изменения политического строя в БССР.

Наиболее устоявшейся формой участия белорусского духовенства в данном мероприятии являлось присутствие на трибунах почетных гостей во время антисоветских демонстраций и произнесение соответствующих молитв [94, с. 3]. Однако в отдельных случаях ими совершались действия, привлекавшие особое внимание к антисоветской позиции БАПЦ. Так, 22 июля 1973 г. первоиерарх БАПЦ митрополит Андрей (Крит) отслужил в белорусском храме г. Кливленда молебен за здравие и освобождение «порабощенных народов», а на следующий день в присутствии мэра г. Ральфа Дж. Перка открыл молитвой протестный митинг [95, с. 22]. Аналогичным образом 13 июля 1980 г. на городской площади г. Детройта архиепископ Николай (Мацукевич) предварил молитвой открытие митинга, который возглавлял судья Дж. Гойзнер [96, с. 4].

Другой формой привлечения общественного внимания к названному антисоветскому мероприятию являлось совершение межконфессиональных (экуменических) молебнов за порабощенные народы. В частности, на протяжении 1976–1979 гг. администратор БАПЦ в Австралии и Новой Зеландии протоиерей Александр Кулаковский ежегодно в рамках проведения «недель порабощенных народов» принимал участие в подобных экуменических молебнах. Мероприятие проходило с участием православного, римско-католического и протестантского духовенства в кафедральном соборе католической архиепархии Мельбурна [97, с. 8; 98, с. 32; 99, с. 16; 100, с. 5; 101, с. 22–23; 102, с. 15].

Выводы. Подводя итоги рассмотрению политической активности БАПЦ в 1950–1982 гг., можно сделать несколько выводов. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода БАПЦ не только поддерживала антисоветскую линию американской политики, но и проявляла высокий уровень вовлеченности в антисоветские политические мероприятия. Выраженная политическая активность БАПЦ объясняется ее ориентированностью на поддержку Рады БНР и непризнанием советского политического строя в Беларуси. Во-вторых, основными проявлениями политической активности БАПЦ являлись ежегодные посещения священнослужителями Конгресса США по случаю празднования годовщин провозглашения независимости БНР и участие в мероприятиях «недель поработанных народов». В-третьих, рассмотренные в статье проявления политической активности БАПЦ соответствовали стратегии американской внешней политики, направленной на пропаганду антикоммунистических идей и поддержку национальных освободительных движений в социалистических странах. Таким образом, в течение 1950–1982 гг. БАПЦ не ограничивалась осуществлением исключительно религиозной деятельности и предпринимала активные действия в рамках американского противостояния советской политической системе.

Список использованных источников

1. Согрин, В. В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 36–52.
2. Peterson, L. M. The Cold War and the change in the nature of military power : Ph. D. thesis / L. M. Peterson. – London : London School of Economics a. Political Science, 1999. – 279 p.
3. Scott, L. W. Freedom's war: the US crusade against the Soviet Union, 1945–56 / L. W. Scott. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1999. – 301 p.
4. 25 Сакавіка ў Амэрыканскім Кангрэсе // Бацькаўшчына. – 1956. – 27 травня. – С. 4.
5. Congressional Record. – 1956. – Vol. 102, pt. 4. – P. 4656.
6. Акт 25 сакавіка ў Кангрэсе ЗША // Бацькаўшчына. – 1957. – Вялікдзень. – С. 5.
7. Мерляк, К. Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі. Пранікліваць і практычны падыход / К. Мерляк. – Нью-Ёрк : [б. в.], 1992. – 476 с.
8. Свята 25 Сакавіка ў ЗША // Беларус. – 1957. – 30 чэрв. – С. 4.
9. Хроніка // Голас Царквы. – 1957. – № 5. – С. 14–16.
10. Congressional Record. – 1957. – Vol. 103, pt. 3. – P. 4150–4151.
11. Беларуская дэлегацыя ў віцэ-прэзідэнта ЗША // Бацькаўшчына. – 1958. – Вялікдзень. – С. 3.
12. Беларуская дэлегацыя ў віцэ-прэзідэнта ЗША Рычарда Ніксана // Бацькаўшчына. – 1958. – 20 крас. – С. 1.
13. Малітва ў Сэнаце Задзіночаных Штатаў Амэрыкі // Бацькаўшчына. – 1958. – 20 крас. – С. 1.
14. Свята Незалежнасці Беларусі ў ЗША // Беларус. – 1958. – 25 траўня. – С. 1–2.
15. Урачысты абход Сакавіковай гадавіны ў Нью-Ёрку // Бацькаўшчына. – 1958. – 20 крас. – С. 2.
16. Хроніка // Бюл. Беларус. Правасл. Брацтва й Сястрыцтва Жыровіц. Божае Маці ў Вялікабрытаніі. – 1958. – № 4. – С. 10.
17. Хроніка // Голас Царквы. – 1958. – № 7. – С. 14–16.
18. Congressional Record. – 1958. – Vol. 104, pt. 4. – P. 5051.
19. Congressional Record. – 1961. – Vol. 107, pt. 4. – P. 4467, 4487, 4701, 5298–5299, 5302.
20. Congressional Record. – 1962. – Vol. 108, pt. 4. – P. 4873–4875, 4879–4880.
21. Congressional Record. – 1963. – Vol. 109, pt. 4. – P. 4901–4906, 5247.
22. Congressional Record. – 1964. – Vol. 110, pt. 5. – P. 6019, 6415, 6463, 6480–6482, 6484.
23. Congressional Record. – 1965. – Vol. 111, pt. 4. – P. 4899.
24. Congressional Record. – 1966. – Vol. 112, pt. 5. – P. 6709–6711, 6713–6714, 6720, 6763–6764.
25. Congressional Record. – 1967. – Vol. 113, pt. 6. – P. 7871, 7904–7905, 7999, 8001–8002.
26. Congressional Record. – 1968. – Vol. 114, pt. 6. – P. 7475–7481, 7515, 7523, 7757–7758, 7764, 7772.
27. Беларуская Дэлегацыя ў Віцэ-прэзідэнта ЗША // Бацькаўшчына. – 1961. – 16 крас. – С. 2.
28. Будзіч, А. Вашынгтон і Нью-Ёрк / А. Будзіч // Бацькаўшчына. – 1962. – 20 траўня. – С. 3.
29. Дзень Незалежнасці Беларусі ў Вашынгтоне // Беларус. – 1962. – Красавік-травень. – С. 1.
30. Малітва, прачытаная ўладыкаю Васілём у Сэнаце ЗША з нагоды 45-х угодкаў 25-га Сакавіка // Голас Царквы. – 1963. – № 17. – С. 3–4.
31. Малітва, прачытаная ўладыкаю Васілём у Сэнаце ЗША з нагоды ўгодкаў 25-га Сакавіка // Голас Царквы. – 1961. – № 13. – С. 16.
32. Малітва, прачытаная у Сэнаце ЗША з нагоды 44-х угодкаў Абвешчання Незалежнасці Беларусі Яго Высокапрэсвятэствам Архіепіскапам БАПЦ Васілём // Беларус. – 1962. – Красавік-травень. – С. 1.
33. Сакавікова ўрачыстасці ў Нью-Ёрку // Голас Царквы. – 1963. – № 17. – С. 15.
34. Малітва Яго Высокапрэсвятэства Уладыкі Васіля, архіепіскапа Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы, якая з нагоды 46-х угодкаў абвешчання незалежнасці Беларускае Народнае Рэспублікі была прачытаная

26 сакавіка 1964 г. у Капітолі ў Вашынгтоне пры адкрыцці паседжання Амерыканскага Сенату // Беларус. – 1964. – Красавік-травень. – С. 1.

35. У агульна-амэрыканскім маштабе // Бацькаўшчына. – 1964. – Травень. – С. 7.
36. Угодкі 25 Сакавіка ў ЗША // Беларус. – 1964. – Красавік-травень. – С. 2.
37. Беларуская дэлегацыя ў Сэнаце ЗША // Бацькаўшчына. – 1965. – Сакавік. – С. 1.
38. Малітва Яго Высокапрэасьвяшчэнства Уладыкі Васілія, прачытаная ім у Сэнаце ЗША з нагоды 48-х угодкаў Акту 25-га Сакавіка // Голас Царквы. – 1966. – № 23. – С. 3–4.
39. Рэха святкавання 48-х угодкаў Акту 25-га Сакавіка // Бацькаўшчына. – 1966. – Чэрвень. – С. 7.
40. Сакавіковыя ўрачыстасці ў Нью-Ёрку // Голас Царквы. – 1966. – № 23. – С. 15–16.
41. У віцэ-прэзідэнта ЗША // Беларус. – 1965. – Сакавік-красавік. – С. 1.
42. У Сэнаце ЗША // Беларус. – 1966. – Сакавік-красавік. – С. 1.
43. У Сэнаце ЗША // Беларус. – 1967. – Красавік. – С. 1.
44. Угодкі 25 Сакавіка ў Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1967. – Травень. – С. 1–2.
45. У Сэнаце Задзіночаных Штатаў // Беларус. – 1968. – Красавік. – С. 1.
46. Угодкі Акту 25 Сакавіка ў Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1969. – Красавік. – С. 1.
47. Congressional Record. – 1969. – Vol. 115, pt. 6. – P. 7037, 7577–7578, 7580–7582, 7587–7588, 7592–7593, 7603–7606, 7609–7610, 7612, 7616–7618, 7620–7622, 7624.
48. Сакавіковыя ўгодкі ў Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1970. – Травень. – С. 3.
49. Удзельнік. Малітва ў Кангрэсе ЗША / Удзельнік // Беларус. – 1973. – Красавік. – С. 1.
50. Congressional Record. – 1973. – Vol. 119, pt. 8. – P. 9452, 9453, 9459–9461.
51. Малітва за Беларусь у Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1975. – Красавік. – С. 1.
52. Congressional Record. – 1975. – Vol. 121, pt. 7. – P. 8481, 8540–8543, 8564.
53. Prayer in the Congress // The Byelorussian Times. – 1975. – October. – P. 2.
54. Я. З. У Кангрэсе ЗША пра незалежнасць Беларусі / Я. З. // Беларус. – 1976. – Красавік. – С. 1.
55. Малітва за Беларусь у Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1978. – Сакавік. – С. 1.
56. Малітва за Беларусь у Палаце Рэпрэзэнтантаў ЗША // Беларус. – 1978. – Травень. – С. 3.
57. Congressional Record. – 1978. – Vol. 124, pt. 6. – P. 7859.
58. Prayer for Byelorussia in the U.S. Congress // The Byelorussian Times. – 1978. – March. – P. 2.
59. Дзень незалежнасці Беларусі ў Нью-Ёрку // Беларус. – 1979. – Красавік. – С. 3.
60. Малітва за Беларусь у Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1979. – Красавік. – С. 3.
61. Малітва ў Кангрэсе ЗША // Голас Царквы. – 1979. – № 51. – С. 17.
62. Congressional Record. – 1979. – Vol. 125, pt. 5. – P. 5865.
63. Беларуская дэлегацыя ў Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1980. – Травень. – С. 3.
64. Congressional Record. – 1979. – Vol. 126, pt. 5. – P. 6707.
65. Congressional Record. – 1982. – Vol. 128, pt. 5. – P. 5467, 5599, 5602, 6038–6039, 6080, 6544–6545.
66. Слесарев, А. В. Обстоятельства возникновения и история развития церковного раскола белорусской диаспоры в первой половине 1980-х гг. / А. В. Слесарев // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2020. – № 4. – С. 66–79. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-66-79>
67. Congressional Record. – 1957. – Vol. 103, pt. 4. – P. 4727.
68. Congressional Record. – 1958. – Vol. 104, pt. 5. – P. 6600–6601.
69. Congressional Record. – 1959. – Vol. 105, pt. 4. – P. 5122, 5169–5170, 5263, 5284, 5294.
70. Congressional Record. – 1960. – Vol. 106, pt. 5. – P. 6553, 6555, 6557–6559, 6564.
71. Congressional Record. – 1960. – Vol. 106, pt. 6. – P. 7009–7010.
72. Congressional Record. – 1961. – Vol. 107, pt. 3. – P. 4094.
73. 25 Сакавіка. У Сэнаце й Кангрэсе ЗША // Беларус. – 1962. – Красавік-травень. – С. 1.
74. Congressional Record. – 1965. – Vol. 111, pt. 5. – P. 6023, 6027, 6045, 6052–6053, 6055, 6058–6059, 6065–6066, 6082–6088, 6155.
75. Congressional Record. – 1966. – Vol. 112, pt. 6. – P. 7303.
76. Congressional Record. – 1968. – Vol. 114, pt. 7. – P. 8342.
77. Congressional Record. – 1970. – Vol. 116, pt. 7. – P. 2729–2730, 9631–9632, 9675–9676, 9678–9679.
78. Congressional Record. – 1971. – Vol. 117, pt. 6. – P. 7959–7961, 8053, 8055, 8218, 8124, 8221, 8227, 8239, 8241–8242, 8247–8248, 8250, 8253.
79. Congressional Record. – 1972. – Vol. 118, pt. 7. – P. 8116.
80. Congressional Record. – 1972. – Vol. 118, pt. 8. – P. 10144, 10147, 10169, 10197–10198.
81. Congressional Record. – 1972. – Vol. 118, pt. 9. – P. 11524.
82. Congressional Record. – 1973. – Vol. 119, pt. 7. – P. 9331–9332, 9335, 9339, 9348, 9364, 9374.
83. Congressional Record. – 1974. – Vol. 120, pt. 7. – P. 7955, 8922.
84. Congressional Record. – 1976. – Vol. 122, pt. 7. – P. 8217, 8226, 8233–8234, 8238, 8244–8245, 8261.
85. Congressional Record. – 1977. – Vol. 123, pt. 8. – P. 9298, 9304, 9301.
86. Congressional Record. – 1978. – Vol. 124, pt. 7. – P. 8509–8511, 8519–8520.
87. Congressional Record. – 1980. – Vol. 126, pt. 5. – P. 6583–6585, 6597, 6599, 6603, 6605, 6608, 6619.
88. Congressional Record. – 1981. – Vol. 127, pt. 4. – P. 5271–5272, 5274, 5276, 5280, 5288, 5301, 5320, 5327.
89. Joint Resolution Providing for the designation of the third week of July as «Captive Nations Week»: Public Law 86–90 // United States Statutes at Large. – 1959. – Vol. 73. – P. 212.

90. Крыга, А. Тыздзень паняволеных народаў / А. Крыга // Бацькаўшчына. – 1959. – 19 ліп. – С. 1.
91. Вялікі дакумент амэрыканскае вызвольнае палітыкі // Бацькаўшчына. – 1959. – 2 жн. – С. 1.
92. Пастанова Сэсіі Рады Беларускае Народнае Рэспублікі ў справе беларускае вонкавае палітыкі // Бацькаўшчына. – 1948. – 4 ліп. – С. 2.
93. Маяк, Д. Тыздзень Паняволеных Народаў у Нью-Ёрку / Д. Маяк // Бацькаўшчына. – 1960. – 31 ліп. – С. 3.
94. Пануцэвіч, В. Тыздзень Паняволеных Народаў / В. Пануцэвіч // Бацькаўшчына. – 1965. – Жнівень-верасень. – С. 3.
95. Тыздзень Паняволеных Народаў у Кліўлендзе // Голас Царквы. – 1973. – № 39. – С. 22.
96. Акула, К. Тыздзень Паняволеных Народаў ў Дэтройце / К. Акула // Беларус. – 1980. – Жнівень-верасень. – С. 4.
97. М. Г. Тыздзень Паняволеных Народаў у Мэльбурне / М. Г. // The Byelorussian Times. – 1976. – October. – P. 8.
98. Тыздзень Паняволеных Народаў // Голас Царквы. – 1976. – № 46. – С. 32.
99. Парафія БАПЦарквы ў Мэльбурне // Голас Царквы. – 1977. – № 48. – С. 16.
100. Тыздзень Паняволеных Народаў у Мэльбурне // The Byelorussian Times. – 1977. – August. – P. 5.
101. Хроніка парафіі // Голас Царквы. – 1978. – № 50. – С. 22–23.
102. Хроніка парафіі БАПЦ у Мэльбурне // Голас Царквы. – 1979. – № 52. – С. 15–16.

References

1. Sogrin V. V. Dynamics of rivalry of the USSR and the USA during the cold war. 1945–1991. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*, 2015, no. 6, pp. 36–52 (in Russian).
2. Peterson L. M. *The Cold War and the change in the nature of military power*. Ph. D. thesis. London, London School of Economics and Political Science, 1999. 279 p.
3. Scott L. W. *Freedom's War: The US Crusade against the Soviet Union 1945–1956*. Manchester, Manchester University Press, 1999. 240 p.
4. March 25 in the US Congress. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1956, May 27, p. 4 (in Belarusian).
5. *Congressional Record*, 1956, vol. 102, pt. 4, p. 4656.
6. Act of March 25 in the US Congress. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1957, Easter, p. 5 (in Belarusian).
7. Merljak K. *Activities of Kastus Merlyak in exile*. Insight and practical approach. New York, 1992. 476 p. (in Belarusian).
8. March 25 is a holiday in the United States. *Belarus = Bielarus*, 1957, June 30, p. 4 (in Belarusian).
9. Chronicle. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1957, no. 5, pp. 14–16 (in Belarusian).
10. *Congressional Record*, 1957, vol. 103, pt. 3, pp. 4150–4151.
11. Belarusian delegation to the US Vice President. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1958, Easter, p. 3 (in Belarusian).
12. Belarusian delegation to US Vice President Richard Nixon. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1958, April 20, p. 1 (in Belarusian).
13. Prayer in the United States Senate of the United States. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1958, April 20, p. 1 (in Belarusian).
14. Belarus Independence Day in the USA. *Belarus = Bielarus*, 1958, May 25, pp. 1–2 (in Belarusian).
15. Solemn procession of the March anniversary in New York. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1958, April 20, p. 2 (in Belarusian).
16. Chronicle. *Byuleten' Belaruskaga Pravaslauunaaga Bratstva i Syastrytstva Zhyrovitskae Bozhae Matsi u Vyalikabrytanii* [Bulletin of the Belarusian Orthodox Brotherhood and Sorority of the Zhiroviichi Mother of God in Great Britain], 1958, no. 4, p. 10 (in Belarusian).
17. Chronicle. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1958, no. 7, pp. 14–16 (in Belarusian).
18. *Congressional Record*, 1958, vol. 104, pt. 4, p. 5051.
19. *Congressional Record*, 1961, vol. 107, pt. 4, pp. 4467, 4487, 4701, 5298–5299, 5302.
20. *Congressional Record*, 1962, vol. 108, pt. 4, pp. 4873–4875, 4879–4880.
21. *Congressional Record*, 1963, vol. 109, pt. 4, pp. 4901–4906, 5247.
22. *Congressional Record*, 1964, vol. 110, pt. 5, p. 6019, 6415, 6463, 6480–6482, 6484.
23. *Congressional Record*, 1965, vol. 111, pt. 4, p. 4899.
24. *Congressional Record*, 1966, vol. 112, pt. 5, pp. 6709–6711, 6713–6714, 6720, 6763–6764.
25. *Congressional Record*, 1967, vol. 113, pt. 6, pp. 7871, 7904–7905, 7999, 8001–8002.
26. *Congressional Record*, 1968, vol. 114, pt. 6, pp. 7475–7481, 7515, 7523, 7757–7758, 7764, 7772.
27. Belarusian Delegation to the Vice President of the United States. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1961, April 16, p. 2 (in Belarusian).
28. Budzich A. Washington and New York. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1962, May 20, p. 3 (in Belarusian).
29. Belarus Independence Day in Washington. *Belarus = Bielarus*, 1962, April-May, p. 1 (in Belarusian).
30. Prayer read by Bishop Vasily in the US Senate on the occasion of the 45th anniversary of March 25. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1963, no. 17, pp. 3–4 (in Belarusian).
31. Prayer read by Bishop Vasily in the US Senate on the occasion of the anniversary of March 25. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1961, no. 13, p. 16 (in Belarusian).
32. Prayer read by His Eminence Archbishop of the BAOC Vasily in the US Senate on the occasion of the 44th anniversary of the Declaration of Independence of Belarus. *Belarus* [Belarus], 1962, April-May, p. 1 (in Belarusian).
33. March festivities in New York. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1963, no. 17, p. 15 (in Belarusian).

34. The prayer of His Eminence Bishop Vasily, Archbishop of the Belarusian Autocephalous Orthodox Church, which was read on March 26, 1964 at the Capitol in Washington on the occasion of the 46th anniversary of the proclamation of independence of the Belarusian People's Republic. *Belarus = Bielarus*, 1964, April-May, p. 1 (in Belarusian).
35. On a pan-American scale. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1964, May, p. 7 (in Belarusian).
36. Anniversary of March 25 in the United States. *Belarus = Bielarus*, 1964, April-May, p. 2 (in Belarusian).
37. Belarusian delegation to the US Senate. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1965, March, p. 1 (in Belarusian).
38. Prayer of His Eminence Bishop Basil, read by him in the US Senate on the occasion of the 48th anniversary of the March 25 Act. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1966, no. 23, pp. 3–4 (in Belarusian).
39. Echoes of the celebration of the 48th anniversary of the March 25 Act. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1966, June, p. 7 (in Belarusian).
40. March festivities in New York. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1966, no. 23, p. 15–16 (in Belarusian).
41. The Vice President of the United States. *Belarus = Bielarus*, 1965, March-April, p. 1 (in Belarusian).
42. In the US Senate. *Belarus = Bielarus*, 1966, March-April, p. 1 (in Belarusian).
43. In the US Senate. *Belarus = Bielarus*, 1967, April, p. 1 (in Belarusian).
44. Anniversary of March 25 in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1967, May, pp. 1–2 (in Belarusian).
45. In the Senate of the United States. *Belarus = Bielarus*, 1968, April, p. 1 (in Belarusian).
46. Anniversary of the Act of March 25 in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1969, April, p. 1 (in Belarusian).
47. *Congressional Record*, 1969, vol. 115, pt. 6, pp. 7037, 7577–7578, 7580–7582, 7587–7588, 7592–7593, 7603–7606, 7609–7610, 7612, 7616–7618, 7620–7622, 7624.
48. March anniversary in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1970, May, p. 3 (in Belarusian).
49. Prayer in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1973, April, p. 1 (in Belarusian).
50. *Congressional Record*, 1973, vol. 119, pt. 8, pp. 9452, 9453, 9459–9461.
51. Prayer for Belarus in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1975, April, p. 1 (in Belarusian).
52. *Congressional Record*, 1975, vol. 121, pt. 7, pp. 8481, 8540–8543, 8564.
53. Prayer in the Congress. *The Byelorussian Times*, 1975, October, p. 2.
54. In the US Congress on the independence of Belarus. *Belarus = Bielarus*, 1976, April, p. 1 (in Belarusian).
55. Prayer for Belarus in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1978, March, p. 1 (in Belarusian).
56. Prayer for Belarus in the US House of Representatives. *Belarus = Bielarus*, 1978, May, p. 3 (in Belarusian).
57. *Congressional Record*, 1978, vol. 124, pt. 6, p. 7859.
58. Prayer for Byelorussia in the U.S. Congress. *The Byelorussian Times*, 1978, March, p. 2.
59. Independence Day of Belarus in New York. *Belarus = Bielarus*, 1979, April, p. 3 (in Belarusian).
60. Prayer for Belarus in the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1979, April, p. 3 (in Belarusian).
61. Prayer in the US Congress. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1979, no. 51, p. 17 (in Belarusian).
62. *Congressional Record*, 1979, vol. 125, pt. 5, p. 5865.
63. Belarusian delegation to the US Congress. *Belarus = Bielarus*, 1980, May, p. 3 (in Belarusian).
64. *Congressional Record*, 1979, vol. 126, pt. 5, p. 6707.
65. *Congressional Record*, 1982, vol. 128, pt. 5, p. 5467, 5599, 5602, 6038–6039, 6080, 6544–6545.
66. Slesarau A. V. The circumstances of the origin and history of the development of the church schism of the Belarusian diaspora in the first half of the 1980s. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija = Journal of the Belarusian State University. History*, 2020, no. 4, pp. 66–79 (in Russian). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-66-79>
67. *Congressional Record*, 1957, vol. 103, pt. 4, p. 4727.
68. *Congressional Record*, 1958, vol. 104, pt. 5, pp. 6600–6601.
69. *Congressional Record*, 1959, vol. 105, pt. 4, p. 5122, 5169–5170, 5263, 5284, 5294.
70. *Congressional Record*, 1960, vol. 106, pt. 5, pp. 6553, 6555, 6557–6559, 6564.
71. *Congressional Record*, 1960, vol. 106, pt. 6, pp. 7009–7010.
72. *Congressional Record*, 1961, vol. 107, pt. 3, p. 4094.
73. March 25. In the US Senate and Congress. *Belarus = Bielarus*, 1962, April-May, p. 1 (in Belarusian).
74. *Congressional Record*, 1965, vol. 111, pt. 5, pp. 6023, 6027, 6045, 6052–6053, 6055, 6058–6059, 6065–6066, 6082–6088, 6155.
75. *Congressional Record*, 1966, vol. 112, pt. 6, p. 7303.
76. *Congressional Record*, 1968, vol. 114, pt. 7, p. 8342.
77. *Congressional Record*, 1970, vol. 116, pt. 7, pp. 2729–2730, 9631–9632, 9675–9676, 9678–9679.
78. *Congressional Record*, 1971, vol. 117, pt. 6, pp. 7959–7961, 8053, 8055, 8218, 8124, 8221, 8227, 8239, 8241–8242, 8247–8248, 8250, 8253.
79. *Congressional Record*, 1972, vol. 118, pt. 7, p. 8116.
80. *Congressional Record*, 1972, vol. 118, pt. 8, pp. 10144, 10147, 10169, 10197–10198.
81. *Congressional Record*, 1972, vol. 118, pt. 9, pp. 11524.
82. *Congressional Record*, 1973, vol. 119, pt. 7, pp. 9331–9332, 9335, 9339, 9348, 9364, 9374.
83. *Congressional Record*, 1974, vol. 120, pt. 7, pp. 7955, 8922.
84. *Congressional Record*, 1976, vol. 122, pt. 7, pp. 8217, 8226, 8233–8234, 8238, 8244–8245, 8261.
85. *Congressional Record*, 1977, vol. 123, pt. 8, pp. 9298, 9304, 9301.
86. *Congressional Record*, 1978, vol. 124, pt. 7, pp. 8509–8511, 8519–8520.
87. *Congressional Record*, 1980, vol. 126, pt. 5, pp. 6583–6585, 6597, 6599, 6603, 6605, 6608, 6619.

88. *Congressional Record*, 1981, vol. 127, pt. 4, pp. 5271–5272, 5274, 5276, 5280, 5288, 5301, 5320, 5327.
89. Joint Resolution Providing for the designation of the third week of July as «Captive Nations Week»: Public Law 86–90. *The United States Statutes at Large*, 1959, vol. 73, p. 212.
90. Kryga A. Captive Nations Week. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1959, July 19, p. 1 (in Belarusian).
91. A great document of American liberation policy. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1959, August 2, p. 1 (in Belarusian).
92. Resolution of the Session of the Council of the Belarusian People's Republic on Belarusian Foreign Policy. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1948, July 4, p. 2 (in Belarusian).
93. Majak D. Captive Nations Week in New York. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1960, July 31, p. 3 (in Belarusian).
94. Panucjevich V. Captive Nations Week. *Bats'kaushchyna* [The Fatherland], 1965, August-September, p. 3 (in Belarusian).
95. Captive Nations Week in Cleveland. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1973, no. 39, p. 22 (in Belarusian).
96. Akula K. Captive Nations Week in Detroit. *Belarus = Bielarus*, 1980, August-September, p. 4 (in Belarusian).
97. M. G. Captive Nations Week in Melbourne. *The Byelorussian Times*, 1976, October, p. 8 (in Belarusian).
98. Captive Nations Week. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1976, no. 46, p. 32 (in Belarusian).
99. BAOC Parish Church in Melbourne. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1977, no. 48, p. 16. (in Belarusian).
100. Captive Nations Week in Melbourne. *The Byelorussian Times*, 1977, August, p. 5 (in Belarusian).
101. Chronicle of the Parish. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1978, no. 50, pp. 22–23 (in Belarusian).
102. Chronicle of the BAOC Parish in Melbourne. *Golas Tsarkvy = The Voice of the Church*, 1979, no. 52, p. 15 (in Belarusian).

Информация об авторе

Слесарев Александр Валерьевич – аспирант. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a-slesarev@yandex.ru

Information about the author

Alexander V. Slesarev – Postgraduate student. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: a-slesarev@yandex.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 94(476)«1773/1862»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-177-188>

Поступила в редакцию 31.01.2022

Received 31.01.2022

Ю. Л. Ковшик

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ПОЛУЧЕНИЯ ЧИНОВ ВЫБОРНЫМИ ОТ ДВОРЯНСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1773–1862 гг.)

Аннотация. Одним из ключевых критериев государственного служащего и одновременно существенным элементом института государственной службы в Российской империи являлся присваиваемый должностной чин. Именно им определялись права и привилегии должностного лица и его место в служебной иерархии. От имеющегося у гражданского служащего чина зависели присваиваемый ранг, занимаемая должность, материальное обеспечение (жалованье, пенсии), награждение орденами и другими знаками отличия и др. Получение на службе определенного чина давало служащему доступ в дворянское сословие. Политика центрального правительства по регулированию правил и порядка чинопроизводства как процесса присвоения, повышения, лишения и переименования чинов отражалась в законодательных актах. Анализ российского законодательства показал, что правила чинопроизводства двух групп госслужащих (правительственных и выборных от дворянства) существенно различались. До 1830-х гг. порядок чинопроизводства выборных от дворянства госслужащих отличался бессистемностью, отсутствием должного законодательного регулирования, отрывочным решением отдельных вопросов без комплексного взгляда на проблему. В 1830-е гг. был принят ряд системных законов, урегулировавших рассматриваемую проблему. Новые правила чинопроизводства действовали до самого окончания последней в белорусской истории каденции выборных от дворянства чиновников в 1862 г.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, Беларусь, чин, чинопроизводство, дворянство, дворянские выборы, государственная служба, местное управление

Для цитирования: Ковшик, Ю. Л. Нормативно-правовое регулирование предоставления и получения чинов выборными от дворянства государственными служащими на территории Беларуси (1773–1862 гг.) / Ю. Л. Ковшик // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 177–188 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-177-188>

Yurii L. Kovshik

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE OFFICIAL PRODUCTION OF CIVIL SERVANTS ELECTED FROM THE NOBILITY ON THE TERRITORY OF BELARUS (1773–1862)

Abstract. One of the key criteria of a civil servant and at the same time an essential element of the institution of public service in the Russian Empire was the rank assigned to the position. It was he who determined the rights and privileges of an official and his place in the official hierarchy. The rank, position, material security (salary, pensions), awarding orders and other insignia, etc. depended on the rank of a civil servant. Obtaining certain ranks in the service gave the employee access to the nobility. The policy of the central government to regulate the rules and procedure of rank production as a process of assignment, promotion, deprivation and renaming of ranks was reflected in legislative acts. The analysis of the Russian legislation showed that the rules of the official production of two groups of civil servants (government and elected from the nobility) differed significantly. Until the 1830s, the order of official production of civil servants elected from the nobility was characterized by haphazardness, lack of proper legislative regulation, fragmentary solution of individual issues without a comprehensive view of the problem. In the 1830s, a number of systemic laws were adopted that settled the problem under consideration. The new rules of rank production were in effect until the very end of the last cadence of officials elected from the nobility in Belarusian history in 1862.

Keywords: legal regulation, Belarus, ranks, rank production, nobility, noble elections, civil service, local government

For citation: Kovshik Yu. L. Regulatory and legal regulation of the official production of civil servants elected from the nobility on the territory of Belarus (1773–1862). *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 177–188 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-177-188>

Введение. Ключевым атрибутом государственного служащего в Российской империи являлся чин. Именно им определялись права и привилегии должностного лица, а также его место в служебной иерархии. Поскольку выборные от дворянства служащие были обязаны поддерживать работу государственного аппарата на местном уровне, на них во многом распространялись права и привилегии чиновников, назначаемых от правительства. Многим должностям, подлежащим замещению выборными от дворянства лицами, присваивался также определённый чин. Однако анализ российского законодательства показал, что порядок чинопроизводства двух групп госслужащих (правительственных и выборных от дворянства) существенно различался. В связи с этим характеристика порядка и правил получения чинов, продвижения по чиновничьей лестнице выборных от дворянства служащих позволит определить одну из специфических черт данной группы чиновников по сравнению с правительственной (коронной) бюрократией.

Цель статьи – раскрыть правила чинопроизводства выборных от дворянства государственных служащих на территории белорусских губерний в 1772–1862 гг. посредством анализа законодательных актов.

Основная часть. Гражданское чинопроизводство госслужащих Российской империи привлекало внимание дореволюционных [1], советских [2], современных белорусских [3; 4] и зарубежных исследователей [5]. Однако попытки осветить данную проблему в ракурсе выборных от дворянства гражданских служащих практически не предпринимались, что подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса.

В «Полном собрании законов Российской империи» и законодательных сборниках частного характера опубликовано около 208 нормативно-правовых актов, которые определяли и регулировали правила и процедуры гражданского чинопроизводства за 100 лет (с 1762 по 1862 г.) (табл. 1).

Таблица 1. Количественное измерение частоты выхода нормативно-правовых актов, регулировавших порядок чинопроизводства выборных от дворянства служащих в 1762–1862 гг. [6–8]

Table 1. Quantitative measurement of the frequency of the issuance of normative legal acts that regulated the procedure for the production of ranks of employees elected from the nobility in 1762–1862 [6–8]

Годы	Общее количество нормативно-правовых актов о гражданских чинах	Среднегодовое количество	Нормативно-правовые акты, регулирующие порядок чинопроизводства выборных от дворянства служащих	
			количество	% от общего количества
1762–1796 гг.	24	0,7	1	4
1796–1801 гг.	22	7,3	3	13,6
1801–1825 гг.	58	2,4	6	10,3
1825–1855 гг.	90	3,2	7	7,8
1855–1862 гг.	14	2	2	14,3
всего за 100 лет	208	2,1	19	9,1

Данные табл. 1 свидетельствуют, что в течение 1762–1862 гг. российское правительство крайне редко прибегало к регулированию вопросов, связанных с получением чинов и продвижением по чиновничьей лестнице выборных от дворянства служащих. Так, из 208 опубликованных законодательных актов, в той или иной степени посвящённых гражданскому чинопроизводству, только 19 (9,1 %) касались выборных от дворянства должностных лиц. Наибольшее внимание данному вопросу было уделено при Александре I и Николае I, в период правления которых вышло 13 из 19 (68 %) указов, регулировавших продвижение по чинам избранных представителей от местных дворянских обществ. Но в целом законодатели в основном фокусировались на регламентации чинопроизводства правительственных служащих, в то время как разработка правил и процедур чинопроизводства выборных от дворянства лиц осуществлялась по остаточному принципу.

8 мая 1773 г. в пределах Могилевской губернии и белорусских провинций Псковской губернии были учреждены губернские и провинциальные земские суды, состав которых формировался на губернских и провинциальных дворянских собраниях путём выборов [9]. В соответствии с утверждённым штатным расписанием данных учреждений, должностям, подлежащим замещению на дворянских выборах, присваивался определённый чин [10]. С этого времени стало действовать правило получения должностным лицом (при неимении более высокого чина) чина за уряд,

т. е. чин и все привилегии, связанные с ним, давались только на время занятия лицом соответствующей должности. Никаких дополнительных правил чинопроизводства данной группы госслужащих выработано не было.

Следующим этапом регулирования рассматриваемого вопроса стало изменение перечня должностей, замещаемых на дворянских собраниях путём выборов, в связи с началом проведения в 1775 г. общегосударственной реформы местного управления. Количество учреждений, комплектуемых выборными от дворянства лицами, возросло. Диапазон присваиваемых за уряд чинов, прикрепленных к должностям, подлежащим замещению на дворянских выборах, варьировался от коллежского секретаря (10-й класс) до надворного советника (7-й класс) [11; 12].

Во время пребывания Екатерины II в белорусских губерниях в 1780 г., в том числе с целью инспектирования работы вновь созданных местных учреждений, императрицу неприятно удивило существование государственных, военных, земских, придворных чинов и титулов, полученных во времена Речи Посполитой. Судя по данным Месяцеслова с росписью чиновных лиц от 1779 г., из 96 выборных от дворянства чиновников Могилевской губернии 61 (63,5 %) обладал чинами, среди которых 42 (69 %) были польского происхождения. Также каждый из выборных от дворянства служащих не обладал чином, присвоенным занимаемой им должности в соответствии со штатным расписанием [13, с. 315–327]. В Полоцкой губернии ситуация обстоит несколько по-иному. Из 90 служащих, выборных от дворянства, чин имел 71 (79 %) служащий, среди них 58 (82 %) были польского происхождения. Что касается чинов, которые, согласно штатам от 10 января 1778 г., были строго закреплены за определённой должностью, то таковыми чинами ни одно из рассмотренных должностных лиц не обладало [13, с. 329–339]. Судя по всему, правило автоматического присвоения избранному от дворянства лицу соответствующего его новой должности чина за уряд начало работать не сразу, что и вызвало недоумение у Екатерины II. Соответствующие выводы были сделаны и уже в 1781 г. избранные от дворянства служащие Могилевской и Полоцкой губерний имели соответствующие занимаемым ими должностям чины, несмотря на то, что до этого момента многие из них ранее не обладали никакими русскими чинами [14, с. 248–266]. Сопровождавший императрицу граф А. А. Безбородко, который сообщил о данном факте в одном из своих писем, назвал его «величайшей милостью» для чиновников-поляков. Поляки, по его мнению, вследствие этой милости «довольно не дики стали. Вся их амбиция простирается к получению чинов Российских и записке детей в гвардию» [15, с. 322].

16 декабря 1790 г. вышел указ «О правилах производства в статские чины» [16], где впервые упоминаются выборные от дворянства служащие в контексте регулирования правил повышения в чинах. В третьем пункте указа отмечается, что прапорщиков и подпоручиков, занимавших должности заседателей по выборам от дворянства (если они, по свидетельствам начальства, в течение трех лет успешно выполняли свои должностные обязанности), следует производить с заслугой в чин титулярного советника: прапорщиков – по два года, а подпоручиков – по одному году. В данном случае речь идет об исключении из правила о строгой постепенности в продвижении по чинам, так как лица, соответствующие вышеуказанным критериям, награждались чином титулярного советника, минуя чин коллежского секретаря. Мотивировка введения данного правила связана с явлением, присущим бюрократической системе Российской империи, – чинопочтанием. В связи с этим «...прапорщикам и подпоручикам поступать в секретарские звания было бы несвойственно...» [16]. Также указом косвенно подтверждалось, что одним из главных источников замещения выборных от дворянства должностей выступал младший офицерский состав.

В целом, в период правления Екатерины II была создана система местных учреждений, часть из которых комплектовалась выборными от дворянства лицами. Были внедрены инструменты наполнения судебно-административных органов данной группой чиновников через уездные и губернские дворянские собрания.

В период правления Павла I были внесены изменения в номенклатуру должностей, подлежащих замещению на дворянских выборах. Данные изменения были связаны с реформой системы местного управления, которая с новым разделением государства на губернии и уезды предусматривала восстановление в Литовской, Минской и Белорусской губерниях судебных учреждений старого (дороссийского) образца: главных, подкоморских, гродских и надворных судов. Состав этих

судебных органов в основном был выборным от дворянства. Большая часть должностных позиций рассматриваемых учреждений была внесена в новые губернские штатные расписания, где за каждой из них был закреплён чин [17].

Также были введены некоторые новые правила, регламентировавшие продвижение выборных от дворянства лиц по служебной лестнице. Одно из них касалось опять же награждения чинами гвардейских прапорщиков, служивших по дворянским выборам [18]. Прапорщиков гвардии, находившихся на выборной должности, следовало повышать в чинах в строгом соответствии с порядком гражданской службы, если они соответствовали следующим критериям: 1) наличие положительной характеристики от начальства за три года службы на выборной от дворянства должности; 2) наличие ходатайства от начальства о повышении служащего в чине; 3) отсутствие уже выданных ранее поощрений за усердную службу на занимаемой выборной должности в виде награждения орденом или повышения в чинах. В обязательном порядке также следовало «произвести в класс статской службы, какой по времени служения следовать будет» тех из прапорщиков гвардии, которые были избраны дворянством на второе трёхлетие и служба которых не была омрачена штрафами и жалобами от дворянства. Таким образом, данный указ отменял положение указа от 16 декабря 1790 г. об отходе от строгой последовательности в повышении в чинах служащих по выборам от дворянства прапорщиков и подпоручиков.

С 24 сентября 1797 г. порядок предоставления патентов на получаемые чины распространялся на правительственных и выборных от дворянства служащих западных губерний [19].

Существенная часть российского законодательства о чиновничестве была посвящена вопросу переименования военных чинов в гражданские. За период с 1762 по 1862 г. было издано примерно 33 указа (16 % от общего количества законов о чиновничестве), регулировавших процедуру перехода из военной службы в гражданскую, вместе с соответствующей сменой чинов [6; 7]. Пристальное внимание законодателей к данному вопросу было обусловлено ещё одним явлением, присущим российской чиновничьей системе, – приоритетом в глазах государства и общества военной службы и её регалий по отношению к гражданской службе. При переходе военнослужащих в гражданское ведомство они стремились сохранить за собой военные чины и все привилегии, связанные с ними, что вызывало ведомственное смещение, вносящее путаницу в гражданское чиновничество, которое по сравнению с военным функционировало по другим правилам. Поскольку многие лица, избранные дворянством на должности, являлись бывшими военнослужащими, имевшими на момент избрания военные чины, вопрос переименования в чинах стал актуален и для данной группы чиновников. Эта проблема была однозначно решена в период правления Павла I: «по баллам избираемых отставных из военной службы статскими чинами не переименовывать» [20, с. 194]. Мотивировка данного решения была следующая. В глазах законодателей служба по выборам от дворянства выглядела как временная, на которую отставной военнослужащий привлекался не по собственному желанию, а по воле избравшего его дворянства. Таким образом, выборные служащие стали первым исключением из правила об автоматическом переходе от военного в гражданский чин отставного военнослужащего, поступившего на работу в гражданское ведомство, что лишним раз подчёркивает особый характер данного рода службы.

При Александре I был сделан значительный шаг вперёд в пополнении новыми работниками законодательного корпуса о чиновничестве выборных от дворянства лиц. Прежде всего это относится к принятию новых критериев для повышения служащего в чине. Так, согласно указу от 1 августа 1801 г., дворян, служащих по выборам, следовало производить в чины только в том случае, если они имели чины ниже тех, которые закреплены за занимаемыми ими должностями [21]. При этом дворянин должен служить по выборам не менее шести лет подряд и иметь хорошие рекомендации от своего начальства. Указ существенно ужесточил правила повышения в чинах выборных от дворянства служащих, поскольку, по мнению Александра I, служба по выборам дворянства сама по себе является наградой для лица, удостоенного доверия своего сословия. Данный указ отменил все предыдущие правила чиновничества выборных от дворянства служащих. Рассмотренное выше правило повышения в чинах было подтверждено 4 февраля 1803 г. [22].

13 мая 1815 г. было издано важное дополнение к указу от 1 августа 1801 г. [23]. Оно заключалось в распространении положений указа на депутатов дворянских депутатских собраний. Ми-

нистр юстиции Д. П. Трошинский констатировал, что положение указа от 1 августа 1801 г. о повышении в чинах не распространялось на депутатов дворянских депутатских собраний в отличие от выборных от дворянства служащих судебных учреждений. Причиной подобного исключения называлась периодичность заседаний дворянских депутатских собраний. Посчитав такую ситуацию незаконной, Сенат принял решение, согласно которому правило о повышении в чинах от 1 августа 1801 г. распространялось как на должностных лиц избранных дворянством на должности, внесённые в губернские штаты, так и на депутатов дворянских депутатских собраний, чьи посты в губернские штаты не были ранее внесены. Для применения правила, изложенного в указе от 1 августа 1801 г., был необходим закреплённый за выборной должностью чин, относительно которого следовало повышение. Данное затруднение было разрешено указом от 15 февраля 1822 г., в соответствии с которым должности депутата дворянского депутатского собрания присваивался 9-й класс [24].

В июне 1816 г. Александр I утвердил положение Комитета министров, согласно которому впредь запрещалось награждать чинами служащих по выборам дворян, не имевших чинов. Тех из выборных дворян, которые, по свидетельствам своего начальства, качественно выполняли свои должностные обязанности и имели большие профессиональные заслуги, следовало награждать орденами. Решение о награждении принимал император [25]. Вероятно, данное правило главным образом касалось западных губерний, так как именно для местного дворянства неоднократно делались исключения из правила о предоставлении активного и пассивного избирательного права только тем дворянам, которые имели по крайней мере обер-офицерский чин [26–28]. Из-за отсутствия служебного ценза на дворянские выборы в белорусских губерниях допускались бесчиновные дворяне. Для того чтобы закрыть таковым дорогу к получению чинов на выборной службе, вышло рассматриваемое постановление Комитета министров.

В вопросе переименования в чинах отставных военнослужащих, избранных дворянством на должности в гражданском ведомстве, было подтверждено правило, введённое при Павле I [29].

Таким образом, в период правления Александра I законодательство о чинопроизводстве выборных от дворянства служащих пополнилось новыми критериями повышения в чинах, а также уточнением состава должностных лиц, к которым данные критерии следовало применять.

Законодательство о чинопроизводстве выборных от дворянства должностных лиц приобрело комплексный вид при Николае I. Был урегулирован вопрос ходатайств о награждении за усердную службу выборных от дворянства служащих. Согласно указу от 8 апреля 1827 г., ходатаем имело право выступать исключительно начальство по мере служебных заслуг подчинённых [30]. Необходимость данного указа возникла из-за практики прошений дворянских обществ в вышестоящие инстанции о награждении выборных от дворянства лиц. Законодатели отнеслись к данной практике негативно, разъясняя, что «внимание на службу обращает начальство по мере оказанных заслуг, а не по одобрению избирателей». Здесь явно прослеживается подчинённое положение дворянских обществ правительственным учреждениям. Последние, очевидно, сочли действия дворянских обществ как ущемление их полномочий.

Спустя три года был уточнён список избираемых дворянством должностных лиц, на которых распространялись правила о повышении в чинах 1801 г. Данный список пополнился секретарями дворянских собраний [31].

6 декабря 1831 г. был издан важный законодательный акт, которым подведён итог функционирования дворянской корпоративной организации и всех её звеньев в системе местного управления с момента выхода документов, – «Учреждения для управления губерний и Жалованной грамоты дворянству» [32]. В Манифесте о порядке дворянских собраний, выборов и службы по ним были скорректированы, дополнены и обобщены правила функционирования дворянской корпоративной организации с учётом предшествующего законодательства и опыта её работы. В документе также затрагивался вопрос чинопроизводства. В российском законодательстве и дореволюционной историко-правовой литературе существовала классификация учреждений, подлежащих комплектованию на дворянских избирательных собраниях на две группы. К первой группе относились органы дворянского самоуправления, чей функционал не выходил за рамки решения дворянских сословных вопросов. Ко второй группе относились общегосударственные судебно-

административные структуры, которые решали вопросы, касавшиеся всех сословий. В зависимости от данной классификации впервые в российском законодательстве указывалось на разные способы повышения в чинах двух групп дворянских выборных служащих. Согласно параграфу 133 Манифеста, выборные от дворянства лица второй группы учреждений производились в чины по общим правилам, установленным для гражданских служащих. Таким образом, часть выборных от дворянства должностных лиц была уравнена с чиновниками, назначаемыми от правительства в вопросе повышения в чинах. Данное уравнение в чинах было следствием политики повышения престижа службы по выборам в глазах высшего сословия. Высшие правительственные круги нашли один способ популяризации службы по дворянским выборам – распространение на данный вид службы привилегий, которыми обладали коронные гражданские служащие [33, с. 296, 334–335]. К числу данных привилегий относилось и гражданское чинопроизводство.

Манифестом подтверждалось правило, согласно которому отставные военнослужащие, избранные дворянством на должности, продолжали сохранять военные чины, не переименовываясь в гражданские. Однако если дворянский служащий, имевший военный чин по выслуге лет в учреждении второй группы, представлялся к награждению следующим чином, то его следовало производить в гражданский чин. В случае если он желал сохранить военный чин, он мог быть представлен к другой награде. Что касается правил производства в чины дворянских служащих первой группы учреждений, то о них в Манифесте ничего не сказано. Этот ответ был дан в указе от 25 июня 1834 г., согласно которому производство в чины лиц, служивших в органах дворянского самоуправления, оставалось прерогативой императора [34].

В Манифесте впервые со времён «Учреждения о губерниях...» 1775 г. была представлена номенклатура должностей, замещаемых на дворянских выборах с присваиваемыми им классами за уряд (табл. 2).

Таблица 2. Расписание должностей, замещаемых на дворянских выборах по классам в 1831 г.

Table 2. Schedule of positions filled in the noble elections by class in 1831

Должность	Типы учреждений	Ведомственная принадлежность	Класс	Чин
Губернские предводители дворянства	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	4-й	действительный статский советник
Председатели палат уголовного и гражданского суда	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции	5-й	статский советник
Почётные попечители гимназий	дворянские сословные учреждения	Министерство народного просвещения		
Уездные предводители дворянства	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	6-й	коллежский советник
Подкомории подкоморских судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции		
Хорунжие	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	7-й	надворный советник
Дворянские заседатели палат уголовного и гражданского суда; судьи уездных судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции		
Члены губернских комиссий народного продовольствия	общегосударственные учреждения	Министерство внутренних дел	8-й	коллежский ассессор
Депутаты дворянских депутатских собраний; дворянские секретари	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	9-й	титularный советник
Дворянские заседатели уездных судов; председатели и судьи губернских межевых апелляционных судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции		
Коморники подкоморских судов	общегосударственные учреждения	Министерство внутренних дел	12-й	губернский секретарь
Председатели и судьи поветовых (уездных) межевых судов; возные	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции	14-й	коллежский секретарь

В течение длительного времени в Государственном Совете велась работа по созданию комплексного законодательного акта, который урегулировал бы порядок гражданского чиновничества с учётом всех пробелов и нюансов, выявленных в предшествующий период. Итогом данной работы явилось «Общее положение о порядке производства в чины по гражданской службе», опубликованное 25 июня 1834 г., которое стало самым крупным и детализированным документом подобного рода с момента издания «Табели о рангах Петра I» [34]. Из 63 статей Положения только три были посвящены продвижению по чиновничьей лестнице выборных от дворянства служащих. Данными статьями подтверждались положения, изложенные в принятом ранее Манифесте о порядке работы дворянских собраний, выборов и службы по ним. В статьях 48 и 49 указывалось на разные способы повышения в чинах двух групп дворянских выборных служащих. Производство в чины первой группы лиц оставалось исключительно прерогативой императора. Что касается второй группы чиновников, то процедура повышения в чинах была прописана максимально обобщенно, ограничившись ссылкой на общие правила гражданского чиновничества правительственных служащих. Таким образом, очевидна слабая и поверхностная проработка в законодательном акте вопросов гражданского чиновничества выборных от дворянства служащих.

20 ноября 1835 г. вышло дополнение к «Общему положению о порядке производства в чины по гражданской службе» в виде нового расписания должностей гражданской службы от 14-го до 5-го класса включительно [35]. Классы с 1-го по 4-й не были внесены в данное расписание, поскольку, согласно закону, они присваивались исключительно императором. Несмотря на то что в законодательном акте имелась оговорка касательно того, что должности, не вошедшие в данное расписание, будут вноситься в него отдельно по мере надобности, абсолютное большинство позиций гражданского ведомства, в том числе и выборных от дворянства, были внесены в расписание. По сравнению с номенклатурой должностей, изложенных в Манифесте от 6 декабря 1831 г., в расписании гражданских должностей от 20 ноября 1835 г. произошли изменения (табл. 3).

Из табл. 3 следует, что для некоторых должностей были изменены классы в сторону повышения (непременные члены губернских комиссий народного продовольствия – с 8-го на 6-й)

Таблица 3. Расписание должностей, замещаемых на дворянских выборах по классам в 1835 г. [36]

Table 3. Schedule of positions filled in the noble elections by class in 1835 [36]

Должность	Тип учреждения	Ведомственная принадлежность	Класс	Чин
Председатели палат уголовного и гражданского суда; совестные судьи	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции	5-й	статский советник
Почётные попечители гимназий	дворянские сословные учреждения	Министерство народного просвещения		
Уездные предводители дворянства	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	6-й	коллежский советник
Непременные члены губернских комиссий народного продовольствия	общегосударственные учреждения			
Дворянские заседатели палат уголовного и гражданского суда; дворянские заседатели совестных судов; судьи уездных судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции	7-й	надворный советник
Земские исправники	общегосударственные учреждения	Министерство внутренних дел	8-й	коллежский ассессор
Депутаты дворянских депутатских собраний	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	9-й	титularный советник
Дворянские заседатели уездных судов; председатели и судьи губернских межевых апелляционных судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции		
Дворянские секретари	дворянские сословные учреждения	Министерство внутренних дел	10-й	коллежский секретарь
Дворянские заседатели земских судов	общегосударственные учреждения			
Председатели и судьи поветовых (уездных) межевых судов	общегосударственные учреждения	Министерство юстиции	14-й	коллежский секретарь

или понижения (дворянские секретари – с 9-го на 10-й). 11 января 1832 г. был издан указ, в соответствии с которым окончательно упразднились должности времён Речи Посполитой: подкомориев, коморников, ввозных и хорунжих в западных губерниях [37]. Некоторые должности вновь стали замещаться по дворянским выборам (земские исправники, дворянские заседатели земского суда) [38]. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях также были восстановлены совестные суды, состав которых в основном подлежал замещению на дворянских выборах [39–41].

9 марта 1838 г. был издан указ, согласно которому дополнялось «Общее положение о порядке производства в чины по гражданской службе» в вопросе чиновничества выборных от дворянства служащих [42]. Закон регулировал производство в чины служащих по выборам дворян в общегосударственных учреждениях, которые не имели никаких чинов, а также порядок прохождения чинов в целом дворянами, занимавшими выборные должности. В данном указе были заинтересованы министры юстиции и внутренних дел, так как они являлись руководителями ведомств, которым принадлежало абсолютное большинство учреждений, комплектуемых на дворянских выборах.

Согласно указу, следовало присваивать чины в соответствии с общепринятыми правилами выслуги, начиная с 14-го класса, всем нечиновным дворянам, которые:

а) были впервые избраны после издания Манифеста о порядке дворянских собраний, выборов и службы по ним от 6 декабря 1831 г. в судебно-административные должности 10-го класса за уряд и остались в данных должностях либо до издания «Общего положения о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 г., либо до 3 июня 1837 г., либо продолжают занимать эти должности до выхода настоящего указа;

б) поступили на службу по выборам в судебно-административные учреждения до издания Манифеста от 6 декабря 1831 г. и продолжали данную службу до или после издания «Общего положения о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 г. либо продолжают занимать эти должности до выхода настоящего указа;

в) прослужили в западных губерниях шесть лет до издания указа о производстве дворянских выборов в возвращённых от Польши губерниях от 12 октября 1835 г. (ст. 1).

Всех вышеперечисленных лиц, если они продолжали служить до издания данного указа, следовало утвердить в чинах. Выбывших из службы, если они вновь будут избраны на следующих выборах, следовало произвести в чины с момента их утверждения на выборной должности. После получения теми и другими первого чина в дальнейшем их продвижение по чиновничьей лестнице было подчинено общим правилам (ст. 2).

Дворян, которые будут избраны на должности председателей судебных палат и совестных судей, не имевших чины на две и более степени ниже присвоенных занимаемым ими должностям (5-й класс), следовало производить в следующие чины до надворных советников включительно после выслуги установленных законом сокращённых сроков за особые заслуги (ст. 3). В законодательстве было предусмотрено три основных разряда лиц, имевших право поступать на гражданскую службу. Первый – это лица, прошедшие обучение в высших учебных заведениях и получившие установленные законом аттестаты об их окончании. Второй – лица, получившие аттестаты об окончании средних учебных заведений. Третий – лица, не имевшие аттестатов ни первого, ни второго образцов. Для каждого из разрядов существовали свои сроки производства в чины по сокращённой процедуре за особые заслуги:

для первого разряда: из 14-го в 12-й класс – через 2 года; из 12-го в 10-й класс – через 2 года; из 10-го в 9-й класс – через 2 года; из 9-го в 8-й класс: а) потомственные дворяне – через 2 года; б) не имеющие потомственного дворянства – через 4 года; из 8-го в 7-й класс – через 2 года; из 7-го в 6-й класс – через 2 года; из 6-го в 5-й класс – через 3 года;

для второго разряда: из 14-го в 12-й класс – через 3 года; из 12-го в 10-й класс – через 3 года; из 10-го в 9-й класс – через 3 года; из 9-го в 8-й класс: а) потомственные дворяне – через 3 года; б) не имеющие потомственного дворянства – через 6 лет; из 8-го в 7-й класс – через 3 года; из 7-го в 6-й класс – через 3 года; из 6-го в 5-й класс – через 4 года;

для третьего разряда: из 14-го в 12-й класс – через 3 года; из 12-го в 10-й класс – через 3 года; из 10-го в 9-й класс – через 3 года; из 9-го в 8-й класс: а) потомственные дворяне – через 3 года;

б) не имеющие потомственного дворянства – через 8 лет; из 8-го в 7-й класс – через 4 года; из 7-го в 6-й класс – через 4 года; из 6-го в 5-й класс – через 6 лет.

Правило, содержащееся в статье 3, распространялось на бесчиновых дворян, которые занимали должности председателей судебных палат и совестных судей. При этом сокращённые сроки выслуги принимались в расчёт как при утверждении их в чинах на основании статей 1–2 данного указа, так и на будущее время при их повышении до чина надворного советника, если во время своей прежней службы они будут утверждены в низших чинах. В том случае, если они прекратят службу до обретения чина надворного советника, их следовало оставлять в тех чинах, которые были у них на момент увольнения.

Таким образом, данный указ имел две цели. Во-первых, сравнить бесчиновых дворян, служащих по выборам, с дворянами, которые уже имели чины. Это было сделано для того, чтобы должности по судебно-административной части не были замещаемы бесчиновными дворянами, что явно противоречило действующему законодательству. Во-вторых, ускорить чинопроизводство служащих по выборам лиц до соответствующих занимаемым ими должностям классов и, следовательно, решить один из самых болезненных вопросов чиновничьей системы Российской империи – несоответствие класса чина классу занимаемой должности.

7 февраля 1839 г. последовало подтверждение правила о неповышении в чинах по гражданской службе отставных военных, занимавших должности по дворянским выборам в судебно-административных учреждениях, если они не пожелают лишиться своих военных чинов [43]. В данном случае их следовало представлять к другим наградам.

Наиболее интенсивный период законотворчества по вопросам гражданского чинопроизводства в целом и чинопроизводства выборных от дворянства служащих в частности пришёлся на 1830-е гг. Именно тогда были приняты основные нормативно-правовые акты, регламентировавшие предоставление и повышение в чинах выборных от дворянства гражданских служащих, которые просуществовали до последних дворянских выборов в белорусских губерниях в начале 1859 г.

20 октября 1858 г. вышел указ «О порядке производства в чины председателей судебных палат и совестных судей», дополнивший закон от 9 марта 1838 г. [44]. В соответствии с этим документом, председатели судебных палат и совестные судьи производились до чина надворного советника включительно в сокращённые сроки только тогда, когда лица выслужили эти сокращённые сроки исключительно в упомянутых выборных должностях.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, правила и процедуры гражданского чинопроизводства выборных от дворянства служащих получили законченный вид только в 1830-е гг. До этого момента происходил процесс принятия единичных положений, нередко отменявших одно другое, регламентировавших отдельные вопросы продвижения выборного дворянства по служебной лестнице, который не решал проблему в комплексе. Таким образом, можно выделить два периода правительственной политики в отношении гражданского чинопроизводства выборных от высшего сословия гражданских служащих. Первый период (1772 – 1820-е гг.) характеризовался возникновением учреждений, комплектуемых на дворянских избирательных собраниях, а также проблемами гражданского чинопроизводства новой группы служащих и отрывочными попытками их решения. Второй период (1830-е – 1862 гг.) – принятие системных законов, регулировавших рассматриваемую проблему. Он завершился окончанием последней в истории Беларуси каденции выборных от дворянства чиновников.

Список использованных источников

1. Евреинов, В. А. Гражданское чинопроизводство в России / В. А. Евреинов. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1887. – 87 с.
2. Шепелев, Л. Е. Отменённые историей: чины, звания и титулы в Российской империи / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 153 с.
3. Жытко, А. П. Дворянства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. / А. П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
4. Киселев, А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. А. Киселев. – Минск : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2007. – 171 с.

5. Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century / ed.: W. M. Pintner, D. K. Rowney. – Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press, 1980. – 396 p.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 16–40.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 1–37.
8. Хапылев, С. Систематическое собрание российских законов: с присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей : в 6 ч. / С. Хапылев. – СПб. : Сенат. тип., 1817–1819. – 6 ч.
9. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 19. – № 13850. – С. 755–758.
10. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 44, ч. 2. – С. 150–151.
11. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 20. – № 14392. – С. 229–304.
12. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 44, ч. 2. – С. 254–257.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1779. – СПб. : Имп. акад. наук, 1779. – 444 с.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. – СПб. : Имп. акад. наук, 1781. – 425 с.
15. Жукович, П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1914. – № 2. – С. 265–315 ; № 3. – С. 88–120 ; № 4. – С. 314–315 ; № 5. – С. 130–178.
16. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 23. – № 16930. – С. 201–203.
17. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 44, ч. 2. – С. 393–398.
18. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 24. – № 17745. – С. 297–298.
19. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 24. – № 18154. – С. 742.
20. Хапылев, С. Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законоучителей, расположенное трудами Сергея Хапылева : в 6 ч. / С. Хапылев. – СПб. : Сенат. тип., 1817. – Ч. 1. – 299 с.
21. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 26. – № 19961. – С. 735–736.
22. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 27. – № 2008. – С. 454–457.
23. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 33. – № 25846. – С. 123–124.
24. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 38. – № 28927. – С. 69–70.
25. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 33. – № 26329. – С. 911.
26. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 27. – № 20288. – С. 159.
27. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 30. – № 23534. – С. 873–875.
28. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 38. – № 29346. – С. 813.
29. ПСЗРИ. Собрание 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 37. – № 28758. – С. 854–856.
30. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1830. – Т. 2. – № 1015. – С. 340–341.
31. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1831. – Т. 5. – № 4214. – С. 546–547.
32. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1832. – Т. 6, отд-ние 2. – № 4989. – С. 247–274.
33. Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. – СПб. : Гос. тип., 1867–1916. – Т. 74. – 1907. – 506 с.
34. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1835. – Т. 9. – № 7224. – С. 656–665.
35. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1836. – Т. 10. – № 8594. – С. 1114–1115.
36. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1836. – Т. 10. – С. 331–356.
37. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1833. – Т. 7. – № 5068. – С. 8.
38. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1833. – Т. 7. – № 5124. – С. 52–53.
39. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1834. – Т. 8, отд-ние 1. – № 6599. – С. 712.
40. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1834. – Т. 8, отд-ние 1. – № 6287. – С. 378–379.
41. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1834. – Т. 8, отд-ние 2. – С. 139–140.
42. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1839. – Т. 13. – № 11042. – С. 170–171.
43. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1840. – Т. 14. – № 12003. – С. 133.
44. ПСЗРИ. Собрание 2 : в 55 т. – СПб., 1860. – Т. 33. – № 33639. – С. 282.

References

1. Evreinov V. A. *Civil chinoproductio in Russia*. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1887. 87 p. (in Russian).
2. Shepelev L. E. *Ranks, titles and titles abolished by history in the Russian Empire*. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 153 p. (in Russian).
3. Zhytko A. P. *The double standards of Belarus during the period of capitalism, 1861–1914*. Minsk, Belarusian State Pedagogical University, 2003. 233 p. (in Belarusian).
4. Kiselev A. A. *The system of administration and officialdom of the Belarusian provinces at the end of the XVIII – first half of the XIX century*. Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2007. 171 p. (in Russian).
5. Pintner W. M., Rowney D. K. (eds.). *Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1980. 396 p.
6. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. St. Petersburg, 1830–1851, vol. 16–40 (in Russian).

7. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2.* St. Petersburg, 1830–1885, vol. 1–37 (in Russian).
8. Hapylev S. *A systematic collection of Russian laws with the addition of rules and examples from the best law teachers, arranged by the works of Sergei Khapylev.* St. Petersburg, Senate Printing House, 1817–1819. 6 parts (in Russian).
9. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 19.* St. Petersburg, 1830, no. 13850, pp. 755–758 (in Russian).
10. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 44.* St. Petersburg, 1830, pp. 150–151 (in Russian).
11. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 20.* St. Petersburg, 1830, no. 14392, pp. 229–304 (in Russian).
12. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 44, pt. 2.* St. Petersburg, 1830, pp. 254–257 (in Russian).
13. *A month with a painting of officials in the state for the summer of the Nativity of Christ 1779.* St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1779. 444 p. (in Russian).
14. *A month with a painting of officials in the state for the summer of the Nativity of Christ 1781.* St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1781. 425 p. (in Russian).
15. Zhukovich P. N. Administration and trial in Western Russia during the reign of Catherine II. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1914, no. 2, pp. 265–315; no. 3, pp. 88–120; no. 4, pp. 314–315; no. 5, pp. 130–178 (in Russian).
16. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 23.* St. Petersburg 1830, no. 16930, pp. 201–203 (in Russian).
17. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 44, pt. 2.* St. Petersburg, 1830, pp. 393–398 (in Russian).
18. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 24.* St. Petersburg, 1830, no. 17745, pp. 297–298 (in Russian).
19. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 24.* St. Petersburg, 1830, no. 18154, p. 742 (in Russian).
20. Hapylev S. *A systematic collection of Russian laws with the addition of rules and examples from the best law teachers, arranged by the works of Sergei Khapylev. Part 1.* St. Petersburg, Senate Printing House, 1817. 299 p. (in Russian).
21. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 26.* St. Petersburg, 1830, no. 19961, pp. 735–736 (in Russian).
22. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 27.* St. Petersburg, 1830, no. 20608, pp. 454–457 (in Russian).
23. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 33.* St. Petersburg, 1830, no. 25846, pp. 123–124 (in Russian).
24. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 38.* St. Petersburg, 1830, no. 28927, pp. 69–70 (in Russian).
25. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 33.* St. Petersburg, 1830, no. 26329, pp. 911 (in Russian).
26. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 27.* St. Petersburg, 1830, no. 20288, pp. 159 (in Russian).
27. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 30.* St. Petersburg 1830, no. 23534, pp. 873–875 (in Russian).
28. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 38.* St. Petersburg, 1830, no. 29346, p. 813 (in Russian).
29. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1. Vol. 37.* St. Petersburg, 1830, no. 28758, pp. 854–856 (in Russian).
30. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 2.* St. Petersburg, 1830, no. 1015, pp. 340–341 (in Russian).
31. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 5.* St. Petersburg, 1831, no. 4214, pp. 546–547 (in Russian).
32. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 6, pt. 2.* St. Petersburg, 1832, no. 4989, pp. 247–274 (in Russian).
33. *Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 74.* St. Petersburg, Senate Printing House, 1907. 506 p. (in Russian).
34. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 9.* St. Petersburg, 1835, no. 7224, pp. 656–665 (in Russian).
35. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 10.* St. Petersburg, 1836, no. 8594, pp. 1114–1115 (in Russian).
36. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 10.* St. Petersburg, 1836, pp. 331–356 (in Russian).
37. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 7.* St. Petersburg, 1833, no. 5068, p. 8 (in Russian).

38. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 7.* St. Petersburg, 1833, no. 5124, pp. 52–53 (in Russian).

39. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 8.* St. Petersburg, 1834, no. 6599, p. 712 (in Russian).

40. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 8, pt. 1.* St. Petersburg, 1834, no. 6287, pp. 378–379 (in Russian).

41. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 8, pt. 2.* St. Petersburg, 1834, pp. 139–140 (in Russian).

42. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 13.* St. Petersburg, 1839, no. 11042, pp. 170–171 (in Russian).

43. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 14.* St. Petersburg, 1840, no. 12003, pp. 133 (in Russian).

44. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 2. Vol. 33.* St. Petersburg, 1860, no. 33639, p. 282 (in Russian).

Информация об авторе

Ковшик Юрий Леонидович – аспирант. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: u.kovshik@gmail.com

Information about the author

Yuriy L. Kovshik – Postgraduate student. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: u.kovshik@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 355/48-055/2(=161/3-82)(476-87)«1950/1991»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-189-197>

Поступила в редакцию 09.11.2021

Received 09.11.2021

А. В. Кузнецова-Тимонова

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЖЕНЩИНЫ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1950–1991 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ БЕЛАРУСИ)

Аннотация. Статья посвящена участию женщин в локальных войнах и военных конфликтах эпохи «холодной войны» в составе советских военных миссий и воинских частей в странах Азии и Африки. Приведен обзор историографии и источников по теме, обозначены неизученные аспекты проблемы и векторы ее дальнейшего исследования. Рассмотрены варианты попадания женщин (военнослужащих и гражданских) в страны с неблагоприятной военной обстановкой. На примере участниц войны в Афганистане – гражданок и уроженок Беларуси – выделены основные категории профессий, востребованных в «горячих точках» в 1970–1980-х гг. Автор приводит количество уроженок Беларуси, погибших в ходе военных конфликтов. Место рождения и место захоронения одной из них уточнены впервые.

Ключевые слова: локальные войны и военные конфликты, «холодная война», женщины-военнослужащие, переводчики, военные советники, погибшие в локальных войнах 1950–1991 гг., советское военное присутствие в странах Азии и Африки

Для цитирования: Кузнецова-Тимонова, А. В. Женщины в локальных войнах и военных конфликтах 1950–1991 гг. (на примере представительниц Беларуси) / А. В. Кузнецова-Тимонова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 189–197 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-189-197>

Alexandra V. Kuznetsova-Timonova

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

WOMEN IN LOCAL WARS AND MILITARY CONFLICTS IN 1950–1991 (THE EXAMPLE OF THE REPRESENTATIVES OF BELARUS)

Abstract. The author analyses main circumstances of the participation of women in local wars and military conflicts of the Cold War era, their way to the Soviet military missions and military units in Asia and Africa. We can see the detailed overview of historiography and sources on the topic. The article is supplemented by new unexplored aspects of the problem and vectors of its further research. The author indicates the primary options for Soviet women, ever military personnel and civilians, entering countries with an unfavorable military situation based on the example of the participants in the war in Afghanistan (women who were born in Belarus or lives here now), and highlights the main categories of professions that were in demand in the “hot spots” of the 1970s–1980s. Also the author specifies how many natives of Belarus died during military conflicts; the place of birth and burial of one of them was specified for the first time in historiography.

Keywords: local wars and conflicts, “cold war”, military women, interpreters, military advisers, persons killed in local wars in 1950–1991, Soviet military presence in Asia and Africa

For citation: Kuznetsova-Timonova A. V. Women in local wars and military conflicts in 1950–1991 (the example of the representatives of Belarus). *Vesti Natsyyanal' nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 189–197 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-189-197>

Введение. В течение 1950–1991 гг. представители СССР принимали участие в пятнадцати войнах и военных конфликтах в различных точках планеты. В основном это были страны Азии и Африки – бывшие колонии, избравшие в своем будущем самостоятельном развитии курс на построение социализма. Самые известные примеры долговременного советского военного присутствия в «братских странах» – это Афганистан (1979–1989 гг.), Ангола (1975–1992 гг.), Мозамбик (1976–1992 гг.), Египет (с перерывами, 1962–1975 гг.), Корея (1950–1953 гг.), Сирия (1967–1973 гг.) и Эфиопия (1977–1990 гг.). Кроме того, СССР оказывал активную экономическую помощь бывшим колониям, что предполагало присутствие в этих странах советских специалистов (часто с семьями), а военные конфликты, пусть и краткосрочные, могли начаться внезапно и подвергнуть людей опасности.

При исследовании участия женщин в локальных войнах и вооруженных конфликтах, фактически сменивших мировое военное противостояние, мы сталкиваемся с тотальной скудностью источников. В фундаментальных изданиях по истории участия граждан СССР в локальных войнах XX в. тема присутствия семей военнослужащих (а тем более женщин), в составе советских военных миссий в странах, где велись боевые действия, упоминается как факт – без конкретики и анализа. Таким образом, основными источниками остаются материалы личного характера: воспоминания, опубликованные письма, краткие биографические справки, упоминания в воспоминаниях сослуживцев-мужчин, перечни погибших, в которых упомянуты и женские имена. Эти перечни в процессе поиска дополняются и расширяются.

Анализ последних исследований и публикаций. На сегодняшний день единственным системным исследованием советского «женского лица» локальной войны (на примере участия женщин в войне в Афганистане) является труд участницы этой войны А. Н. Смолиной. На протяжении многих лет она писала статьи, вела обширную переписку (и полемику) с ветеранскими организациями, отстаивала права гражданских лиц, служивших в Афганистане, а также активно собирала воспоминания, письма и прочие свидетельства личного характера. Результатом стал массивный электронный архив, максимально полное исследование участия женщин в войне в Афганистане [1]. Важное место в нем занимает отдельная аналитическая работа [2], где систематизирована информация о возрастном и национальном составе участниц войны, роде их занятий, особенностях службы. По каждой из погибших женщин дана биографическая справка, сведения о наградах и месте захоронения, опубликованы письма (если таковые нашлись), даны ссылки на другие интернет-ресурсы. Здесь же размещены фотогалерея и собрание воспоминаний участниц войны.

Воспоминания женщин, которым довелось находиться в Анголе в период боевых действий, опубликованы в книге С. А. Коломнаина «Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975–1992». В четвертой главе «Воспоминания об Анголе» упоминаются рассказы жены военного специалиста Т. И. Худоерко [3, с. 154–163] и переводчика партии картографов и геодезистов Т. А. Давыдовой (1979–1981 гг.) [3, с. 94–98]. Воспоминания Т. И. Худоерко особенно ценны, поскольку благодаря им уточнены обстоятельства гибели жены военного специалиста Н. В. Пестрецова – Я. М. Пестрецово (Кореневской), уроженки Ошмянского района. В книге «Воины-интернационалисты в гражданской войне в Анголе. 1975–1992» опубликовано совместное интервью минчан Александра Степановича и Валентины Яковлевны Шлык, находившихся в Анголе в 1979–1982 гг. вместе с сыном-дошкольником [4, с. 151]. Воспоминания участницы войны в Афганистане Т. Простосовицкой-Черкашевой (уроженки Мозыря, награжденной медалью «За трудовое отличие») о службе в Кабуле в качестве машинистки по секретной переписке при штабе командующего 40-й армией в 1988 г. опубликованы в книге Н. Н. Коноплич [5, с. 145–153].

«Женские лица» советского участия в войнах в Анголе и Эфиопии представлены в отдельном разделе – «Глазами женщины» – официального сайта общественной организации «Союз ветеранов Анголы». Кроме уже упомянутых воспоминаний Т. И. Худоерко (на сайте они представлены в том же виде, что и в книге) доступны: 1) рассказ бывшей жены военного переводчика Н. Гурьевой (находилась в марте 1983–1985 гг. вместе с мужем и сыном-школьником) в Лубанго и Луанде [6]; 2) очерки журналистки К. Мукосеевой [7]; 3) воспоминания бывшей жены военного переводчика З. Егоровой (псевдоним Ex-wife) о совместном пребывании вместе с дочерью-дошкольницей в Аддис-Абебе, повседневной жизни и быте советского советнического аппарата в Эфиопии [8]; 4) краткая записка жены военного советника М. Мишариной о пребывании в Луанде в 1981 г. [9]. Отдельно отметим серию очерков Т. А. Давыдовой об особенностях работы женщины-переводчика в Анголе и Мозамбике [10].

Основные результаты исследования. Каким же образом наши соотечественницы могли оказаться на войне, происходившей в другой стране и на другом континенте? Ответ очевиден: жены ехали вместе мужьями, которых направляли в эти страны в качестве военных советников, специалистов, переводчиков, дипломатов, гражданских специалистов (строителей, преподавателей, врачей). Это самая сложная для исследования категория: на данный момент мы не можем назвать их точное количество, поскольку отсутствует единый реестр.

В отдельных случаях брали с собой и детей – такие примеры зафиксированы в Афганистане и Анголе. В исследовании А. Н. Смолиной есть отдельная глава «Советские дети на войне», где отмечено, что дети могли находиться вместе с родителями не только в Кабуле (где функциониро-

вали и школа при посольстве СССР, и детский сад), но даже в самых стратегически сложных регионах, например, в Асадабаде, на границе с Пакистаном (провинция Кунар) [11].

В Анголе семьи советских специалистов с детьми находились не только в Луанде, где для них были организованы школа при посольстве СССР (в которой также могли учиться дети граждан других соцстран) и кружки по интересам в советской военной миссии. В детский балетный класс, например, одно время вместе с советскими детьми приходила заниматься Изабель душ Сантуш – старшая дочь президента Анголы [4, с. 130]. До лета 1981 г. семьи специалистов с детьми направлялись и на юг Анголы, в т. н. «боевые округа». Это имело трагические последствия: семьи советников 19-й бригады вооруженных сил Анголы в г. Шангонго и 11-й бригады в г. Онджива подверглись нападению вооруженных сил ЮАР в ходе их наступательной операции «Протеа» в августе 1981 г., среди них были погибшие. В 19-й бригаде также находились малолетние дети, которых родителям под огнем пришлось выводить из окружения; жертв среди них, к счастью, не было [12, с. 104]. После 1981 г. советских специалистов с семьями не направляли южнее г. Лубанго.

Женщины, владеющие соответствующими специальностями – переводчик, медицинский работник, преподаватель, делопроизводитель, секретарь, юрист, машинистка, парикмахер, повар, торговый работник (в воинских частях функционировали магазины, контингент обеспечивался продовольствием), могли самостоятельно направляться в страну, где происходили (или могли начаться) боевые действия. Кадровых военнослужащих среди них было очень мало, подавляющее большинство составляли вольнонаемные служащие Советской Армии.

Начиная с 1960 г. для работы в качестве переводчиков на территории бывших колоний («развивающихся стран Азии и Африки») активно направляли студентов и выпускников институтов иностранных языков, в том числе нынешнего Минского государственного лингвистического университета. Таким образом, выявлена 31 страна (подсчитано автором. – *А. К.-Т.*), для работы в которых студентам и преподавателям выдавались характеристики бюро первичной организации КПБ МГПИИЯ. По приблизительным подсчетам, для работы переводчиками в Египте в течение 1965–1974 гг. были рекомендованы 20 студенток (лаборанток, преподавательниц) [13, л. 68; 14, л. 3, 54], в Сирии в 1965 – 1972 гг. – 4 студентки [13, л. 52]. В обоих государствах в этот период происходили боевые действия. В качестве преподавателей русского, английского, французского языков женщины направлялись в 1973 г. – во Вьетнам [15, л. 94] и в 1965 г. – в Египет [13, л. 35]. А. Н. Смолина также упоминает переводчиц туркменского и таджикского происхождения, проходивших в Москве спецподготовку и работавших в Афганистане под прикрытием по сбору разведанных, напрямую контактируя с местным населением.

Для первичного анализа возрастного состава и профессиональной принадлежности уроженок и жительниц Беларуси, направлявшихся в страны, где советские военнослужащие принимали участие в боевых действиях, были проанализированы данные 79 женщин, в разные годы состоявших на учете в военкоматах Брестской, Витебской и Гомельской областей (табл. 1). Они были направлены в Афганистан в качестве военнослужащих или вольнонаемных служащих Министерства обороны через военкоматы и официально считаются ветеранами боевых действий согласно ст. 3 Закона «О ветеранах» Республики Беларусь [16].

Основанием для анализа послужили сведения, полученные из Брестского областного военкомата, а также опубликованные в специализированном разделе интернет-сайта Витебской областной библиотеки «Афганистан. Без права на забвение» [17] и в книге Н. Н. Коноплич [5, с. 241]. Средний возраст женщин (на основании анализа имеющихся данных) на момент начала командировки составлял 25,5 лет. Возраст самых младших женщин составлял 20 (И. В. Ераховец, рядовая, старший писарь, 1960 г. р.) и 21 год (Л. Е. Сидукова, 1962–2003 гг.; С. И. Минькова, медсестра инфекционного госпиталя, 1966 г. р.); самых старших – 40 (В. В. Васюк, статучетчик политотдела, 1945 г. р.) и 43 года (З. А. Медведева, старшая медсестра, 1939 г. р.) (подсчитано автором. – *А. К.-Т.*). По установленным на данный момент сведениям, на начальном этапе войны в Афганистан были командированы Н. И. Наваи (младший сержант, 1980 г.), И. В. Ераховец (рядовая, декабрь 1980 – июнь 1981 г.), В. И. Коваль (младший сержант, декабрь 1979 – июнь 1981 г.), Л. М. Серова (рядовая, декабрь 1980 – май 1981 г.), т. е. только военнослужащие. На период 1987 – начало 1989 г. (окончания советского присутствия в Афганистане и вывода войск) пришлось командировки И. А. Лютой (служащая, 1987–1988 гг.), Н. З. Швабович (прапорщик, начальник секретной части, август 1987 –

Таблица 1. Профессиональная принадлежность участниц войны в Афганистане
(на примере представительниц Беларуси)

Table 1. Professional affiliation of participants in the war in Afghanistan
(on the example of the representatives of Belarus)

Профессия / должность	Военнослужащие	Воинское звание	Гражданские
Без уточнения сведений	5	прапорщик; 1 – младший сержант	25
Начальник аптеки	1	старший лейтенант	–
Начальник склада	1	прапорщик	–
Фельдшер	1	прапорщик	–
Начальник секретной части	7	4 – прапорщик; 3 – старший прапорщик	–
Помощник начальника вещевого службы	1	прапорщик	–
Делопроизводитель	1	старший прапорщик	–
Начальник столовой	1	старший прапорщик	–
Лаборант	2	младший сержант	3
Старший писарь	2	рядовой	–
Работники столовой, повара, официанты	–	–	5
Медсестра	–	–	19
Инспектор по учету кадров	–	–	1
Статучетчик политотдела	–	–	1
Торговый работник (продавец, кладовщик)	–	–	2
Машинистка по секретной переписке	–	–	3
Заведующий секретным делопроизводством	–	–	1

Примечание. Таблица составлена на основе собственной разработки автора.

февраль 1989 г.), И. Ю. Виноградовой (прапорщик, помощник начальника вещевого службы, апрель 1988 – февраль 1989 г.), М. Н. Быковой (служащая, медсестра, ноябрь 1986 – февраль 1989 г.), Л. Г. Василенко (прапорщик, начальник секретной части, октябрь 1987 – январь 1989 г.), В. В. Васюк (служащая, статучетчик политотдела, сентябрь 1985 – январь 1989 г.), Е. М. Гасановой (старший лейтенант, начальник аптеки, сентябрь 1986 – январь 1989 г.), М. К. Киянко (служащая, машинистка по секретной переписке, апрель 1986 – февраль 1989 г.), Е. В. Ковалевой (служащая, медсестра, февраль 1987 – январь 1989 г.), В. Н. Лишик (старший прапорщик, делопроизводитель, октябрь 1987 – декабрь 1988 г.), Т. В. Матвиенко (прапорщик, начальник секретной части, январь 1987 – январь 1989 г.), Ю. И. Мищенко (служащая, повар, октябрь 1986 – январь 1989 г.), А. И. Помазовой (старший прапорщик, начальник секретной части, январь 1987 – февраль 1989 г.), Т. В. Тарасовой (служащая, операционная медсестра, октябрь 1985 – февраль 1989 г.), Т. Н. Черкашевой (служащая, машинистка по секретной переписке, февраль – декабрь 1988 г.) (подсчитано автором. – А. К.-Т.). Из выявленных 79 женщин шестеро (пятеро военнослужащих и один вольнонаемный) награждены медалью «За боевые заслуги», трое (все гражданские служащие) – медалью «За трудовое отличие» (подсчитано автором. – А. К.-Т.).

Сроки командировок, согласно имеющимся данным, составляли от нескольких месяцев до 3,5 лет. Минимальные по срокам командировки составляли 2 месяца (Т. В. Янчиленко, декабрь 1986 – январь 1987 г.), 6 месяцев (Л. М. Серова, декабрь 1980 – май 1981 г.), 7 месяцев (И. В. Ераховец, декабрь 1980 – июнь 1981 г.; Г. Г. Никитина, февраль – август 1984 г.), 8 месяцев (Н. И. Грешнева, март – декабрь 1988 г.), 10 месяцев (Т. Н. Черкашева, В. И. Лукьяненко, февраль – декабрь 1988 г.), максимальные – 3 года (Г. В. Фурса, декабрь 1983 – декабрь 1986 г.; В. Н. Грудько, 1985–1988 гг.; Г. И. Веремеева, март 1984 – февраль 1987 г.; В. А. Павлова, май 1984 – июнь 1987 г.; Ж. Н. Черниенко, сентябрь 1985 – ноябрь 1988 г.) и 3,5 года (В. В. Васюк, сентябрь 1985 – январь 1989 г.; Т. В. Тарасова, октябрь 1985 – февраль 1989 г.; А. С. Петкевич, апрель 1982 – июнь 1985 г.). Такие результаты подтверждают утверждение А. Н. Смолиной, что порой пребывание в Афганистане гражданских специалистов, и женщин в частности, растягивалось на более долгие сроки, чем стандартные 2-годовые командировки военнослужащих.

Регулярно имели место случаи, когда приехавшие в первую очередь в качестве членов семьи женщины устраивались на работу по специальности как вольнонаемные. Так, жена начальника

группы военных инженеров в Египте полковника Ю. В. Перфилова преподавала в Каире русский язык в университете до срочного бегства накануне войны Судного дня в октябре 1973 г. [18, с. 89]. Жена борт-переводчика самолета главного военного советника в Анголе А. С. Шлыка в течение полугода работала в Луанде в представительстве Аэрофлота до весны 1980 г. [4, с. 151]. Упомянутая А. Н. Смолина служила в Афганистане в 1985–1988 гг. на офицерской должности начальника канцелярии Джелалабадского гарнизона, в котором проходил службу ее муж – кадровый офицер [19]. Жена военного советника полковника А. Г. Бисярина Валентина Андреевна служила в Афганистане вместе с ним – медработником [20, с. 47].

Среди рекомендованных в качестве членов семей переводчиков (на примере выпускников МГПИИЯ) было немало выпускниц этого же вуза. Две студентки 5-го курса факультета английского языка [21, л. 40] 5 мая 1968 г. впервые получили предложения «в качестве члена семьи» следовать за мужьями, рекомендованными для службы в армии в должности переводчиков. Позднее такие рекомендации выдавались в 1981 [22, л. 116–117], 1986 [23, л. 122] и 1987 гг. (упомянута конкретная страна – Мозамбик) [24, л. 162].

Согласно исследованию А. Н. Смолиной, абсолютное большинство вольнонаемных прибыли в Афганистан из РСФСР, Украины, Беларуси и Молдавии. При этом нет ни одной женщины, направленной из Прибалтийских республик, Грузии, Армении, Азербайджана. Автор связывает это с тем, что изначально женщины стремились не в воюющий Афганистан, а в «европейские» группировки советских войск (Венгрия, Чехословакия, Польша, Германия), разрядки откуда на гражданских специалистов из Прибалтики и Кавказа практически не поступали [2]. Среди погибших в Афганистане женщин – служащих Министерства обороны также упомянуты только представительницы четырех названных республик СССР: РСФСР – 36, Украина – 12, Беларусь – 5, Молдавия – 1 [25].

Мотивации для поездки в Афганистан (для гражданских она могла быть только добровольной) были самыми разнообразными. Финансовая составляющая являлась значимой (многие стремились заработать на отдельную квартиру, особенно матери-одиночки [5, с. 149]), однако не главной: далеко не все знали о тонкостях работы за границей и принципах ее оплаты. Согласно подборке, составленной А. Н. Смолиной из писем женщин-«афганок», основная мотивация была романтической: посмотреть мир, побывать за рубежом (многие подавали заявки в западные группы войск, но предлагали только Афганистан), выйти из-под опеки родителей, устроить личную жизнь («встретить жениха-героя»). Кто-то бежал от личных проблем (развода, смерти близких) без возможности быстро вернуться. Медработники изъявляли желание поехать в Афганистан именно с целью помогать военнослужащим, «тем, кто действительно в этом нуждается», применить в полевых условиях полученные знания, особенно если они уже служили в военных госпиталях на территории СССР. Как вспоминала Е. Кузьменко (служила в ЦСВГ в Кабуле в апреле 1982 – мае 1984 г., до этого – медсестра железнодорожной больницы Минска), мотивом для решения согласиться на поездку в Афганистан стало знакомство с вернувшимся оттуда раненым офицером, рассказавшем о нехватке квалифицированного медперсонала (записано 06.02.2010 г.) [26]. А мать умершей в Афганистане от заболевания медсестры Светланы Бабук писала журналистам: «Я сама – удзельніца Вялікай Айчыннай вайны... Я і падказала дачцэ выбраць прафесію медыка, каб дапамагаць людзям... Адночы на Чыжоўскіх могілках нейкая жанчына запыталася ў мяне, як гэта я сваю адзіную дачку не спыніла тады. А я ёй адказала: “Мабыць, у вас сыноў няма”» [27, с. 35].

Коммунистки и комсомолки считали для себя необходимым откликнуться на призыв (или не считали возможным отказаться от предложения поехать вместо Европы в Афганистан). Сестра погибшей в Афганистане в сентябре 1982 г. в Кандагаре Натальи Бабич вспоминала: «Будучи в отпуске в июле 1982 г., Наташа рассказывала нам о трудностях в работе в Афганистане, но на предложение матери не возвращаться туда категорически отказалась. Она не представляла, как это можно не выйти на работу без уважительной причины. Мы не могли ей запретить, каждый взрослый человек решает все сам» [27, с. 32].

На сегодняшний день установлено шесть имен уроженок Беларуси, погибших в локальных войнах и военных конфликтах за пределами СССР в 1950–1991 гг. (табл. 2). Пятеро из них упомянуты в «Республиканской книге памяти воинов-интернационалистов». Принадлежность шестой, погибшей в Анголе Я. М. Пестрецовой, к Беларуси была установлена только в 2020 г.

Таблица 2. Уроженки Беларуси, погибшие в ходе локальных войн и военных конфликтов в 1950–1991 гг.
 Table 2. Natives of Belarus who died during the local wars and military conflicts in 1950–1991

Фамилия, имя, отчество	Дата и место рождения	Воинское звание	Должность в период нахождения за рубежом	Дата и место гибели	Место захоронения	Награды
Пестрецова (Корневская) Ядвига Михайловна [28, с. 597]	1938 (1936), д. Лейлукба Ошмянского района	–	член семьи военного специалиста	27.08.1981, г. Онджива, Ангола	д. Жупраны Ошмянского района	сведений нет
Гвай Нина Иосифовна [29, с. 137]	1946, г. п. Шерешово Пружанского района	–	продавец магазина военторга; неоднократно попадала под обстрелы	19.10.1981, во время движения автоколонны по дороге Кабул – Баграм в 25 км от Кабула, Афганистан	пос. Рассвет Биринского района Красноярского края (Россия)	медаль «За боевые заслуги» (посмертно)
Бабич Наталья Владимировна [29, с. 44]	1955, п. г. Ореховск Оршанского района	–	служащая банно-прачечного пункта 1145 при 70-й гвардейской мотострелковой бригаде (г. Кандагар)	04.09.1982, при исполнении служебных обязанностей (поражение электрическим током), г. Кандагар, Афганистан	г. Бобруйск	сведений нет
Лактеева Валентина Леонидовна [29, с. 371]	1955, д. Село Лиозненского района	–	машинистка 59-й бригады материального обеспечения (г. Пули-Хумри)	20.03.1985, при обстреле пункта постоянной дислокации бригады (г. Кабул), Афганистан	г. Лиозно	медаль «За трудовую доблесть» (посмертно)
Бабук Светлана Михайловна [29, с. 47]	1959, г. Минск	–	операционная медсестра перевязочного взвода воинской части п/л 93977	31.10.1985, умерла вследствие тяжелого заболевания в г. Кабул, Афганистан	г. Минск, Чижовское кладбище	медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» (посмертно)
Стрельчочок Галина Геннадьевна [29, с. 606]	1962, г. п. Бегомль Докшицкого района	прапорщик	фельдшер батальона п/л 51931	29.12.1986, погибла в бою, оказывая помощь раненым, Афганистан	д. Холмовка Борисовского района	орден Красной Звезды (посмертно), медаль «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа»

А. Н. Смолина предполагает, почему местом гибели В. Л. Лахтеевой указан именно Кабул, а не Пули-Хумри: Лахтеева могла воспользоваться оказией для выезда в столицу Афганистана с кем-либо из сослуживцев [25].

Имя погибшей 27 августа 1981 г. в Анголе Я. М. Пестрецово не значится в «Республиканской книге памяти воинов-интернационалистов», однако упомянуто в книге «Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ашмянскага раёна» в перечне уроженцев района, погибших в военных конфликтах на территории других государств, вместе с тремя погибшими в Афганистане. В процессе поиска установлено, что она погибла в одном бою с подполковником Иосифом Важником – советником начальника политотдела 11-й пехотной бригады вооруженных сил Анголы (уроженцем г. Быхова) [29, с. 11], советником начальника артиллерии той же бригады подполковником Е. Киреевым и его женой Лидией [30]. Обстоятельства их гибели подробно описаны в дневнике упомянутой выше Т. И. Худоерко. Я. М. Пестрецова (друзья называли ее Галей) прибыла в г. Онджива (Нжива) 5-го военного округа Анголы в июне 1981 г. вместе с мужем – прапорщиком Н. Ф. Пестрецовым, военным специалистом при командире ремонтного подразделения 11-й пехотной бригады. 26 августа 1981 г. южные провинции Анголы подверглись нападению сил специальных операций армии Южно-Африканской Республики – основного союзника оппозиционного ангольскому правительству вооруженной группировки УНИТА (Национальный Союз за полное освобождение Анголы (União Nacional para a Independência Total de Angola – порт.) (примечание автора. – А. К.-Т.). Муж погибшей Я. М. Пестрецово был взят в плен южноафриканцами: это единственный задокументированный случай пленения советского военнослужащего регулярными частями войск ЮАР. Два года он провел в различных южноафриканских тюрьмах. Поскольку официальные дипломатические отношения между ЮАР и СССР отсутствовали с 1956 г., понадобилось приложить немало усилий по обеспечению его освобождения, в том числе при посредничестве спецслужб и Международного Красного Креста [31, с. 39]. Тела погибших были также захвачены южноафриканскими военными и находились в морге Йоханнесбурга: их обменяли на тела погибших в небе Анголы летчиков ВВС ЮАР. После освобождения Н. Ф. Пестрецов доставил тела погибшей жены и остальных в СССР. Подполковник И. И. Важник похоронен на Чижовском кладбище в Минске, Я. М. Пестрецова – в д. Жупраны Ошмянского района. Таким образом, мартиролог погибших в локальных военных конфликтах второй половины XX в. уроженцев Беларуси должен быть дополнен еще одним женским именем.

Гибель женщин в боевом южном округе Анголы повлияла на общую практику приезда жен к военным советникам и специалистам в эту страну: отныне их можно было «выписывать» лишь в столицу и крупные города. Упомянутая выше жена военного переводчика Н. Гурьева, приехавшая с мужем в Лубанго в 1983 г., вспоминала: «Я приехала тогда, когда свежа еще была память о наших специалистах с женами и детьми, вышедшими из зоны агрессии районов наших южных округов. О прапорщике Пестрецове, потерявшем жену и попавшем в плен. Об этом ужасе рассказывали мне женщины, которые принимали наших людей, грязных, голодных, оборванных, потрясенных пережитым. Наши женщины собирали для них одежду, еду, лекарства. Потом передавались эти рассказы вновь прибывшим специалистам, чтобы не расслаблялись и помнили об опасности постоянно. После этих событий жен военных специалистов больше в маленькие поселения не отправляли» [6].

Выводы. Участие женщин в локальных войнах и военных конфликтах не изучено совсем. На данный момент мы можем подсчитать лишь участниц войны в Афганистане, направленных туда добровольно через военкоматы в качестве членов семей или на самостоятельно работу – как гражданских специалистов, так и военнослужащих. Что касается присутствия женщин на территории других государств, где велись боевые действия с официальным или неофициальным участием советских военнослужащих, то сведения о них пока не поддаются единой систематизации, что осложняет учет потерь и реальных ветеранов локальных войн и военных конфликтов. Примером может служить отсутствие в официальных мартирологах имени Я. М. Пестрецово. Большинство из них составляли гражданские специалисты – медработники, делопроизводители, работники торговли, машинистки. Среди женщин-военнослужащих большинство составляли прапорщики и старшие прапорщики, реже – сержанты и рядовые, примеры женщин-офицеров – единичны.

Список использованных источников

1. Смолина, А. Н. Из крохотных мгновений соткан век ... [Электронный ресурс] / А. Н. Смолина. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/smolina_a_n/. – Дата доступа: 16.08.2021.
2. Смолина, А. Н. Афганистан. Гимн советским «афганушкам» или ответ «чекистки» (часть 1-я с Предысторией) [Электронный ресурс] / А. Н. Смолина. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/smolina_a_n/00a.shtml. – Дата доступа: 18.08.2021.
3. Коломнин, С. А. Мы свой долг выполнили! Ангола: 1975–1992 / С. А. Коломнин. – М. : Студия «Этника», 2018. – 296 с.
4. Кузнецова-Тимонова, А. В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе: 1975–1992 / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 354 с.
5. Коноплич, Н. Н. Испытание мужеством: очерки, публицистика : в 3 ч. / Н. Н. Коноплич. – Мозырь : Колор, 2009. – Ч. 1. – 236 с.
6. Гурьева, Н. Первый год [Электронный ресурс] / Н. Гурьева // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/nelli_gur/year1. – Дата доступа: 09.09.2021.
7. Мукосеева, К. Специалисты [Электронный ресурс] / К. Мукосеева // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/mukoseeva. – Дата доступа: 09.09.2021.
8. Ex-wife. Воспоминания бывшей жены военного переводчика в Анголе и Эфиопии [Электронный ресурс] // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/exwife. – Дата доступа: 01.09.2021.
9. Мишарина, М. Воспоминания об Анголе и о тех, кто там был [Электронный ресурс] / М. Мишарина // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/misharina. – Дата доступа: 01.09.2021.
10. Давыдова, Т. А. Пути-дороги Анголы [Электронный ресурс] / Т. А. Давыдова // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/davydova. – Дата доступа: 01.09.2021.
11. Смолина, А. Н. Фотоальбом. Советские дети на войне [Электронный ресурс] / А. Н. Смолина. – Режим доступа: http://samlib.ru/editors/s/smolina_a_n/ww55.shtml. – Дата доступа: 01.09.2021.
12. Чернецов, Е. П. Самые памятные дни / Е. П. Чернецов. – М. : Изд. И. Б. Белый, 2013. – 144 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 40.
14. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 54.
15. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 56.
16. О ветеранах : Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1594-ХП [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19201594>. – Дата доступа: 10.09.2021.
17. Воины-интернационалисты Витебской области [Электронный ресурс] // Афганистан. Без права на забвение : [база данных]. – Режим доступа: <http://afgan.vlib.by/index.php/voiny-internatsionalisty-vitebskoj-oblasti>. – Дата доступа: 08.09.2021.
18. Окорочков, А. В. Секретные войны СССР: самая полная энциклопедия / А. В. Окорочков. – М. : Яуза : Эксмо, 2014. – 732 с.
19. Ефимова, П. Военно-полевой обман. Как забыли женщин, спасавших бойцов в Афганистане [Электронный ресурс] / П. Ефимова // Север. Реалии. – Режим доступа: <https://www.severreal.org/a/30432496.html>. – Дата доступа: 10.09.2021.
20. Ручанов, С. От Кунара до Баглана / С. Ручанов // Армия. – 2016. – № 4. – С. 44–47.
21. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 46.
22. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2 Д. 76.
23. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 103.
24. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 107.
25. Смолина, А. Н. Афганистан. Список погибших «афганок» Министерства Обороны [Электронный ресурс] / А. Н. Смолина. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/smolina_a_n/00003.shtml. – Дата доступа: 09.09.2021.
26. Смолина, А. Н. Чекистки? Почему мы поехали в Афган? [Электронный ресурс] / А. Н. Смолина. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=159470&p=1>. – Дата доступа: 10.09.2021.
27. Памяць. Афганістан / рэд.: А. Л. Петрашкевіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1991. – 495 с.
28. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Ашмянскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 688 с.
29. Республиканская книга памяти воинов-интернационалистов / М-во обороны Респ. Беларусь ; редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 1999. – 776 с.
30. Книга Памяти. Советские военные советники и гражданские специалисты, погибшие в Анголе [Электронный ресурс] // Союз ветеранов Анголы. – Режим доступа: <https://www.veteranangola.ru/main/bookmem/dekabr79>. – Дата доступа: 09.09.2021.
31. Коломнин, С. А. Особенности исполнения интернационального долга / С. А. Коломнин // Солдат удачи. – 2008. – № 2. – С. 38–43.

References

1. Smolina A. *The Epoch woven from tiny moments...* Available at: http://samlib.ru/s/smolina_a_n/ (accessed 16.08.2021) (in Russian).
2. Smolina A. *Afghanistan. Hymn to the Soviet "Afghan women" or the answer of the "Chekist" (part 1 with Background)*. Available at: http://samlib.ru/s/smolina_a_n/00a.shtml (accessed 16.08.2021) (in Russian).

3. Kolomnin S. A. *We have fulfilled our duty! Angola: 1975–1992*. Moscow, Studiya «Etnika» Publ., 2018. 296 p. (in Russian).
4. Kuznetsova-Timonova A. V. *Warriors-internationalists from Belarus in the civil war in Angola: 1975–1992*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 354 p. (in Russian).
5. Konoplich N. N. *Test of courage: essays, journalism. Part 1*. Mozyr, Kolor Publ., 2009. 236 p. (in Russian).
6. Gur'eva N. The first year. *Union of Veterans of Angola*. Available at: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/nelli_gur/year1 (accessed 09.09.2021) (in Russian).
7. Mukoseeva K. The specialists. *Union of Veterans of Angola*. Available at: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/mukoseeva (accessed 09.09.2021) (in Russian).
8. Ex-wife. The Memories of the ex-wife of a military translator in Angola and Ethiopia. *Union of Veterans of Angola*. Available at: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/exwife (accessed 01.09.2021) (in Russian).
9. Misharina M. The Memories of Angola and those who were there. *Union of Veterans of Angola*. Available at: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/misharina (accessed 01.09.2021) (in Russian).
10. Davydova T. A. Roads-roads of Angola. *Union of Veterans of Angola*. Available at: http://www.veteranangola.ru/main/womens_eyes/davydova (accessed 01.09.2021) (in Russian).
11. Smolina A. N. *Photo album. The Soviet children at war*. Available at: http://samlib.ru/editors/s/molina_a_n/ww55.shtml (accessed 01.09.2021) (in Russian).
12. Chernetsov E. P. *The most memorable days*. Moscow, I. B. Belyi Publ., 2013. 144 p. (in Russian).
13. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 40.
14. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 54.
15. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 56.
16. About Veterans: Law of the Republic of Belarus, April 17, 1992, no. 1594-XII. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19201594> (accessed 10.09.2021) (in Russian).
17. Warriors-internationalists of the Vitebsk region. *Afghanistan. No right to be forgotten: database*. Available at: <http://afgan.vlib.by/index.php/voiny-internatsionalisty-vitebskoj-oblasti/168-voiny-internatsionalisty/1899-uchastniki-vojny-v-dra> (accessed 08.09.2021) (in Russian).
18. Okorokov A. V. *The secret wars of the USSR: the fullest encyclopedia*. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2014. 736 p. (in Russian).
19. Efimova P. Field military deception. How women who rescued fighters in Afghanistan were forgotten. *Sever. Real*. Available at: <https://www.severreal.org/a/30432496.html> (accessed 10.09.2021) (in Russian).
20. Ruchanov S. From Kunar to Baglan. *Armiya [Army]*, 2016, no. 4, pp. 44–47 (in Russian).
21. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 46.
22. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 76.
23. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 103.
24. *National Archive of the Republic of Belarus (NARB)*. F. 1154. Op. 2. D. 107.
25. Smolina A. N. *Afghanistan. The death toll of the "Afghan women" of the Ministry of Defense*. Available at: http://samlib.ru/s/molina_a_n/00003.shtml (accessed 09.09.2021) (in Russian).
26. Smolina A. N. "Check" girls? *Why did we go to Afghanistan*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=159470&p=1> (accessed 10.09.2021) (in Russian).
27. Petrashkevich A. L. (ed.) (et al.). *Remembrance. Afghanistan*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsyklopedyya Publ., 1991. 495 p. (in Belarusian).
28. *Remembrance. Historical documentary chronicle of the Ashmjanjy region*. Minsk, BELTA Publ., 2003. 688 p. (in Belarusian).
29. Pashkov G. P. (ed.) (et al.). *Republican book of memory of warriors-internationalists*. Minsk, Belorusskaya Sovetskaya Entsyklopedya Publ., 1999. 776 p. (in Russian).
30. Memory book. Soviet military advisers and civilian specialists killed in Angola. *Union of Veterans of Angola*. Available at: <https://www.veteranangola.ru/main/bookmem/dekabr79> (accessed 09.09.2021) (in Russian).
31. Kolomnin S. A. Features of the execution of international duty. *Soldat udachi = Soldier of Fortune*, 2008, no. 2, pp. 38–43 (in Russian).

Информация об авторе

Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: aldona.smith@yandex.by

Information about the author

Alexandra V. Kuznetsova-Timonova – Ph. D. (Hist), Senior Scientific Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: aldona.smith@yandex.by

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'374.822
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-198-205>

Паступіў у рэдакцыю 01.07.2021
Received 01.07.2021

А. В. Губкіна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

**ПРЫНЦЫПЫ ЛЕКСІКАГРАФІЧНАГА АПІСАННЯ ГАЛІНОВАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ
Ў ДВУХМОЎНЫМ СЛОЎНІКУ**

Анотацыя. Расматриваются различные аспекты и принципы составления переводных словарей специальной (отраслевой, терминологической) лексики. Обосновываются важность и целесообразность терминологической и терминографической деятельности в современной Республике Беларусь. Анализируются дискуссионные вопросы, связанные с различными подходами к составлению двуязычного словаря, лексической и грамматической принадлежностью терминов. Рассматривается семантизация терминологических единиц в переводном словаре, описываются возможные средства непосредственной (вербальной) семантизации путем подбора соответствующего эквивалента, а также иные (дополнительные) средства контекстуальной семантизации. Особое внимание уделено иллюстративному материалу как обязательному компоненту словарной статьи, описываются различные способы его представления.

Ключевые слова: лексикография, терминография, терминология, лексика, перевод, эквивалент, семантизация, иллюстративный материал

Для цитирования: Губкіна, А. В. Прынцыпы лексікаграфічнага апісання галіновай тэрміналогіі ў двухмоўным слоўніку / А. В. Губкіна // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 198–205
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-198-205>

Alena V. Gubkina

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

**PRINCIPLES OF COMPILING TRANSLATION DICTIONARIES
OF SPECIAL (BRANCH, TERMINOLOGICAL) VOCABULARY**

Abstract. Various aspects and principles for the preparation of translation dictionaries of special (sectoral, terminological) vocabulary are considered. The importance and feasibility of the terminological and terminographic activities in the modern Republic of Belarus are justified. The translation dictionary touches on semanticization issue of terminology single units, describes the possible ways of direct (verbal) semanticization through the selection of the corresponding (equivalent), as well as other (additional) means of contextual semanticization. Particular attention is paid to the illustrative material as a mandatory component of the dictionary article, describes the different ways of presenting it in the dictionary article.

Keywords: lexicography, terminography, terminology, vocabulary, translation, equivalent, semanticization, illustrative material

For citation: Gubkina A. V. Principles of compiling translation dictionaries of special (branch, terminological) vocabulary. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 198–205 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-198-205>

Уводзіны. Лексікаграфія як раздзел мовазнаўства бярэ пачатак у спробах тлумачэння, каментаравання асобных месцаў у старажытных тэкстах. Самыя раннія сляды лексікаграфічнай працы ў Беларусі адносяцца да пачатку XVI ст. Побач з пашырэннем традыцыі тлумачэння незразумелых слоў пры дапамозе глос (грэч. *glōssa* – устарэлае, малазразумелае слова) у канцы XVI ст. пачынаюць з'яўляцца першыя спробы ўкладання невялікіх слоўнікаў, так званых «прыточнікаў»,

або гласарыяў. Сам тэрмін «слоўнік» замяніў больш старажытныя тэрміны «лексіс», «лексікон», «азбукоўнік», «алфавіт».

У наш час лексікаграфія з'яўляецца надзвычай развітым раздзелам мовазнаўства, у межах якога разам з паглыбленнем тэарэтычнага падмурку непарыўна назапашваецца вопыт практычнай дзейнасці і, адпаведна, колькасць і разнастайнасць выдадзеных слоўнікаў. У сваім развіцці лексікаграфія ўзаемадзейнічае з рознымі сферамі чалавечай дзейнасці праз гуманітарныя, тэхнічныя, прыродазнаўчыя навукі і іх тэрмінасістэмы. Так, у сувязі з развіццём кожнай сферы чалавечай дзейнасці на пэўным этапе распрацоўкі любой галіновай тэрміналогіі ўзнікае патрэба сістэматызацыі і фіксацыі тэрмінаў канкрэтнай навукі. У выніку складваецца асобны раздзел мовазнаўства – тэрмінаграфія, якая займаецца тэорыяй і практыкай ўкладання спецыяльных (галіновых тэрміналагічных) слоўнікаў. Разам з тым лексікаграфія і тэрмінаграфія (якую ў пэўнай ступені можна лічыць прыватным выпадкам, адгалінаваннем лексікаграфіі) у адным са сваіх шматлікіх аспектаў сутыкаюцца і ўзаемадзейнічаюць з перакладазнаўствам, паколькі перакладны слоўнік – адзін з відаў лінгвістычных слоўнікаў. Хаця перакладазнаўства аформілася ў самастойны раздзел мовазнаўства толькі ў сярэдзіне XX стагоддзя, сам пераклад як дзейнасць (працэс) і яе вынік вельмі старажытныя, бо па сутнасці лексікаграфія ў пачатку свайго развіцця была практыкай перакладу, паколькі нярэдка глосы з'яўляліся перакладам (або тлумачэннем праз пераклад) слова з адной мовы (на якой створаны тэкст) на іншую (больш зразумелую чытачу). На думку В. П. Беркава, тэорыю двухмоўнай лексікаграфіі можна разглядаць як частку агульнай тэорыі перакладу [1, с. 13].

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца апісанне падыходаў і прынцыпаў падачы лексічных адзінак (найперш тэрміналагічных) у слоўніках, аналіз праблемных момантаў лексікаграфічнай (і тэрмінаграфічнай) дзейнасці.

Дасягненне акрэсленай мэты даследавання магчыма праз паступовае вырашэнне канкрэтных задач. Па-першае, пры разглядзе тэрмінаграфіі як пэўнага этапу развіцця лінгвістычнай думкі неабходна акрэсліць яе сувязь з іншымі дысцыплінамі, вызначыць навуковую тэарэтычную базу. Па-другое, важна вызначыць фактары, якія абумоўліваюць актуальнасць і мэтазгоднасць працы па ўкладанні галіновых слоўнікаў спецыяльнай лексікі ў нашай краіне. Па-трэцяе, варта ацаніць наяўныя падыходы пры складанні словаспісу слоўніка, звязаныя як з вызначэннем крыніц фактычнага і ілюстрацыйнага матэрыялу, так і з крытэрыямі адбору лексічных адзінак у слоўнік. Па-чацвёртае, мэтазгодна разгледзець аб'ектыўныя цяжкасці, звязаныя з аналізам семантычнай структуры слова, паколькі філіяцыя лексем у многім прадвызначае трапны падбор эквівалента (эквівалентаў).

Беларуская тэрмінаграфія ў кантэксце лінгвістычных даследаванняў. Нягледзячы на тое, што беларуская лексікаграфія мае даволі доўгую гісторыю, найбольш актыўна яна пачала развівацца ў 1920-я гг. у сувязі з надзённай патрэбай у перакладных слоўніках ва ўмовах распачатай беларусізацыі. У гэты ж перыяд фактычна «нарадзіліся» як раздзелы мовазнаўства беларуская тэрміналогія і беларуская тэрмінаграфія найперш праз практычную патрэбу распрацоўкі беларускай спецыяльнай лексікі і выданне матэрыялаў Навукова-тэрміналагічнай камісіі. Беларуская тэрміналогія і тэрмінаграфія на гэтым этапе свайго развіцця ішлі паралельна, у шчыльнай ўзаемасувязі. Практычная лексікаграфія як дзейнасць па ўкладанні і выданні слоўнікаў агульнаўжывальнай і тэрміналагічнай лексікі яшчэ не мела належнай тэарэтычнай базы і патрэбнага вопыту. Выданне слоўнікаў стала падмуркам і прадметам тэарэтычнага асэнсавання зробленага, аналізам дасягненняў і недахопаў практычнай лексікаграфіі. Лексікаграфічная дзейнасць на гэтым этапе спалучалася з нармалізацыяй тэрміналогіі, выданне слоўнікаў (у тым ліку і тэрміналагічных) паспрыяла фарміраванню беларускай тэрміналогіі. За апошняе стагоддзе, якое мінула з таго часу, многія тэарэтычныя і практычныя пытанні беларускай лексікаграфіі, тэрміналогіі і тэрмінаграфіі былі аб'ектам вывучэння і далейшай распрацоўкі. Складванне і функцыянаванне тэрміналогіі даследавалі Л. А. Антанюк, В. П. Красней, А. Я. Баханькоў, В. П. Лемцюгова, Б. А. Плотнікаў і іншыя навукоўцы. Пытанні і праблемы лексікаграфіі і тэрмінаграфіі асвятляліся ў працах Р. Н. Ключава, В. К. Шчэрбіна, К. П. Любецкай, В. Г. Наталевіч, В. М. Нікалаевай, Т. М. Трухан і іншых даследчыкаў, якія ўлічвалі вопыт вядомых вучоных – Л. У. Шчэрбы, У. В. Вінаградава, А. М. Бабкіна, В. П. Беркава, В. В. Маркоўкіна, Л. В. Капецкага, В. А. Татарынава, Г. П. Мельнікава, С. В. Грынёва-

Грыневіча і іншых. Даследаванні разнастайных праблем перакладу ў працах М. В. Абабуркі, А. С. Аксамітава, І. С. Аляксеевай, Л. С. Бархударова, А. В. Фёдарова, Ю. М. Марчука, А. В. Шыдлоўскага і многіх іншых, безумоўна, спрыялі павышэнню якасці падачы матэрыялу ў перакладных слоўніках.

Актуальнасць тэрмінаграфічнай працы. Разгляд розных тэарэтычных пытанняў лексікаграфіі і тэрмінаграфіі працягваецца і ў наш час, таксама актуальным застаецца выданне перакладных слоўнікаў тэрмінаў і спецыяльнай лексікі розных галін навукі, у прыватнасці, эканомікі, права – тых, якія маюць асаблівую значнасць у паўсядзённым жыцці сучаснага грамадства. Асноўным зместам перакладной (двухмоўнай) лексікаграфіі з’яўляецца апісанне адзінак адной мовы пры дапамозе іншай (іншых). Перакладная лексікаграфія вызначае эквівалентныя адносіны паміж элементамі розных моў. Выданне перакладных (у тым ліку і тэрміналагічных) слоўнікаў у наш час абумоўлена некалькімі фактарамі.

Па-першае, яно знаходзіцца ў рэчышчы вырашэння даўняй праблемы выкарыстання беларускай мовы як дзяржаўнай у розных сферах дзейнасці, паколькі, згодна з артыкулам 4 Закона «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», «кіраўнікі, іншыя работнікі дзяржаўных органаў і іншых арганізацый павінны (курсіў наш. – А. Г.) валодаць беларускай і рускай мовамі ў аб’ёме, неабходным для выканання імі сваіх службовых абавязкаў» [2]. Ва ўмовах незбалансаванага двухмоўя гэта праблема не страчвае сваёй злабадзённасці ў нашай краіне.

Па-другое, перакладныя слоўнікі садзейнічаюць прадуктыўным міжмоўным зносінам, прафесійным стасункам, пашырэнню кантактаў паміж спецыялістамі, што важна не толькі ў названых раней сферах, але і ў многіх іншых.

Па-трэцяе, двухмоўныя слоўнікі як адзін з відаў вучэбнай літаратуры адыгрываюць значную ролю ў навучанні будучых спецыялістаў розных галін навукі і сфер дзейнасці мове, уменню чытаць і разумець спецыяльную літаратуру. Аналіз моўнай сітуацыі ў сістэме вышэйшай адукацыі ў нашай краіне выкрывае даўнюю праблему і яскрава сведчыць «аб неабходнасці пашырэння беларускай мовы ў сістэме вышэйшай адукацыі з мэтай выхавання грамадзян, якія рэальна валодаюць дзвюма мовамі і могуць карыстацца імі ў сваёй прафесійнай дзейнасці, тым самым забяспечваючы збалансаванае функцыянаванне дзвюх дзяржаўных моў у Рэспубліцы Беларусь» [3, с. 66].

Па-чацвёртае, сістэматызацыя і фіксацыя тэрміналагічнай лексікі ў слоўніку, у тым ліку і перакладным, спрыяе вывучэнню, асваенню і – што вельмі важна – развіццю адпаведнай галіны ведаў, а гэта немагчыма без авалодвання спецыяльнай лексікай пэўнай сферы: «Сучаснае тэрміназнаўства зыходзіць з таго, што стан тэрміналогіі ўплывае на тэмпы развіцця навукі, што даказваецца шматлікімі гістарычнымі фактамі, якія сведчаць пра тое, што ўдалыя тэрміны могуць спрыяць паскарэнню развіцця навукі, а няўдалыя – тармазіць развіццё навуковых ведаў» [4, с. 52].

Па-пятае, перакладныя слоўнікі служаць мэтам навуковага даследавання мовы, з дапамогай і на падставе галіновых слоўнікаў лінгвісты вывучаюць адпаведныя тэрмінасістэмы. І тут варта адзначыць наяўнасць перашкоды: «Развіццё беларускай тэрміналогіі (яе недастатковая ўпарадкаванасць і распрацаванасць у шматлікіх сферах ведаў) не адпавядае сучаснаму стану беларускай навукі і значна адстае ад узроўню вырашэння гэтай праблемы ў іншых краінах» [5, с. 54]. Нельга не пагадзіцца з В. П. Краснеем, на думку якога, «моўныя праблемы, звязаныя з упарадкаваннем беларускай тэрміналогіі, караняцца ў працяглым бездзяржаўным існаванні беларускай мовы, яе сацыяльна нераўнапраўным функцыянаванні ў ценю рускай мовы, калі шматлікія тэрміны запазычваліся з рускай мовы ці ствараліся шляхам іх перакладу або калькавання» [6, с. 199]. На жаль, названая акалічнасць не пераадолена і ў наш час, нягледзячы на дзяржаўны статус беларускай мовы ў Рэспубліцы Беларусь. У пачатку 1990-х гг. В. К. Шчэрбін адзначаў, што поспех у вырашэнні пытання распрацоўкі і нармалізацыі беларускай навуковай тэрміналогіі «ў значнай ступені залежыць ад колькасці і якасці ствараемых сёння тэрміналагічных слоўнікаў» [7, с. 49]. Але ж час паказаў, што без пераасэнсавання стаўлення дзяржавы і грамадства да беларускай мовы намаганняў лексікаграфіі недастаткова.

Па-шостае, у кожным слоўніку захоўваецца моўная нацыянальная традыцыя, у ім адлюстроўваецца, фіксуецца развіццё самой нацыі, яе духоўнага і культурнага стану, грамадскага ладу, навукі на канкрэтным гістарычным этапе. У самым пачатку 1990-х гг., калі пачынаўся непрацяглы

чарговы перыяд беларусізацыі, Ніл Гілевіч – тагачасны старшыня Таварыства беларускай мовы – са спадзяваннем на рэальны ўздым беларускай мовы і культуры пісаў: «Уклад у распрацоўку ўласнай беларускай навуковай тэрміналогіі паслужыць вялікай справе адраджэння нашай нацыянальнай культуры, справе дзяржаўнага ўзвышэння нашай любай Бацькаўшчыны – Беларусі» [8, с. 7].

З улікам адзначанага можна канкрэтызаваць універсальныя функцыі перакладнога слоўніка. Даведчая функцыя слоўніка дае магчымасць хутка вырашыць камунікатыўную задачу, засвоіць новае слова, павялічыць лексічны запас, палепшыць валоданне мовай і г. д. Вучэбная функцыя дапаўняе даведчаную: праз наяўнасць у слоўніку рознабаковай інфармацыі пра слова (граматычныя і стылістычныя паметы, ілюстрацыйны матэрыял і г. д.) слоўнік вучыць мэтазгоднаму і трапнаму выкарыстанню слова ў маўленні. Дзякуючы нарматыўнай функцыі слоўнік сцвярджае літаратурную норму, «задае стандарт ужывання слова» [9, с. 117], паколькі ён непасрэдна звязаны з выпрацоўкай літаратурнай нормы мовы ў кожную эпоху. Функцыя сістэматызацыі арганізуе і структурыруе ўсю тэрмінасістэму.

Складанне словаспісу тэрміналагічнага слоўніка. Айчынная і замежная лексікаграфія назапасіла сур’ёзны вопыт тэарэтычнай і практычнай дзейнасці, дзякуючы якому якасць выданняў удасканалваецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі часу, развіццём грамадства і пэўных галін навукі, калі размова ідзе пра тэрмінаграфію. Адною з важных задач пры ўкладанні перакладнога слоўніка з’яўляецца адбор для яго спецыяльнай лексікі – складанне словаспісу. У навуковай літаратуры неаднаразова адзначалася, што пытанне ахопу спецыяльнай лексікі звычайнымі, у тым ліку і перакладнымі слоўнікамі, належыць да найскладанейшых праблем практычнай лексікаграфіі [1, с. 62].

Прапанаваныя навукоўцамі падыходы да яе вырашэння маюць свае станоўчыя і адмоўныя бакі. Адзін са шляхоў, калі крытэрыем аднясення слова да агульнаўжывальнай або спецыяльнай лексікі з’яўляецца дасведчанасць і кампетэнтнасць (агульная і/або спецыяльная) лексікаграфа, у значнай ступені суб’ектыўны, паколькі індывідуальнасць укладальніка, жыццёвы вопыт набываюць асаблівае значэнне. Іншы падыход, калі крытэрыем агульнаўжывальнасці пры адборы слоў з’яўляецца зафіксаванасць іх у школьных падручніках, таксама немэтазгодны па шэрагу прычын. Па-першае, згаданне вузкаспецыяльных тэрмінаў у табліцах, ілюстрацыях, задачах не пераводзіць тэрміны ў катэгорыю агульнаўжывальных слоў. Па-другое, праграмы навучання розных гадоў могуць істотна адрознівацца, як і праграмы ў розных краінах. Недастаткова эфектыўным крытэрыем агульнаўжывальнасці тэрміна лічыцца і зафіксаванасць яго ў навукова-папулярнай літаратуры, таму што а) у ёй можа сустракацца вялікая колькасць вузкаспецыяльных слоў; б) яна неаднародная, разлічаная на чытачоў з розным узроўнем як агульных, так і спецыяльных ведаў. Такім чынам, універсальных, надзейных, аб’ектыўных крытэрыяў адбору лексікі для агульнаўжывальных і галіновых слоўнікаў не існуе, а суб’ектыўны падыход дае ненадзейныя вынікі [1, с. 67].

Вырашэннем праблемы адбору лексічных адзінак у слоўнік можа быць выпрацоўка якасных параметраў словаспісу з арыентацыяй на ўмоўнага сярэдняга носьбіта мовы. Напрыклад, В. П. Беркаў вызначае яго як дарослага чалавека з поўнай сярэдняй адукацыяй, які мае дастатковы чытацкі вопыт мастацкай, навукова-папулярнай і палітычнай літаратуры, добра знаёмы з асноўнымі відамі практычнай дзейнасці ў грамадстве і кантактуе з рознымі сацыяльнымі групамі дадзенага моўнага калектыву [1, с. 68].

Нельга не ўлічваць канкрэтныя мэты стварэння слоўніка, мэтавую аўдыторыю патэнцыяльных карыстальнікаў, аб’ём выдання і іншыя фактары. Пры ўкладанні слоўнікаў спецыяльнай лексікі важна вытрымаць тэматычны (галіновы) прынцып адбору лексікі, а таксама поўна ахапіць тэрміналогію пэўнай сферы з улікам, з аднаго боку, актыўнасці (частаты выкарыстання) лексікі, з другога – узроўню развіцця пэўнай галіны і апошніх дасягненняў у ёй. Пры гэтым праблема адбору спецыяльнай лексікі ўскладняецца ў тых выпадках, калі тэрміналогія яшчэ не выпрацавана, не ўпарадкавана [1, с. 69]. Гэта праблема, як ужо адзначалася, у неаднолькавай ступені актуальная для розных тэрмінасістэм беларускай мовы.

На яшчэ адзін немалаважны момант практычнай тэрміналагічнай і тэрмінаграфічнай працы звяртае ўвагу В. П. Красней – гэта філалагічная і прафесійная (галіновая) падрыхтоўка аўтараў-складальнікаў слоўнікаў. Негатыўна на якасці галіновых тэрміналагічных слоўнікаў адбіваецца адсутнасць філалагічнай падрыхтоўкі складальнікаў, калі яны займаюцца толькі тэрміналагіч-

нымі праблемамі сваёй навуковай галіны. Такая сітуацыя мае месца ва ўмовах адсутнасці належнай каардынацыі тэрмінатворчай і тэрмінаграфічнай дзейнасці, калі яна не набывае характару планамернай паўсядзённай навуковай працы [10, с. 116]. Таму сумесная дзейнасць галіновых спецыялістаў і лінгвістаў (як гэта было ў 1920-я гг.) бачыцца адным са спрыяльных фактараў паспяховай і якаснай тэрмінаграфічнай працы.

У якасці крыніц матэрыялу па адборы спецыяльнай лексікі ў слоўнік, на думку даследчыкаў, мэтазгодна выкарыстоўваць тэксты па спецыяльнасці, якія могуць быць узяты з галіновай вучэбнай літаратуры, перыядычных выданняў і г. д., а таксама аднамоўныя і двухмоўныя слоўнікі адпаведнага профілю [9, с. 118].

Дыскусійным застаецца пытанне пра ўключэнне ў тэрміналагічны слоўнік адзінак розных часцін мовы. Не ўсе даследчыкі пагаджаюцца з распаўсюджаным меркаваннем, што тэрмінам можа быць толькі назоўнік або словазлучэнне з апорным кампанентам, выражаным назоўнікам. Існуе слушны альтэрнатыўны погляд, згодна з якім навуковае паняцце можа быць прадстаўлена словамі розных часцін мовы, калі яны маюць адну і тую ж каранёвую марфему [11, с. 75]. Па словах Л. А. Антанюк, лічыць назоўнікі адзінымі лексіка-граматычнымі сродкамі тэрміналогіі нельга па дзвюх прычынах. Па-першае, «намінацыя з'яўляецца носьбітам хоць і найбольш значных, але не выключна ўсіх зместаў у пазнанні рэчаіснасці»; па-другое, назоўнік не з'яўляецца «вычарпальным сродкам перадачы ўсіх прымет якасці, дзеяння, акалічнасці, якія змешчаны ў некаторых навуковых паняццях» [12, с. 63]. Іншымі словамі, навакольнае асяроддзе не толькі апрадмечваецца; якасці, уласцівасці, стан, дзеянні таксама могуць уключацца ў навуковае асэнсаванне ў выглядзе адпаведных часцін мовы.

Семантызацыя лексічных адзінак. Надзвычай важнай і складанай з'яўляецца праблема семантызацыі рэестравых адзінак слоўніка, пад якой у лексікаграфіі прынята разумець «поўнае раскрыццё зместу (у тым ліку канатацыі, стыль, граматычныя значэнні, спалучальнасць, каларыт і г. д.), а не адну толькі голую семантыку зыходнай адзінкі» [13, с. 76]. У перакладным слоўніку семантызацыя ўскладняецца тым, што неабходна як мага больш шчыльна і дакладна дастасаваць адну да адной сістэмы дзвюх моў. Як вядома, усе мовы тоесныя ў плане зместу, што абумоўлена агульнасцю свету, але адрозніваюцца ў плане выражэння, формай перадачы зместу. Гэта несупадзенне тым большае і маштабнае, чым меншая ступень блізкасці, роднасці паміж мовамі. Нават паміж блізкароднаснымі мовамі (напрыклад, беларускай і рускай) ёсць істотныя лексічныя, семантычныя, стылістычныя, граматычныя і іншыя адрозненні і несупадзенні. І таму для перакладной лексікаграфіі «асноўнымі з'яўляюцца пытанні дакладнасці ўстанаўлення значэння слова зыходнай мовы і паўнацэннасці эквівалента як перакладу» [14, с. 4].

У перакладным слоўніку семантызацыя рэестравай (зыходнай) адзінкі адбываецца сродкамі перакладу шляхам падбору эквівалента, які аб'ектыўна можа быць «поўным» або «частковым», «абсалютным» або «адносным», што адразу выкрывае патэнцыяльныя цяжкасці пры падборы тоеснай рэестравому (загаловачнам) слову адзінкі. Некаторыя лінгвісты лічаць немагчымым пераклад як сродак перадачы (узнаўлення) на іншай мове чужога слова. У артыкуле С. І. Влахава падаюцца катэгарычныя выказванні лінгвістаў аб адсутнасці дакладных адпаведнікаў паміж суадноснымі словамі розных моў. Напрыклад, Л. У. Шчэрба адзначаў, што «перакладныя слоўнікі не даюць сапраўднага ведання замежных слоў, а толькі дапамагаюць здагадацца аб іх сэнсе ў кантэксце» [13, с. 77]. Думаецца, што такія меркаванні ў пэўнай ступені справядлівыя ў дачыненні да мастацкага перакладу. Усё ж перакладчыцкая, лексікаграфічная і тэрмінаграфічная практыка засведчыла сваю жыццядзейнасць і эфектыўнасць. Пошук адпаведніка (адпаведнікаў) больш праблематычны пры складанай семантычнай структуры слова. Увогуле, філіяцыя лексем (падзел слова на значэнні) лічыцца адной з асноўных праблем перакладной лексікаграфіі.

Пры перакладзе адназначных і неаманімічных тэрмінаў цяжкасцей па зразумелых прычынах звычайна не ўзнікае. Іншая справа – адзінкі мнагазначныя і аманімічныя. У тэрміназнаўстве з'ява полісеміі «мае характар, які адрознівае яе ад полісеміі ў агульнаўжывальнай лексіцы» [4, с. 62].

Традыцыйна лічылася, што па прычыне ўласцівай тэрмінам дакладнай абмежаванасці і строгай вызначанасці значэнні тэрмінаў, калі адна лексічная форма выкарыстоўваецца для абазначэння некалькіх паняццяў, выразна адасабляюцца. І гэта было падствай фактычна адмаўляць наяўнасць

полісеміі ў тэрміналогіі, прызнаючы аманімію. Сучаснае тэрміназнаўства прымае наяўнасць ў галіновых тэрміналогіях і аманіміі, і полісеміі, агульнасцю якіх з'яўляецца выкарыстанне адной лексічнай формы для называння некалькіх розных паняццяў [4, с. 57]. Гэтаму паспрыяла вывучэнне полісеміі, якое пашырыла ўяўленне пра яе: былі размежаваны паняцці мнагазначнасці як уласцівасці і мнагазначнасці як з'явы, паколькі яны розныя з пункта погляду філасофіі і логікі. Для размежавання гэтых катэгорый лічыцца магчымым замацаваць тэрмін «полісемія» за адпаведнай з'явай, а тэрмін «мнагазначнасць», або «полісемічнасць» – за ўласцівасцю [4, с. 54]. Як адзначаюць аўтары, «у 2011 г. на чарговай канферэнцыі, арганізаванай Тэхнічным камітэтам «Тэрміналогія» Расійскай Федэрацыі было прынята рашэнне лічыць у тэрміналогіі перанос наймення працэсаў на іх вынік аманіміяй, паколькі працэсы і іх вынікі належаць розным анталагічным і лагічным катэгорыям» [4, с. 57]. Ёсць меркаванне, што працэс развіцця чалавечых ведаў і эвалюцыі мыслення чалавека адбываецца ў напрамку пазбаўлення ад полісеміі, паколькі ў працэсе пазнання з'яўляюцца новыя ўяўленні аб навакольным асяроддзі і, адпаведна, новыя назвы для гэтых уяўленняў [4, с. 61].

Пры ўкладанні галіновага слоўніка асаблівай увагі патрабуе такі від полісеміі, як кансубстанцыянальнасць – наяўнасць у адной лексічнай формы лексічнага і тэрміналагічнага значэння, калі адна і тая ж лексема можа выкарыстоўвацца і ў якасці кампанента агульнаўжывальнай лексікі, і ў якасці тэрміна. Такім чынам, у адной форме выражэння могуць супадаць тэрмін, прататэрмін (прамежкавая форма паміж звычайным словам і тэрмінам) і агульнаўжывальная лексема [4, с. 57]. Нельга не ўлічыць і іншыя падыходы і дасягненні ў тэрміназнаўстве, напрыклад, разгалінаваную класіфікацыю адзінак спецыяльнай лексікі, у якую ўключаюцца номены, прафесіяналізмы, прафесійныя аргатызмы, або прафесійныя жарганізмы, прадтэрміны і квазітэрміны, тэрміноіды, прататэрміны [15, с. 951]. Як негатыўную з'яву варта разглядаць і штучную полісемію, паколькі яна можа быць прычынай лішніх і памылковых перакладаў, якія сустракаюцца амаль ва ўсіх перакладных слоўніках [4, с. 60]. Усё гэта прымушае аўтараў-складальнікаў слоўнікаў удумліва падыходзіць да аналізу семантычнай структуры слова. Надзвычай важна дакладна вызначыць аб'ём значэння загаловачнага (рээстравага) слова, каб правільна распрацаваць яго сэнсавую будову. Ад гэтага ў многім залежыць поспех у падборы трапнага(ых) адпаведніка(аў), ці эквівалента(аў).

Перакладныя слоўнікі задзейнічаюць і іншыя (дадатковыя) сродкі семантызацыі – выкарыстанне сіноніма эквівалента, сціслыя тлумачэнні (падаюцца курсівам у дужках), паметы, каментары, ілюстрацыйны матэрыял і інш. Такім чынам, у перакладным слоўніку рэалізуюцца два ўзроўні перакладу: слоўны ў выглядзе эквівалента і кантэкстуальны, які дэманструе жыццё слова ў маўленні. У тэрміналагічных слоўніках, у адрозненне ад слоўнікаў агульнаўжывальнай лексікі, абодва гэтыя ўзроўні перакладу збліжаны, што абумоўлена характэрнымі рысамі тэрміна як адзінкі спецыяльнай лексікі (наяўнасць дэфініцыі, імкненне да адназначнасці, стылістычная зафіксаванасць, адсутнасць эмацыянальна-экспрэсіўнай канатацыі). Паколькі ў ідэале кожны тэрмін павінен «вызначацца інтэлектуальнай чысцінёй», то варыянтнасць у тэрміналогіі лічыцца збытковай і непажаданай [6, с. 199].

Асобна спынімся на такім дадатковым сродку семантызацыі, як ілюстрацыйны матэрыял. У грунтоўна распрацаваным лексікаграфічным выданні, у тым ліку і перакладнога характару, ілюстрацыйны матэрыял з'яўляецца важным кампанентам структуры слоўнікавага артыкула: «Слоўнікі без ілюстрацыйнага матэрыялу аказваюцца ў пэўнай ступені абмежаванымі, у некаторых выпадках нават прыводзяць да блытаніны ва ўжыванні тых ці іншых тэрмінаў» [14, с. 4]. Ілюстрацыйны матэрыял (асабліва тэрміналагічнага слоўніка) павінен не толькі паказваць, як уключаць у маўленне лексічныя адзінкі, але і адлюстроўваць істотныя ўласцівасці навуковага паняцця, увасобленага ў рээстравай (загаловачнай) адзінцы. Такім чынам, ілюстрацыйны матэрыял выконвае некалькі функцый: 1) функцыю дакументавання, паколькі сведчыць пра наяўнасць у мове пэўнай адзінкі, пацвярджае яе наяўнасць; 2) уласна функцыю ілюстравання, дзякуючы якой акрэсліваецца і вызначаецца месца слова ў жывым маўленні; 3) функцыю семантызацыі як частку агульнай функцыі семантызацыі ўсяго слоўнікавага артыкула слоўніка. Ілюстрацыйны матэрыял у перакладным слоўніку важны і неабходны, паколькі ў спалучэнні з іншымі словамі (асабліва ў клішыраваных, устойлівых выразях) «словы набываюць крыху іншае значэнне або перакладаюцца зусім іншымі словамі» [16, с. 103].

У якасці крыніцы ілюстрацыйнага матэрыялу тэрміналагічных слоўнікаў мэтазгодна выкарыстоўваць найперш вучэбную літаратуру па спецыяльнасці. Ілюстраванне адзінак перакладу (апісання) можа адбывацца шляхам цытавання, пры якім падаюцца фрагменты з надрукаваных твораў (у тым ліку навуковых). Цытаванне як спосаб ілюстравання перш за ўсё характэрна для вялікіх слоўнікаў акадэмічнага тыпу і выкарыстоўваецца пераважна з мэтай задакументаваць прыналежнасць і ўжыванне канкрэтнай адзінкі ў мове. Пры такім спосабе ілюстравання, як экзэмпліфікацыя (англ. *exemplification* – прыклад, ілюстрацыя) частка звязанага тэксту, у якім слова змешчана ў найбольш характэрнае для яго маўленчае асяроддзе, ствараецца самім укладальнікам слоўніка. Могуць выкарыстоўвацца і так званыя «схаваныя прыклады», калі ў дужках пасля эквівалента падаюцца словы-падказкі, своеасаблівыя шаблоны, па якіх чытач (карыстальнік) сам можа пабудаваць ілюстрацыйны прыклад [13, с. 76]. Вельмі пажадана, каб ілюстрацыйны матэрыял з'яўляўся кампанентам структуры слоўнікавых артыкулаў перакладных слоўнікаў любога памеру. Ілюстраванне прыкладамі варта ўсе словы ў любых відах слоўнікаў. Нават тэрміны пры іх пераважнай адназначнасці «атрымліваюць у кантэксце больш дакладныя, выразныя рысы, нягледзячы на тое, што значэнне ўжо выражана эквівалентам» [13, с. 78]. У слоўніках агульнаўжывальнай лексікі пажадана змяшчаць некалькі кантэкстаў для ілюстрацыі. Галоўным патрабаваннем да лексікаграфічных ілюстрацый з'яўляюцца іх лаканічнасць і дакладнасць [17, с. 36].

Высновы. Такім чынам, складанне перакладнога слоўніка – шматаспектная дзейнасць, якая павінна ўлічваць не толькі ўласна лексікаграфічныя дасягненні, але і ўзровень развіцця сумежных дысцыплін, распрацоўку адпаведных тэрмінасістэм. Найбольшай увагі пры складанні слоўніка спецыяльнай лексікі патрабуюць такія аспекты, як падбор тэкставых крыніц для складання словаспісу і падбор ілюстрацыйнага матэрыялу, адбор рэестравых (загалоначных) адзінак, аналіз семантычнай структуры слова і абумоўлены ёй падбор эквівалента (эквівалентаў), выкарыстанне дадатковых сродкаў семантызацыі. Перспектывы развіцця двухмоўнай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі беларускай мовы бачацца ў стварэнні якаснай прадукцыі, якая будзе запатрабавана шырокім колам спажывцоў, у тым ліку спецыялістамі розных галін навукі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Берков, В. П. Вопросы двуязычной лексикографии / В. П. Берков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 191 с.
2. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 26 студз. 1990 г., № 3094–XI : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 13.07.1998 г. № 187–3 // Нац. рэстр прававых актаў Рэсп. Беларусь. – 2001. – 15 сак. – № 2/268.
3. Лянкевіч, А. У. Моўная сітуацыя ў сістэме вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь (на матэрыяле статыстычных даных) / А. У. Лянкевіч // Беларуская мова: тэорыя і практыка : зб. арт. / рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.] ; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. – Мінск, 2016. – С. 62–66.
4. Грынёв-Гриневиц, С. В. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике / С. В. Грынёв-Гриневиц, Э. А. Сорокина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 51–64. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2015-4-51-64>
5. Любецкая, К. П. Тэрмінаграфічны пераклад як спосаб выпрацоўкі беларускай спецыяльнай лексікі / К. П. Любецкая // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / Беларус. дзярж. ун-т, каф. сучас. беларус. мовы. – Мінск, 2011. – Вып. 10. – С. 54–56.
6. Красней, В. П. Да пытання тэрміналагічнай нормы / В. П. Красней // Беларуская тэрміналогія : зб. арт. / В. П. Красней ; навук. рэд. М. Р. Прыгодзіч. – Мінск, 2011. – С. 198–200.
7. Шчэрбін, В. К. Роля тэрміналагічных слоўнікаў у працэсе нармалізацыі беларускай навуковай тэрміналогіі / В. К. Шчэрбін // Пытанні нармалізацыі беларускай навуковай тэрміналогіі : матэрыялы рэсп. навук. канф. / Гомел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Д. Паўлавец (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 1994. – С. 49–50.
8. Сяржаніна, Г. Грыбы: Аксаміцэты, Базідыяміцэты (гастэраміцэты, гетэрабазыяміцэты) / Г. Сяржаніна. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 54 с. – (Беларуская навуковая тэрміналогія. Біялогія ; вып. 1).
9. Наталевіч, В. Г. Мадэляванне вучэбнага перакладнога слоўніка па эканоміцы / В. Г. Наталевіч // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2016. – № 3. – С. 115–123.
10. Красней, В. П. Некаторыя праблемы сучаснага беларускага тэрміназнаўства і тэрмінаграфіі / В. П. Красней // Беларуская тэрміналогія : зб. арт. / В. П. Красней ; навук. рэд. М. Р. Прыгодзіч. – Мінск, 2011. – С. 115–117.
11. Морковкин, В. В. О возможном типе активного словаря для нефилологов / В. В. Морковкин, М. Б. Стефанова, Л. М. Торшина // Рус. яз. за рубежом. – 1981. – № 1 (69). – С. 74–79.
12. Антанюк, Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыянаванне / Л. А. Антанюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987. – 240 с.
13. Влахов, С. И. Участие иллюстративного материала в семантизации исходной словарной единицы / С. И. Влахов // BudaLEX '88 proceedings : papers from the 3rd Intern. EURALEX Congr., Budapest, 4–9 Sept. 1988 / ed.: J. Zsigány, T. Magay. – Budapest, 1988. – P. 75–81.

14. Нікалаева, В. М. Двухмоўная лексікаграфія: праблемы складання руска-беларускіх слоўнікаў / В. М. Нікалаева, Т. М. Трухан // Беларус. лінгвістыка. – 2011. – Вып. 67. – С. 3–14.
15. Хакімова, Г. Г. Развитие терминологии как отдельной дисциплины и ее статус в современном языкознании / Г. Г. Хакімова // Вестн. Башк. ун-та. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 950–954.
16. Цыренов, Б. Д. Научная проблематика ранней бурятской переводной лексикографии [Электронный ресурс] / Б. Д. Цыренов // Tehlikedeki Diller Dergisi. – 2018. – № 8 (12). – Режим доступа: <https://paperity.org/p/192635831/nauchnaia-problematika-rannei-buriatskoi-perevodnoi-leksikografii>. – Дата доступа: 01.06.2021.
17. Дубичинский, В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. – Wien : Wiener slawistischer Almanach ; Харьков : Харьк. лексикограф. о-во, 1998. – 156 с. – (Wiener slawistischer Almanach ; S.-Bd. 45).

References

1. Berkov V. P. *Questions of bilingual lexicography*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1973. 191 p. (in Russian).
2. On languages in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, January 26, 1990, no. 3094 – XI: ed. of the Law of the Republic of Belarus from 13.07.1998, no. 187–Z. *Natsyyanal'ny reestr pravavykh aktau Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2015, March 15, no. 2/268 (in Belarusian).
3. Lyankevich A. U. The language situation in the system of higher education in the Republic of Belarus. *Belaruskae slova: teoryya i praktyka: zbornik artykulau* [Belarusian word: theory and practice: collection of art]. Minsk, 2016, pp. 62–66 (in Belarusian).
4. Griniewicz (Grinev) S. V., Sorokina E. A. Polysemy in general and special vocabulary. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2015, no. 4, pp. 51–64 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2015-4-51-64>
5. Lyubetskaya K. P. Terminographic translation as a way of developing Belarusian special vocabulary. *Pratsy kafedry suchasнай belaruskaj movy* [Proceedings of the Department of Modern Belarusian Language]. Minsk, 2011, iss. 10, pp. 54–56 (in Belarusian).
6. Krasnei V. P. On the issue of terminological norms. *Belaruskaya terminalogiya: zbornik artykulau* [Belarusian terminology: collection of art]. Minsk, 2011, pp. 198–200 (in Belarusian).
7. Shcherbin V. K. The role of terminological dictionaries in the process of normalization of Belarusian scientific terminology. *Pytanni narmalizatsyi belaruskaj navukovaj terminalogii: materyyaly respublikanskaj navukovaj kanferentsyi* [Issues of normalization of Belarusian scientific terminology: materials of the republic of sciences conference]. Gomel, 1994, pp. 49–50 (in Belarusian).
8. Syarzhaniina G. *Mushrooms: Barhacetes, Basidiomycetes (gasteromycetes, heterobasidiomycetes). Belarusian scientific terminology. Biology. Issue 1*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1991. 54 p. (in Belarusian).
9. Natalevich V. G. Modeling student's bilingual dictionary of economics. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga ekanamichnaga universiteta* [Bulletin of the Belarusian State Economic University], 2016, no. 3, pp. 115–123 (in Belarusian).
10. Krasnei V. P. Some problems of modern Belarusian terminology and terminography. *Belaruskaya terminalogiya: zbornik artykulau* [Belarusian terminology: collection of art]. Minsk, 2011, pp. 115–117 (in Belarusian).
11. Morkovkin V. V., Stefanova M. B., Torshina L. M. About a possible type of active dictionary for non-philologists. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*, 1981, no. 1 (69), pp. 74–79 (in Russian).
12. Antanyuk L. A. *Belarusian scientific terminology: formation, structure, ordering, construction, functioning*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1987. 240 p. (in Belarusian).
13. Vlakhov S. I. Participation of illustrative material in the semantisation of the original dictionary unit. *BudaLEX '88 proceedings: papers from the 3rd International EURALEX congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest, 1988, pp. 75–81 (in Russian).
14. Nikalaeva V. M., Trukhan T. M. Bilingual lexicography: problems of compiling Russian-Belarusian dictionaries. *Belaruskaya lingvistyka* [Belarusian Linguistics], 2011, iss. 67, pp. 3–14 (in Belarusian).
15. Khakimova G. G. Development of terminology theory of as a separate discipline and its status in modern linguistics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 950–954 (in Russian).
16. Tsyrenov B. D. Scientific problems early Buryat transfer lexicography. *Tehlikedeki Diller Dergisi = Journal of Endangered Languages*, 2018, no. 8 (12). Available at: <https://paperity.org/p/192635831/nauchnaia-problematika-rannei-buriatskoi-perevodnoi-leksikografii> (accessed 01.06.2021) (in Russian).
17. Dubichinsky V. V. *Theoretical and practical lexicography*. Wien, Wiener slawistischer Almanach; Kharkov, Kharkov Lexicographic Society, 1998. 156 p. (in Russian).

Информация об авторе

Губкина Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: palvas@tut.by

Information about the author

Elena V. Gubkina – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus). E-mail: palvas@tut.by

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 791.43
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-206-216>

Поступила в редакцию 31.01.2022
Received 31.01.2022

К. И. Ремишевский

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**ХРОНИКАЛЬНЫЙ КИНОЭПОС
«ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ»:
ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАКАЗА К НАРОДНОЙ КИНОСАГЕ**

Аннотация. Представлены результаты исследования одного из наиболее значительных произведений белорусского неигрового кино – монтажно-исторического полнометражного документального фильма «Освобождение Советской Белоруссии», созданного Владимиром Корш-Саблиным и Миколой Садковичем. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные архивные организационно-распорядительные документы 1943–1945 гг., анализируется содержание уникальных артефактов – сценарной заявки и рукописи дикторского текста этой знаковой киноленты. Приведены новые сведения об эволюции сценарно-драматургического замысла фильма «Освобождение Советской Белоруссии». В процессе реконструкции важнейших этапов работы над фильмом уточнена дата его фактического завершения и выхода в широкий прокат. Углубленному исследованию подверглись организационно-производственные приоритеты хроникально-документальной кинематографии заключительного этапа Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: кинолетопись Великой Отечественной войны, монтажно-исторический фильм, белорусский фронтовой кинорепортаж, экранное историко-культурное наследие

Для цитирования: Ремишевский, К. И. Хроникальный киноэпос «Освобождение Советской Белоруссии»: от политического заказа к народной киносаге / К. И. Ремишевский // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 206–216 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-206-216>

Kanstantsin I. Ramisheuski

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**HISTORICAL NEWSREEL «LIBERATION OF SOVIET BELARUS»:
FROM A POLITICAL ORDER TO A FOLK SCREEN SAGA**

Abstract. The article presents the results of a study of one of the most significant works of the Belarusian non-fiction cinema – the historical full-length documentary film “The Liberation of Soviet Belarus”, created by Vladimir Korsh-Sablin and Mikola Sadkovich. Previously unknown archival documents of 1943–1945 are introduced into scientific circulation, the content of unique artifacts is analyzed – the script application and the manuscript of the announcer’s text of this iconic film. New information about the evolution of the screenplay and drama concept of the film “Liberation of Soviet Belarus” is given. In the process of reconstruction of the most important stages of work on the film, the date of its actual completion and release in wide distribution has been specified. The organizational and production priorities of documentary cinematography of the final stage of the Great Patriotic War were subjected to in-depth study.

Keywords: newsreel of the Great Patriotic War, montage-historical film, Belarusian front-line film chronicle, screen historical and cultural heritage

For citation: Ramisheuski K. I. Historical newsreel “Liberation of Soviet Belarus”: from a political order to a folk screen saga. *Vestsi Natsyyanal'най akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 206–216 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-206-216>

Введение. Список кинопроизведений, созданных кинематографиями разных стран в качестве экранных манифестов недавно возникших или существенно обновленных форм своей государственности, пополнялся на протяжении всего XX столетия. Немые и звуковые, черно-белые и цветные, постановочные и хроникальные, снятые с привлечением организационно-творческой помощи извне или же без таковой – эти очень разные по своей художественной ценности фильмы принадлежат к весьма отдаленным жанрово-стилевым направлениям мировой экранной культуры.

Говоря о произведениях такого типа, нельзя не вспомнить первый в истории мирового кино политический хроникальный сюжет «Коронация императора Николая II» (автор-оператор К. Серф, 1896); спорный в своей апологетике расизма американский фильм «Рождение нации» (режиссер Д. У. Гриффит, 1915); классические российские киноленты – сложнопостановочный «Октябрь» (режиссер С. Эйзенштейн, 1927) и документальную монтажно-историческую картину «Падение династии Романовых» (режиссер Э. Шуб, 1927); украинскую кинопоэму «Земля» (режиссер А. Довженко, 1930); монгольскую ленту «Степные витязи» (режиссер Ю. Тарич, 1945); советско-албанский фильм «Великий воин Албании Скандербег» (режиссер С. Юткевич, 1953); батальное кинополотно «Битва за Алжир» (режиссер Д. Понтекорво, кинопродукция Италия–Алжир, 1966). Каждому из этих произведений история уготовила свою судьбу: век одних оказался сравнительно короток, другие – с историко-культурной и эстетической точек зрения остаются актуальными и по прошествии многих десятилетий.

Как бы ни были порой самобытны пути эволюции национальных кинематографий, влияние таких кинопроизведений на культуротворческие процессы, национальную самоидентификацию и формирование национальной идеи переоценить невозможно. Это справедливо и для государств с традиционно развитой кинематографией, и для относительно молодых стран, в которых кинопроцесс получил развитие благодаря политическим и социально-экономическим трансформациям. Эта мысль не нова – в развернутом виде она была сформулирована французским историком кино Ж. Садулем [1] еще в середине 1940-х гг.

Основная часть. Этапные для своего времени белорусские фильмы «В огне рожденная» (режиссер В. Корш-Саблин, 1930) и «Одиннадцатое июля» (режиссер Ю. Тарич, 1938) входят в разряд «экранных манифестов новой государственности». Созданные в канун десятой («В огне рожденная») и двадцатой («Одиннадцатое июля») годовщины Белорусской ССР, эти фильмы своим выходом на экран утверждали право молодой национальной кинематографии на дальнейшее развитие, создавали адекватную воззрениям своей эпохи картину становления белорусского государства, обусловленную особой, «приграничной» спецификой довоенного развития республики [2, с. 11, 20–21; 3, с. 40–42, 110–116; 4, с. 66–73, 183–187; 5, с. 134–135; 6, с. 14–17, 32–33; 7, с. 3, 28–29; 8, с. 113–115, 9, с. 614–616, 10, с. 31–33; 11, с. 71–72, 138–139; 12, с. 79].

Процесс создания программных лент был настолько важен для молодой республики, что в той или иной форме государство выступало соавтором фильмов, стремилось контролировать не только идейную концепцию и историческую логику киноповествования, но и малозначимые, порой даже сложно различимые обертона в трактовке материала. Вхождение осенью 1939 г. в состав Белоруссии западных областей существенно снизило остроту тех проблем, которые выдвигались на первый план авторами упомянутых историко-революционных кинофильмов довоенного периода.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне актуализировал вопрос о новых реалиях белорусской государственности и, следовательно, об их воплощении на экране. Не только первой полнометражной белорусской кинолентой, посвященной подвигу Красной Армии и народов Белоруссии в борьбе с оккупантами, но и фильмом, обращенным в послевоенное завтра, стала полнометражная кинокартина В. Корш-Саблина и М. Садковича «Освобождение Советской Белоруссии (историческая хроника)». Этот фильм явился абсолютным рекордсменом белорусского кино по количеству более поздних версий – к 20-летию и 30-летию освобождения Белоруссии (отмечавшихся, соответственно, в 1964 и 1974 гг.), национальная кинематография выпускала кинокартину в обновленных редакциях.

Политическая, историческая, социальная и художественно-эстетическая значимость этой кинокартины никогда не подвергалась сомнению: практически в каждой из книг, подготовленных белорусскими киноведами за послевоенные годы, присутствуют упоминания о ней и ее авторах.

Сопоставляя лаконичные сведения о фильме «Освобождение Советской Белоруссии», приведенные в киноведческой литературе, вышедшей с 1961 по 2014 г., нельзя не отметить, что приращение и углубление научного знания, относящегося к творческо-производственным аспектам белорусской фронтовой кинолетописи и обстоятельствам создания ленты В. Корш-Саблина и М. Садковича, происходили крайне медленно. Некоторые факты из истории ее создания можно обнаружить в самой ранней по хронологии белорусской киноведческой коллективной монографии «Киноискусство Советской Белоруссии», написанной в 1961 г. А. В. Красинским, Г. П. Тарасевичем и В. И. Смалем: «В 1943 году по указанию ЦК КП Белоруссии в Москве была создана белорусская киностудия во главе с В. Корш-Саблиным и Н. Садковичем. На базе московских киностудий она создала два фильма: полнометражный фильм-концерт “Живи, родная Беларусь!” и документальную картину “Освобождение Советской Белоруссии”» [2, с. 22].

В первой части коллективного двухтомного труда, посвященного зарождению и становлению белорусского кинопроцесса в период с 1924 по 1945 г., фильму «Освобождение Советской Белоруссии» посвящено четыре страницы [4, с. 216–219]. Поскольку сведения о фильме, приведенные в этом источнике, могут рассматриваться в качестве образца «константного» киноведческого нарратива, сформированного под явным влиянием весьма полезной для историков кино книги В. Смирнова «Документальные фильмы о Великой Отечественной войне» [13, с. 127–134], вышедшей в свет еще в 1947 г., проанализируем текст достаточно подробно.

Авторы «Истории белорусского кино (1924–1945)» пишут, что в отличие от многих других лент заключительного периода войны, в которых «за обилием материала, отображающего общую картину военных действий, режиссеры и операторы уделяли недостаточно внимания простым людям», В. Корш-Саблин и М. Садкович в своей кинокартине «тяжелый ратный труд советских солдат» сумели показать полно и убедительно [4, с. 217]. В этой книге описаны отдельные эпизоды, свидетельствующие о геноциде белорусского народа в оккупированном Минске, масштабах рельсовой войны, всенародном сопротивлении захватчикам накануне решающего наступления Красной Армии в июне 1944 г., рассмотрено содержание кинокадров, снятых в партизанских формированиях Полоцко-Лепельской зоны, а также в ходе освобождения Мозыря и Калинковичей. Пересказ отдельных элементов фабулы завершается упоминанием эпизодов освобождения белорусской столицы и парада партизан на бывшем минском ипподроме 16 июля 1944 г. [4, с. 217–218].

Киноведческая аналитика, посвященная знаковой киноленте, завершается замечанием о том, что «фильм “Освобождение Советской Белоруссии” относится к числу интереснейших работ документального кино республики. В нем ярко и талантливо раскрыт патриотический подвиг народа в борьбе за свободу своей Родины» [4, с. 219]. В подтверждение приводится цитата из рецензии, опубликованной газетой «Вечерняя Москва» 10 июля 1945 г. после начала демонстрации киноленты на экранах советской столицы.

К сожалению, в этой и последующих публикациях исследователи обходили вопрос о том, когда именно В. Корш-Саблин и М. Садкович приступили к работе над сценарной заявкой, когда началось и как развивалось их взаимодействие с фронтовыми операторами, по каким критериям отбирался материал для последующего монтажа, в каком направлении менялись подходы к сюжетосложению. Вне поля зрения оказались взаимоотношения между мастерами художественной кинематографии В. Корш-Саблиным и М. Садковичем, с одной стороны, и руководством Белорусской студии кинохроники, непосредственно отвечающим за выпуск киножурнала «Савецкая Беларусь» с лета 1942 по конец 1943 г., – с другой.

Открытым остался важный вопрос о датировке фильма. По сведениям, почерпнутым из недавно изученных архивных документов, указанный в титрах год выпуска, вероятнее всего, отражает не более чем первоначальные намерения студии закончить производство киноленты к концу 1944 г., в то время как работа над лентой продолжалась до мая 1945 г.

Восполняя вышеупомянутые пробелы, предпримем попытку исследования важнейших этапов создания фильма, акцентируя внимание на эволюции авторских и редакторских представлений о его сюжетно-исторической канве, монтажной композиции и закадровом комментарии.

Реконструкцию творческо-производственного процесса следует начать с документа, датированного 15 июля 1943 г. В ответ на поручение представить информацию о списочной численности

творческих работников белорусского кино и местах их пребывания руководитель Белорусской студии кинохроники Н. Х. Коржицкая направляет в Управление делами ЦК ВКП(б) Белоруссии и председателю Комитета по делам кинематографии при Совнаркомом СССР (далее – КДК) И. Г. Большакову справку, содержащую сведения о двух режиссерах белорусского игрового кино – Ю. В. Тариче и В. В. Корш-Саблине. Текст документа краток: и первый, и второй являются режиссерами Белорусской студии художественных фильмов, в настоящее время приписаны к Центральной объединенной киностудии (ЦОКС) в Алма-Ате, имеют почетные звания: Ю. В. Тарич – заслуженный деятель искусств РСФСР, В. В. Корш-Саблин – заслуженный деятель искусств БССР [14]. Не вызывает сомнений, что интерес КДК к национальным режиссерским кадрам был связан с планами запуска в производство масштабных кинопроектов, посвященных Белоруссии.

Речь идет о двух очень разных кинолентах, завершенных с интервалом почти в год. Первая – «Белорусский киноконцерт» (авторы сценария и режиссеры В. Корш-Саблин и М. Садкович, рабочее название «Живи, родная Беларусь»), посвященная 25-летию БССР и смонтированная, главным образом, из живописно снятых в павильоне оператором Г. Егiazаровым театральных и музыкальных номеров. Вторая – хроникально-документальная лента «Освобождение Советской Белоруссии».

Здесь необходим комментарий, касающийся латентных аспектов документального кинопроцесса второй половины войны. Практика привлечения известных режиссеров художественного кино к созданию полнометражных документальных лент военной тематики, ставшая нормой к концу 1943 г., была продиктована повышением ответственности за идейно-содержательную и композиционно-драматургическую трактовку материала. Это новшество существенно сужало диапазон востребованности опытных режиссеров-документалистов и той части кинохроникеров, которые претендовали на самостоятельную авторскую и режиссерскую работу. В этом контексте большой интерес представляет документ, вводимый в научный оборот впервые и свидетельствующий о попытке «перехвата инициативы» у режиссеров игрового кино, уже намеченных руководством КДК в качестве авторов.

В октябре 1943 г. директор Белорусской студии кинохроники Н. Х. Коржицкая разрабатывает проект приказа о запуске в производство полнометражного документального фильма под условным названием «Белоруссия» [15]. Не имея полномочий на формирование тематического плана, она пытается заручиться поддержкой 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, начальника Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко [16], председателя Совнаркома БССР И. С. Былинского [17], чтобы сформировать предпосылки для подписания приказа о запуске фильма в производство руководителем Главного управления по производству хроникально-документальных фильмов (структурное подразделение КДК, далее – Главкинохроника) Ф. М. Васильченко. Забегая вперед, отметим, что приказ подписан не был. Тем не менее сохранившийся документ красноречиво свидетельствует о намерении закрепить за отдельными работниками Белорусской студии ведущие роли в создании исторического кинополотна.

Многочисленные правки, внесенные чернилами поверх машинописного текста, говорят сами за себя. Во-первых, рукописные пометы устранили ранжирование кинохроникеров: первоначально белорусскому фронтовому кинооператору И. Н. Вейнеровичу отводилась должность главного оператора, за ним следовали остальные – О. Рейзман, М. Сухова, С. Школьников, В. Фроленко, В. Цеслюк. Это неравноправие устранено правкой: почетная приставка «главный» в документе зачеркнута, равно как и откорректирован персональный список операторов, привлекаемых к работе над лентой. Взамен вычеркнутых В. Фроленко и В. Цеслюка вписывается имя Н. Быкова, завоевавшего к тому времени признание своей партизанской кинохроникой, использованной в фильме «Народные мстители» (режиссер В. Беляев, 1943).

В абзац о привлечении к съемкам операторов киногрупп Калининского, Западного и Центрального фронтов также вносились изменения. Оператор Т. Бунимович, упомянутый первым, также лишился почетной приставки «главный», а взамен вычеркнутого фронтового оператора В. Томберга были вписаны фамилии А. Левитана и В. Цитрона [15].

Драматические коллизии, прорывающиеся сквозь строки этого документа, входят в противоречие со сведениями, изложенными в коллективной монографии «Великая Отечественная война в киноискусстве Беларуси», авторы которой цитируют фрагменты воспоминаний легендарного

боевого кинодокументалиста И. Н. Вейнеровича [18, с. 6–7]. Вспоминая о подготовке к съемкам фильма «Освобождение Советской Белоруссии», он сообщает, что «был назначен на должность главного оператора этого фильма» [18, с. 7]. Очевидно, что это утверждение не подверглось критической проверке, поскольку без ответа остался вопрос о том, почему среди имен трех десятков кинохроникеров, указанных в титрах авторской версии фильма «Освобождение Советской Белоруссии», фамилия И. Н. Вейнеровича отсутствует. Принимая во внимание, что авторство многих кадров, снятых этим белорусским кинохроникером на Лоевском плацдарме, в ходе Гомельско-Речицкой и Калинковичско-Мозырской наступательных операций и впоследствии вошедших в кинокартину, подтверждается съемочно-монтажными листами, логично предположить, что причиной исключения его фамилии из титров стал конфликт с основными авторами киноленты.

О том, что над сценарием фильма об освобождении Белоруссии по поручению КДК В. Корш-Саблин и М. Садкович активно работали уже с конца 1943 г., свидетельствуют два документа, датированные 24 февраля 1944 г. [19; 20].

Первый – это сопроводительное письмо об отклонении руководством КДК представленного В. Корш-Саблиным и М. Садковичем сценария под рабочим названием «Белоруссия» [19], второй – протокол замечаний, которые авторам необходимо учесть при переделке сценария [20].

Особый интерес представляет именно свод замечаний, составленный заместителем начальника Главкинохроники режиссером Р. Кацманом: «Представленный в Главк сценарий фильма “Белоруссия” Корш-Саблина и Садковича (речь идет о самом раннем варианте сценария к фильму “Освобождение Советской Белоруссии”. – К. Р.) в настоящем его виде утверждён быть не может. От сценария документального фильма мы не требуем “железного построения” в том смысле, чтобы в сценарии было все заранее предрешено, твердо намечено распределение материалов. Однако общая композиция будущего фильма, расположение материала в соответствии с основной идейно-творческой направленностью картины должна быть намечена четко. <...> Данный же сценарий таких композиционных контуров будущего фильма не имеет. Он построен по принципу включения в него авторами всего собранного на заданную тему материала. Сценарий перегружен, второстепенное не отделено от главного...».

Далее следует важное распоряжение, свидетельствующее одновременно и о высокой степени доверия к авторам, и о нежелании Главкинохроники затягивать сроки работы: «Нецелесообразно вновь писать сценарий. Значительно правильнее <...> будет товарищам Корш-Саблину и Садковичу в процессе съемок работать уже над окончательным режиссерским планом фильма. В сценарии <...> должны остаться яркие разделы – “рельсовая война” партизан, эпизоды о девушке, убившей Кубе, о партизанах, становящихся в строй Красной Армии, и некоторые другие.

Авторам необходимо учесть при работе над режиссерским сценарием следующие замечания: 1) в историческом разделе ярче показать связь белорусского народа с русским, в частности, дать кадры, связанные с битвой при Лесной, где белорусы, помогая войскам Петра, разбили шведскую армию...» [20, л. 243].

Затем следуют еще одиннадцать замечаний, анализ которых позволяет получить подробное представление об уровне проработанности сценария по состоянию на февраль 1944 г. Едва ли не четвертую часть хронометража фильма авторы намеревались зарезервировать под киноповествование о расцвете довоенной Белоруссии. Сценарием также предусматривалось включение в фильм больших эпизодов, посвященных Битве под Москвой и подвигам генерала Доватора. Кинодокументальный образ командующего Белорусским фронтом К. К. Рокоссовского планировалось раскрыть на уже отснятом хроникальном материале, посвященном визиту таджикской делегации в действующую армию [20, л. 244–245]. Эпизоды, отражающие тему партизанского движения, были перегружены кадрами построений, награждений, изобразительно однообразных передвижений отрядов по лесным тропам.

Последняя страница заключения, составленного Р. Кацманом, посвящена стилю изложения материала в сценарии. Редактор пишет следующее: «Для нас ясно, что в сценарии текст и наметки будущего дикторского текста не играют решающей роли, поскольку текст будет готовиться особо, когда фильм будет смонтирован. Однако <...> во многих местах язык сценария литературно неудачен, тяжеловесен и претенциозен. Мы считаем нужным предостеречь от такого языка

в будущем дикторском тексте. Например: <...> Ночь коварства, вероломства и подлой внезапности; первая ночь наших страданий за всю среднюю четверть двадцатого столетия; <...> везде, куда приходили эти, бог знает что испытывавшие люди, возвращалась жизнь... (выделение подчеркиванием соответствует подлиннику документа. – К. Р.)» [20, л. 246].

Вопиющие лексические обороты и несовершенство стиля сценария порождают сомнения в причастности к его составлению ближайшего соратника В. Корш-Саблина – режиссера, сценариста и писателя М. Садковича.

Этот вопрос представляется важным, поэтому отметим, что Николай Федорович Садкович (художественный псевдоним Микола Садкович), уроженец Орши, успешно окончил Государственный техникум кинематографии (далее – ГТК), где слушал лекции С. Эйзенштейна и других классиков советского кино, в 1928 г. совместно с однокурсником Л. Голубом написал сценарий и поставил ленту «Счастливые кольца», ставшую первым в истории ГТК полнометражным «дипломом». В активе Н. Ф. Садковича был опыт постановки фильма «Песнь о первой девушке» (1930), соавторство сценария для фильма «Отцы», постановка кинолент «Шумы, городок» и «Майская ночь», снятых на киевской студии накануне войны.

Вопрос об авторстве сценария, представленного на рассмотрение в конце февраля 1944 г., приобретает особый интерес в контексте недавней архивной находки – авторской полнотекстовой рукописи дикторского текста, испещренной собственноручными правками М. Садковича, внесенными им в ходе монтажа фильма «Освобождение Советской Белоруссии» [21]. Изучение двадцатистраничного текста позволяет говорить о его авторе как об умелом стилисте и опытном литераторе, хорошо ориентирующемся в вопросах драматургического соотнесения закадрового нарратива с изобразительным рядом. Таким образом, возникает предположение, что к представленному в КДК 24 февраля 1944 г. сценарию М. Садкович отношения не имел, а сценарная заявка составлялась В. Корш-Саблиным или кем-то из помощников. Впрочем, с января по апрель 1944 г. классик белорусского кино В. Корш-Саблин был крайне занят съемками «Белорусского киноконцерта», что может служить оправданием слабой проработки первой версии сценария.

Невзирая на очевидные изъяны, подвергшиеся довольно жесткой критике со стороны Р. Кацмана, этот вариант сценария уже содержал концептуальную находку, одобренную редактором. Речь идет о символической надписи «историческая хроника», впоследствии не только вошедшей в название фильма, но и во многом предопределившей стилистику всей ленты.

Следующий документ, позволяющий датировать начало очередного, возможно, наиболее важного этапа работы над фильмом, – это удостоверение, выданное Главным политуправлением РККА режиссеру В. Корш-Саблину 10 мая 1944 г. (к этому времени работа над «Белорусским киноконцертом» была уже завершена). Согласно тексту документа, его обладатель направлялся в передовые части 1-го и 2-го Белорусских фронтов для съемок фильма «Белоруссия» сроком на один месяц – с 12 мая по 12 июня 1944 г. [22].

Командировка В. Корш-Саблина в действующую армию оказалась для будущего фильма без преувеличения судьбоносной. Искомый результат обеспечило личное общение с фронтовыми операторами Н. Вихиревым, Д. Ибрагимовым, Н. Казаковым, Е. Мухиным, Г. Островским, М. Посельским, А. Софьиным, с энтузиазмом откликнувшимися на съемочные указания режиссера. Не менее ценной явилась дружеская помощь, оказанная В. Корш-Саблину начальником киногруппы 1-го Белорусского фронта режиссером Федором Киселевым, который к тому времени накопил огромный опыт фронтовых киносъемок и снял несколько документальных лент, среди них наибольшую известность получила двухчастевка «Сражение за Гомель» (1943). Можно утверждать, что подходы к сюжетосложению будущего фильма, заключающиеся в монтажном сопоставлении неделимых монтажных единиц – фронтовых или партизанских репортажей и очерков, В. Корш-Саблин почерпнул у своего боевого коллеги. Высокообразованный и глубоко понимающий природу кинохроникального материала, режиссер Ф. И. Киселев оказался именно тем художником, чья консультативная и практическая помощь оказалась бесценной для фильма об освобождении Белоруссии.

Отметим, что В. Корш-Саблин в полной мере оценил оказанное ему содействие. Когда работа над лентой была завершена, в ее титрах помимо авторов, кинохроникеров, звукооператоров

и других участников кинопроцесса были упомянуты имена начальников фронтовых киногорупп 3-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов Ф. Филя, Ф. Киселева, С. Гурова, А. Медведкина, М. Трояновского, а также руководителя отдела фронтовой кинохроники КДК В. Штатланда.

Новые сведения о дальнейших метаморфозах сюжетно-композиционного построения фильма режиссеров В. Корш-Саблина и М. Садковича содержатся в стенограмме заседания художественного совета Центральной студии документальных фильмов (далее – ЦСДФ) от 13 декабря 1944 г., созванного директором студии С. Герасимовым для внесения окончательных правок в монтажную структуру фильма. Эта стенограмма является наиболее поздним по хронологии документом, в котором используется рабочее название киноленты – «Белоруссия». Свое полное название – «Освобождение Советской Белоруссии (историческая хроника)» фильм получит позже, предположительно, между 5 января и 1 февраля 1945 г.

Подлинник стенограммы [23], хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва), пострадал летом 2019 г. в результате тушения пожара хранилища, расположенного на улице Выборгской. Сейчас этот артефакт реставрируется и вскоре будет вновь доступен для изучения. Расшифровка текста стенограммы была выполнена автором статьи еще в 2017 г., поэтому сегодня имеется возможность обратиться к наиболее важным для целей исследования фрагментам текста.

На заседании художественного совета, в состав которого входил ряд ведущих московских режиссеров (в конце войны заняться кинодокументалистикой довелось многим именитым мастерам советского художественного кино), в качестве приглашенных присутствовали В. Корш-Саблин и М. Садкович. Положение белорусских авторов – в контексте негласной установки сконцентрироваться на создании полнометражных документальных лент о наиболее успешных военно-стратегических операциях 1944 г., так называемых «десяти сталинских ударах», – было объективно сложным.

Директор ЦСДФ С. Герасимов открыл заседание и обозначил его цель: «У нас сегодня в повестке дня обсуждение кинофильма “Белоруссия”. Обсуждение последнее и решительное. <...> [Достигнуто] единогласие по поводу всей картины в целом, но есть разногласия в смысле финала» [23, л. 8].

Из преамбулы С. Герасимова ясно, что худсовет ЦСДФ рассматривает монтажную сборку фильма не впервые и лимит времени на производство кинокартины истекает.

Все обсуждаемые вопросы, включая такие «тонкие материи», как, например, художественные аспекты повторного использования известных зрителю фильмотечных кадров, директор студии сводит к проблеме финала: «...[раньше] мы выпускали фронтовые выпуски, и некоторый материал был дискредитирован. Я совершенно убежден, что [лучшее из] этого материала [режиссеры] имеют право показывать еще раз, снова. <...> Нужно собрать и показать, что за силы были сконцентрированы Главным управлением Красной Армии <...> Нужно показать исторические, решающие удары в Белоруссии. Этого кульминационного удара нет» [23, л. 8].

Анализ стенограммы приводит к выводу, что в одну из монтажныхборок фильма, продемонстрированную членам худсовета на предыдущих заседаниях, были включены киноэпизоды о заключительном этапе операции «Багратион», снятые в ходе боев за Вильнюс и западнее, в районе Каунаса. Понятно, что проблема финала не могла получить удовлетворительного решения до тех пор, пока не была устранена идейно-содержательная двусмысленность: посвящен ли создаваемый фильм борьбе за освобождение белорусского народа и восстановлению его государственности или же авторы должны сконцентрироваться на хроникальном отображении боевого пути частей Красной Армии в ходе победоносной операции «Багратион», в том числе и за пределами Белоруссии?!

Понимая безвыходность положения, в котором пребывают белорусские кинорежиссеры, директор ЦСДФ С. Герасимов разрушает гордиев узел: «Здесь стоит другая задача. Эта картина – народная. Она не может быть [раскрыта] только стратегически. Здесь необычная картина, [здесь] народная тема. И если мы показываем победы партизанского движения, то их нужно показать не только зрительно, но и [поддержать] текстом» [23, л. 9].

В конце стенограммы есть абзац, позволяющий установить приблизительную дату написания окончательного варианта дикторского текста, хранящегося в БГАМЛИ. Председатель заседания

замечает: «Товарищ Садкович, молодой автор, терпит известные убытки на нашем художественном совете и мне хочется защитить его тем [аргументом], что легче всего [писать дикторский текст с позиций] познавательной точности. Я говорю, что эта картина резко отличается от фильма Ю. Райзмана (имеется в виду фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией». – *К. Р.*). Там было самым холодным и злым языком рассказано <...> о силе Красной Армии, которая может в совершенно определенные сроки решать те задачи, которые ставит высшее командование» [23, л. 9].

Смысл этого соображения понятен: коль теперь В. Корш-Саблину, получившему карт-бланш на сугубо «народную» трактовку материала, предстоит перекомпоновывать монтажную структуру всего фильма, то и М. Садковичу предстоит «терпеть известные убытки», поскольку дикторский текст должен стать иным. Из этого следует, что к практической реализации решений худсовета авторы в полную силу могли приступить, вероятнее всего, не ранее начала января 1945 г.

Исходя из того исторического факта, что первый публичный показ фильма состоялся 20 февраля 1945 г. в минском Доме Красной Армии, следует вывод о том, что большой объем монтажных правок, составление и запись нового варианта дикторского текста, озвучивание и перезапись авторы успели осуществить за январь и первую половину февраля 1945 г.

Анализ стенограммы заседания худсовета от 13 декабря 1944 г. следует завершить упоминанием о предложении С. Герасимова, касающемся проблемы финального эпизода: «В одном из журналов появился кадр с поездом “Москва–Минск”. Мне очень жалко, что этого материала в картине нет. Идет поезд по освобожденной Белоруссии, очень красивые, хорошие куски...» [23, л. 9].

Системное изучение киножурнала «Савецкая Беларусь» военных лет позволило определить происхождение этих кадров. Речь идет о сюжете фронтового оператора Ф. Кротик-Короткевича «На вызваленай зямлі», включенном в октябрьский выпуск киножурнала «Савецкая Беларусь» (1944, № 5). Кинохроникер творчески осмыслил путь от Белорусского вокзала в Москве до Минска, зафиксировал следы кровопролитных битв на пути следования поезда, запечатлел энтузиазм людей, восстанавливающих мирную жизнь в столице Белоруссии. Тем не менее советом С. Герасимова авторы фильма «Освобождение Советской Белоруссии» не воспользовались, эти кадры в монтаже использованы не были.

Остается открытым вопрос о дате окончания производства ленты. Требуется дать удовлетворительное толкование тому факту, что между премьерным показом (20 февраля 1945 г.) в Минске и началом массового проката фильма в московских кинотеатрах (8–9 июля 1945 г.) существует промежуток более чем в четыре месяца.

Причина задержки выпуска кинокартины на большой экран в феврале–марте 1945 г. до сего времени оставалась неизвестной. Отгадка обнаружилась в письме директора ЦСДФ С. Герасимова командующему 1-м Белорусским фронтом Г. Жукову от 14 марта 1945 г. Цель письма – проинформировать маршала о намерениях студии усилить состав киногоруппы, снимающей хроникальный материал для фильма режиссера Ю. Райзмана «Берлин». С. Герасимов сообщает, что в распоряжение Г. Жукова поступят операторы киногоруппы А. Медведкина, ранее снимавшие на 3-м Белорусском фронте, а также особая команда сержантов-«киноавтоматчиков» с узкоплечными камерами. В конце своего письма директор ЦСДФ С. Герасимов сообщает маршалу Жукову, что «студия документальных фильмов в настоящее время заканчивает производством большой документальный фильм, посвященный боевому пути Белорусских фронтов и освобождению Советской Белоруссии» [24].

Очевидно, что уклончиво-неопределенное «в настоящее время заканчивает производством» растянулось на несколько месяцев, до мая–июня 1945 г. Процитированный документ объясняет перенос широкой демонстрации фильма на июль 1945 г., при этом оставляя в тени содержание переделок. В рамках рабочей гипотезы можно предположить, что пролонгация монтажно-тонировочного периода была связана с вопросом о включении в фильм боевой кинохроники, снятой в июле 1944 г. в западных областях Белоруссии. Так или иначе, но работа над фильмом продолжалась с декабря 1943 по май–июнь 1945 г., т. е. 17–18 месяцев.

Подводя итог, отметим, что работа над фильмом «Освобождение Советской Белоруссии» велась существенно дольше, чем над большинством других кинокартин военных лет: кинолента «Разгром немецких войск под Москвой» Л. Варламова и И. Копалина создавалась около двух ме-

сяцев; картина «Ленинград в борьбе» (режиссеры Р. Кармен, В. Соловцев, Н. Комаревцев, Е. Учитель, 1942) – семь месяцев с учетом радикального перемонтажа; фильм «День войны» (режиссер М. Слущкий, 1942) – пять месяцев; кинолента «Сталинград» (режиссер Л. Варламов, 1943) – немногим более трех; над фильмом «Битва за нашу Советскую Украину» режиссер А. Довженко работал девять месяцев; режиссер Ю. Райзман завершил работу над лентой «К вопросу о перемирии с Финляндией» за пять, а на эпический фильм «Берлин» тот же Ю. Райзман потратил всего два с половиной месяца.

Единственная кинокартина военных лет, срок создания которой оказался сопоставимым с периодом производства фильма В. Корш-Саблина и М. Садковича, – это вторая военная документальная лента А. Довженко и Ю. Солнцева «Победа на Правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель» (производство ЦСДФ и Украинской студии кинохроники, 1944). Работа над фильмом продолжалась с декабря 1943 по май 1945 г., т. е. 17 месяцев (датой выпуска киноленты считается 12 мая 1945 г.).

Заключение. Сходство, хотя и не полное тождество острых творческих коллизий, развернувшихся вокруг процесса создания упомянутой украинской и проанализированной белорусской киноленты, а также объем концептуальных переделок, выполненных авторами этих произведений, обусловлены не столько художественно-эстетическими и сюжетно-композиционными, сколько политическими соображениями, непосредственно связанными с проблемами послевоенного мироустройства.

Несомненная заслуга В. Корш-Саблина и М. Садковича заключается в их готовности к трансформации первоначальной концепции ленты: стартовав с позиций парадного военно-исторического фильма о «пятом сталинском ударе», произведение эволюционировало в направлении народной киносаги, повествующей о борьбе, потерях, героизме и торжестве белорусского народа. Отвергнув дидактичную модель «всесторонне выверенного» документального фильма конца 1930-х гг., авторы соединили такие компоненты, которые ранее объединять никто не решался. Закадровый комментарий приобрел тональность эмоционально-философского авторского нарратива, а фронтовой и партизанской кинохронике (пронзительной по своей фотографической выразительности) авторы делегировали функцию создания на экране особого временного континуума, который лишь подчеркивал достоверность кинодокумента. Синтез новаторских подходов, реализованных как в изображении, так и в фонограмме, обеспечил творческий результат, сохранивший свою актуальность до конца кинолентной эпохи.

Список использованных источников

1. Садуль, Ж. Всеобщая история кино : пер с фр. : в 6 т. / Ж. Садуль ; общ. ред. и вступ. ст. С. И. Юткевича. – М. : Искусство, 1958. – 6 т.
2. Красинский, А. В. Киноискусство Советской Белоруссии / А. В. Красинский, Г. П. Тарасевич, В. И. Смаль. – Минск : [б. и.], 1961. – 42 с.
3. Красінскі, А. В. Беларускае кіно: кароткі нарыс / А. В. Красінскі, В. І. Смаль, Г. П. Тарасевіч. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1962. – 220 с.
4. История белорусского кино, 1924–1945 / А. В. Красинский [и др.] ; ред.: В. И. Нефед, И. Л. Долинский. – Минск : Наука и техника, 1968. – 238 с.
5. Красинский, А. В. Юрий Тарич / А. В. Красинский. – Минск : Наука и техника, 1971. – 148 с.
6. Красинский, А. В. Экран земли Белорусской: страницы истории белорусского кино / А. В. Красинский. – М. : Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды совет. киноискусства, 1973. – 72 с.
7. Бондарева, Е. Л. В кадре и за кадром: о людях и фильмах белорусского кино / Е. Л. Бондарева. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 208 с.
8. Смаль, В. И. На экране – герой и народ / В. И. Смаль. – Минск : Наука и техника, 1974. – 192 с.
9. История советского кино. 1917–1967 : в 4 т. / Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР ; [редкол.: Х. Абул-Касымов и др.]. – М. : Искусство, 1969–1978. – Т. 1. – 1969. – 756 с.
10. Бондарева, Е. Л. Кинолента длиной в жизнь: очерк творческой биографии народного артиста СССР кинорежиссера В. В. Корш-Саблина / Е. Л. Бондарева. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 207 с.
11. Смаль, В. И. Сквозь призму десятилетий: о политике Компартии Белоруссии в области киноискусства в 20–30-е годы / В. И. Смаль. – Минск : Наука и техника, 1980. – 150 с.
12. Красинский, А. В. История моего кино / А. В. Красинский. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 232 с.
13. Смирнов, В. Документальные фильмы о Великой Отечественной войне / В. Смирнов. – М. : Госкиноиздат, 1947 (Рига : Тип. газ. «За Родину»). – 280 с.

14. Список творческих работников белорусского кино. 15 июля 1943 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 267.
15. Проект приказа о запуске в производство хроникально-документального фильма «Белоруссия». Октябрь 1943 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 270.
16. Письмо Н. Коржицкой П. Пономаренко. Октябрь 1943 г. (предположительно) // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 271.
17. Письмо Н. Коржицкой И. Былинскому. Ноябрь 1943 г. (предположительно) // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 271; Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 249.
18. Великая Отечественная война в киноискусстве Беларуси / А. А. Карпилова [и др.] ; редкол.: А. А. Карпилова, О. Ф. Нечай, А. В. Красинский. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 339 с.
19. Сопроводительное письмо зам. начальника Главкинохроники Р. Кацмана об отклонении сценария режиссеров В. Корш-Саблина и М. Садковича. 24 февраля 1944 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 242.
20. Перечень замечаний и доработок по сценарию полнометражного фильма «Белоруссия». 24 февраля 1944 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 243–246.
21. Дикторский текст М. Садковича к документальному фильму «Освобождение Советской Белоруссии». Машинопись с авторской правкой, январь–май 1945 г. (предположительно) // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 467. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–19.
22. Удостоверение режиссера В. Корш-Саблина, командированного в полосу 1-го и 2-го Белорусских фронтов. 10 мая 1944 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 112. Оп. 1. Д. 1022. Л. 8.
23. Стенограмма заседания художественного совета ЦСДФ. 13 декабря 1944 года // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2451. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-9.
24. Письмо директора ЦСДФ С. Герасимова командующему 1-м Белорусским фронтом Г. Жукову. 14 марта 1945 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2487. Оп. 1. Д. 1004. Л. 124–125.

References

1. Sadoul G. *General history of cinema*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1958. 6 vol. (in Russian).
2. Krasinskii A. V., Tarasevich G. P., Smal' V. I. *Cinematography of Soviet Belarus*. Minsk, 1961. 42 p. (in Russian).
3. Krasinski A. V., Smal' V. I., Tarasevich G. P. *Belarusian cinema: a short essay*. Minsk, Publishing House Academy of Sciences of the BSSR, 1962. 220 p. (in Russian).
4. Krasinskii A. V. Smal' V. I. Nechai O. F. Ratnikov G. V. Podberezskii G. P. *History of Belarusian cinema, 1924–1945*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1968. 238 p. (in Russian).
5. Krasinskii A. V. *Yuri Tarich*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971. 148 p. (in Russian).
6. Krasinskii A. V. *Screen of the Belarusian land: pages of the history of Belarusian cinema*. Moscow, Union of Cinematographers of the USSR, Propaganda Bureau of Soviet Cinematography, 1973. 72 p. (in Russian).
7. Bondareva E. L. *In the frame and behind the scenes (about people and films of the Belarusian cinema)*. Minsk, Belarusian State University Publishing House, 1973. 208 p. (in Russian).
8. Smal' V. I. *On the screen – the hero and the people*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1974. 192 p. (in Russian).
9. Abul-Kasymova Kh. (ed.) (et al.). *History of Soviet cinema. 1917–1967*. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 756 p. (in Russian).
10. Bondareva E. L. *Life-long film: an essay on the creative biography of the people's artist of the USSR film director V. V. Korsh-Sablin*. Minsk, Belarusian State University Publishing House, 1980. 207 p. (in Russian).
11. Smal' V. I. *Through the prism of decades: on the policy of the Communist Party of Belarus in the field of cinematography in the 20–30s*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1980. 150 p. (in Russian).
12. Krasinskii A. V. *History of my cinema*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 232 p. (in Russian).
13. Smirnov V. *Documentaries about the Great Patriotic War*. Moscow, Goskinoizdat Publ., 1947 (Riga, Tipografiya gazety "Za Rodinu" Publ.). 280 p. (in Russian).
14. List of creative workers of the Belarusian cinema. July 15, 1943. *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 267 (in Russian).
15. Draft order to launch the production of the newsreel-documentary film "Belarus". October 1943. *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 270 (in Russian).
16. Letter from N. Korzhitskaya to P. Ponomarenko. October 1943 (presumably). *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 271 (in Russian).
17. Letter from N. Korzhitskaya to I. Bylinsky. November 1943 (presumably). *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 271; F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 249 (in Russian).
18. Karpilova A., Nechai O., Krasinskii A., Ratnikov G., Medvedeva O., Shur G. (et al.). *The Great Patriotic War in the cinematography of Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010. 339 p. (in Russian).
19. Cover letter to deputy head of the Glavkinochronika R. Katsman about the rejection of the script directed by V. Korsh-Sablin and M. Sadvovich. February 24, 1944. *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 242 (in Russian).
20. List of comments and improvements on the script of the full-length film "Belarus". February 24, 1944. *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 243–246 (in Russian).

21. Narration by M. Sadkovich for the documentary film “Liberation of Soviet Belarus”. Typescript with author’s correction, January-May 1945 (presumably). *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 467. Op. 1. D. 19. L. 1–19 (in Russian).

22. Certificate of director V. Korsh-Sablin, seconded to the 1st and 2nd Belorussian fronts. May 10, 1944. *Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLI)*. F. 112. Op. 1. D. 1022. L. 8 (in Russian).

23. Transcript of the meeting of the artistic council of the TSSDF. December 13, 1944. *Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)*. F. 2451. Op. 1. D. 1. L. 8–9 (in Russian).

24. Letter from the director of the TSSDF S. Gerasimov to the commander of the 1st Belorussian Front G. Zhukov. March 14, 1945. *Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)*. F. 2487. Op. 1. D. 1004. L. 124–125 (in Russian).

Информация об авторе

Ремишевский Константин Игоревич – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь). E-mail: remika1963@gmail.com

Information about the author

Kanstantsin I. Ramisheuski – Ph. D. (Art Crit.), Associate Professor, Senior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: remika1963@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 72.01:7.01
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-217-224>

Поступила в редакцию 19.05.2021
Received 19.05.2021

Ю. Ю. Захарина

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

АРХЕТИПЫ ОБРАЗОВ НЕЛИНЕЙНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНОЕ УПОДОБЛЕНИЕ

Аннотация. Впервые рассматривается проблема обращения зодчих цифровой эпохи к воспроизведению объектов органического мира средствами нелинейного формообразования. Целью статьи является установление архетипичной природы образов нелинейной архитектуры через суть явления спорадичности и сознательного выбора. В основе исследования лежит авторская художественно-образная концепция, выражающая триединство проявлений сущности искусства в симбиозе феноменологической, процессуальной (эволюционной) и репродуцированной экзистенций. Методологической базой выступают научные труды зарубежных и отечественных теоретиков искусства и архитектуры (Ф. Джонсон, А. Видлер, П. Шумахер, И. А. Добрицына, И. А. Азизян, Е. А. Лапшина, Е. М. Соколова, А. С. Шамрук). Посредством ретроспективного и сравнительного анализа в сопоставлении с общими тенденциями развития искусства выявляются интенции зодчих к подражанию объектам окружающей действительности в формах и структурах сооружений. Обосновывается преднамеренность и случайность в моделировании образов нелинейной архитектуры как результата синтетической деятельности зодчих и искусственного интеллекта. Делается вывод о том, что в апеллировании к прообразам реальной действительности зодчий цифровой эпохи (как творец материального сущего) выступил в роли создателя прекрасного, конструируемого по образу и подобию природы.

Ключевые слова: архитектурный образ, архетип, нелинейная архитектура, цифровая эпоха, органическая материя

Для цитирования: Захарина, Ю. Ю. Архетипы образов нелинейной архитектуры: случайность или сознательное уподобление / Ю. Ю. Захарина // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 217–224 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-217-224>

Yuliya Y. Zakharyna

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

ARCHETYPES OF IMAGES OF NONLINEAR ARCHITECTURE: RANDOMNESS OR CONSCIOUS ASSIMILATION

Abstract. For the first time in art history the problem of the appeal of architects of the digital era to the reconstruction of images of objects of the organic world through nonlinear shaping is raised. The aim of the research is to establish the archetypal nature of the images of nonlinear architecture through the essence of the phenomenon of sporadicity and conscious choice. It is revealed on the basis of the author's artistic and figurative concept, which represents architecture as a symbiosis of phenomenological, procedural (evolutionary) and reproduced existences. The methodological basis is provided by the scientific works of scientists in the field of art and architecture (F. Johnson, A. Vidler, P. Schumacher, I. Dobritsyna, I. Azizyan, E. Lapshina, E. Sokolova, A. Shamruk). Through the prism of retrospection and comparative analysis, the architects aspirations to imitate the objects of the surrounding reality in the forms and structures of structures are revealed. The author substantiates the premeditation and randomness in the modeling of images of nonlinear architecture as a result of synthetic architecture. It is concluded that in appealing to the prototypes of real reality, the architect of the digital age acted as the creator of the beautiful, designed in the image and likeness of nature.

Keywords: architectural image, archetype, nonlinear architecture, digital age, organic matter

For citation: Zakharyna Yu. Y. Archetypes of images of nonlinear architecture: randomness or conscious assimilation. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 217–224 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-217-224>

Введение. Образы архитектуры всегда запечатлевали картину мира, преломляя в своем содержании ощущение человеком окружающей действительности – реальной или виртуальной, изведенной или неразгаданной. Осознанно или бессознательно мастера архитектуры следовали правилам воспроизведения органической сущности, заложенной самой природой творчества. В архитектурных формах и структурах увековечивались ценности мироздания – духовные и ма-

териальные, выражающие творческим импульсом зодчего отношение к историко-культурным достояниям и природному естеству.

Архитектура каждой эпохи, независимо от вкусовых предпочтений общества, уровня научно-технического развития, сложившейся мировоззренческой системы, воссоздавала в формах сущую предметно-пространственную среду, тем самым задавая предпосылки коммуницирования с объектами окружающей действительности. Образное выражение знаний о мире, непременно присутствующее архитектурным формам, композициям, выступало условием включения художественных текстов в информационный контент. Символизированные в архитектурных образах представления социума об устройстве вселенной выражались как в общей структуре и композиционной логике построек, так и в деталях, непременно следуя физическим законам бытия. И только нелинейная архитектура, строящая картину мира на основе принципов неевклидовой геометрии, создала переворот в трактовке форм и их элементов, существующих как самодостаточные материи, за пределами мыслимой экзистенции.

Целью статьи является установление архетипичной природы образов нелинейной архитектуры через суть явления спорадичности и сознательного выбора. Основу исследования определяет *художественно-образная концепция*, выражающая триединство проявлений природы искусства в симбиозе феноменологической, процессуальной (эволюционной) и репродуцированной экзистенций (Ю. Ю. Захарина). Методологическое основание составляют научные исследования ведущих теоретиков искусства в области нелинейной архитектуры – Ф. Джонсона [1], А. Видлера [2], П. Шумахера [3], И. А. Добрицыной [4–6], И. А. Азизян [6], Е. А. Лапшиной [7], Е. М. Соколовой [8], А. С. Шамрук [9].

Основная часть. Многовековая история архитектуры свидетельствует о непосредственном подражании образам окружающего человека мира и образам вселенной в целом. Уже примитивные постройки первобытной эпохи, созданные руками человека, удостоверяют подлинность стремления творцов репродуцировать универсум в единстве организованных в систему частей с соблюдением принципа аналогий. Землянки, гробницы и культовые сооружения наших далеких предков образно воспроизводят не только отдельные объекты природного мира (горные массивы, скалистые образования), но и само устройство его функционирования. Они выступают наглядной моделью мироздания, в которой четко разграничены наземное и подземное пространство (в понимании древних людей – царство земное и царство замогильное), образующее единое целое.

Величайшие рукотворные сооружения мастеров древних цивилизаций (Египта, Месопотамии, Америки) – от отдельных гробниц до грандиозных культовых комплексов – отражают в символике образов непоколебимость и вечность, заключенные в наиболее устойчивую геометрическую форму. Олицетворяющая гору пирамида предстает метафорой постоянства, нетленности, каковыми обладают высшие существа – боги. Архитектурная форма пирамиды отождествляется с обителью богов – вечным домом и миром в целом.

Античное толкование архитектурной формы, наследуя сущностное от своих предшественников, апеллирует к мифологическим архетипам. Глубинно обосновывая миропорядок и представляя его в образе мирового дерева, античные мастера концептуально осмысливают и презентуют тройственную структуру мироустройства. Как классическая система организации элементов она получает поддержку в последующие эпохи, одновременно символизируя и триединство бога (в христианской культуре). Но каждый элемент этой структуры вновь отсылает к прообразам окружающего мира. В одних постройках двускатная крыша как символ неба (обители божьей) своим силуэтом напоминает гору. В других купол (с той же символической нагрузкой) являет небесную сферу. Строй колонн, окаймляющих древнегреческие храмы или разделяющих пространство христианских базилик на нефы, воссоздает картину растительного мира. В то же время основание сооружения, уходящее в землю, выступает метафорой потустороннего бытия.

Все историческое развитие архитектуры – от истоков до рубежа XX – XXI вв. – подтверждает факт поступательного движения художественного мышления мастеров, в основе которого лежало осознание формы как выражения сущности произведения искусства. Многообразие художественных форм, классифицируемых и идентифицируемых на основе стилового подхода, являлось показателем закономерной трансформации эстетических предпочтений, мировоззренческих по-

зиций с преобладанием традиционных подходов к моделированию образов. Устойчивость принципов проектирования, основанная на понимании красоты как гармонически стройной системы, воспроизводимой на основе геометрической теории Евклида, столетиями определяла логику мышления зодчих.

Обратившись к неевклидовой геометрии как основе построения форм и организации элементов системы, зодчие сломали традиционное художественное мышление, дав свободу порывам творческой энергии. Каждый созданный на основе нелинейного формообразования архитектурный объект стал выразителем новых идей, воззрений, устремлений. В результате образы нелинейной архитектуры оказались за пределами какого-либо стиля. Даже деконструктивизм или параметризм не смогли выразить всей сути воссоздаваемой в объектах нелинейной архитектуры картины мира. Отрицая стилевую общность нелинейной архитектуры, последователь постмодернистской эстетики Ф. Джонсон подчеркнул, что деконструктивистская архитектура как одно из проявлений нелинейного мышления зодчих не представляет единого движения или стиля; она являет собой «конкатенацию похожих штампов из разных частей мира» [1, с. 7].

Первые опыты осмысления нелинейной парадигмы обозначились в бумажной архитектуре деконструктивизма во второй половине 1980-х гг. Под влиянием цифровизации, интенсивно завоевывающей социокультурное пространство, нелинейное формообразование получило воплощение в реальной действительности всего спустя десятилетие. Пионеры нового движения (П. Эйзенман, Ф. Гери, З. Хадид, Р. Кулхаас, Д. Либескинд, Б. Чуми, арх. бюро «Coop Himmelb(l)au»), основанного на внедрении прогрессивных технологий в архитектурно-строительную практику, доказали возможность реализации внешне неустойчивых, неуравновешенных, искаженных форм и структур в урбанистической среде.

Нелинейное мышление создало предпосылки явления отчужденности архитектурных образов от реалий бытия. Но эта видимая отстраненность не препятствовала установлению органической взаимосвязи архитектурных форм со средой. Эффектные, экстраординарные архитектурные композиции, ставшие результатом нового подхода к формообразованию, гармонично вписывались в ландшафт вне зависимости от его характера – будь то урбанистические структуры с доминированием рукотворного начала или природный пейзаж, нетронутый рукой человека. Они словно вырастали из окружения, акцентируя его характер. В итоге «агрессивные» приемы художественного творчества, применяемые в нелинейной архитектуре, «...сделали искусство менее отчужденным, чем то состояние, на которое они были ориентированы» [2, с. 9].

«Парадокс непредсказуемости» нелинейной архитектуры, к которому отсылает в своих рассуждениях И. А. Добрицына, очертил архетипичную связь зодчества цифровой эпохи с природными явлениями. В основе экзистенции образов нелинейной архитектуры лежало уподобление органической материи или, по крайней мере, приближение к «поведению» природных систем...» [3, с. 202–203]. Именно внезапность, случайность, непрогнозируемость конечного результата способствовали переменности вариабельности архитектурных тел, свойственной биологической эволюции. Эту мысль подчеркивает в рассуждениях о нелинейной архитектуре российский исследователь Е. М. Соколова, отождествляя формы современных сооружений с «живым организмом или космосом, существующим по законам живого организма» [8].

Прибегая к средствам компьютерного моделирования, зодчие открыли новое толкование архитектурных форм, основанное на бивалентности смыслов, лежащих «...в зоне пересечения ассоциаций между техникой и природой, архитектурой и мыслительными конструкциями, природой и мыслительными конструкциями» [7, с. 84]. Метафорический характер архитектуры, свойственный всей постмодернистской эстетике, предопределил множество прочтений текстов, носителями которых явились главным образом архитектурные формы и материалы, из которых они создавались. «Высказывания», запечатленные в архитектурных формах, уже не были прямолинейными и однозначными. Они и рождались как бесконечный поток эмоций, переживаний, детерминированный холодной расчетливостью машин.

Напоминающие арт-объекты архитектурные тела, готовые, потеряв равновесие, непременно обрушиться, все же сохраняли свои функциональные свойства, присущие зодчеству а priori. Однако это уже были не функционально ориентированные объекты с четким разграничением

пространства под определенные задачи, а многоплановые по своему профилю сооружения, гибкие к приспособлению под меняющиеся требования.

Наиболее ярко и многогранно специфику нелинейной архитектуры выразили зрелищные сооружения и выставочные павильоны. В открытых к пространственной организации структурах в полной мере раскрылись идеи произвольного моделирования форм. Определенные зодчими (архитектурными бюро) задачи, решаемые с привлечением искусственного интеллекта, здесь допускали вариативность интерпретации композиций, планов. Художественный замысел предполагал некоторую подвижность, непредсказуемость конечного результата – именно тот эффект, который свойственен объектам органического мира.

Несмотря на произвольность форм и явно выраженную техногенность образных характеристик нелинейной архитектуры, в формах зданий, сооружений получили воплощение флористические мотивы. Но если в архитектуре всех предшествующих эпох образ цветка в формах и деталях всегда подвергался стилизации и отражал в своем предметном содержании символику культурно-исторических смыслов эпохи (цветок розы в окнах готических соборов, цветок лотоса в формах буддийских культовых сооружений, мотивы местной флоры в декоре зданий модерна), то в возведенных на основе нелинейного формообразования постройках конца XX – начала XXI в. флористическая тематика прозвучала лишь как один из лейтмотивов. Выражая главную (основную) или побочную (с дополнительной нагрузкой) мысль художественного произведения, флористическая форма акцентировала ценностные ориентиры социума, из совокупности которых выстраивается картина мира.

Так, напоминающее межпланетный корабль или неожиданно явившийся из фантастического кинофильма крейсер здание музея Гуггенхайма в Бильбао (Испания, 1997) (рис. 1), построенное по проекту канадского архитектора Френка Оуэна Гери, запечатлело в пластично изогнутых титановых лентах совокупный образ природного мира. Свободное переплетение смятых, закрученных форм, отражающих нелинейные представления зодчего о естественной красоте, не имеющей зеркальной симметрии и равномерности ритмичных членений, породило множественность ассоциаций. В зависимости от ракурса восприятия и времени суток, определяющего освещенность поверхностей, их блеск и цветовое многообразие, здание то походило на гигантского паука, то на спрута с распластанными щупальцами, то на распускающийся цветок. Более массивная центральная часть здания явилась связующим элементом между произвольно скомпонованными объемами. Она и предопределила архетипичность образа, так или иначе соотносящегося с органическим миром.

Рис. 1. Здание музея Гуггенхайма в Бильбао (1997, арх. Ф. Гери)
Fig. 1. The Guggenheim Museum in Bilbao (1997, arch. F. Gehry)

Рис. 2. Здание музея музыки в Сиэтле (2004, арх. Ф. Гери)
 Fig. 2. Experience Music Project in Seattle (2004, arch. F. Gehry)

В проекте здания музея музыки в Сиэтле (США, 2004, арх. Ф. Гери) (рис. 2) тенденция воспроизведения природосообразных форм получила визуальное выражение в более абстрактных, но в то же время целостных, завершенных объемах. Походящие на медуз и каракатиц архитектурные тела посредством пластики очерчивающих формы линий объединились в органично связанную структуру, из которой словно доносилась музыка. Изваяния изогнутых гриффов гитар, небрежно брошенных на смятые поверхности архитектурных объемов, дали подсказку для дешифровки художественного замысла. Моделируя образ движущейся материи, наполняющей звуками окружающее пространство, Ф. Гери спонтанно воспроизвел формы морских организмов. И в этих формах всецело запечатлелась энергия живого существа.

Остроугольные гигантские камни, стоящие на ребре посреди пустынного ландшафта, или кристаллы, пробивающиеся сквозь горные породы, стали прообразами построек, созданных мастерами архитектуры на основе принципов нелинейного формообразования. Словно вырастающий из скалы кристалл кварцевого минерала органично дополнил композиции зданий UFA-кинотеатра в Дрездене (Германия, арх. бюро «Соор Himmelb(1)au», арх. В. Д. Прикс, Г. Свичински, М. Хольцер, 1996–1998) (рис. 3) и Королевского музея в Торонто (Канада, арх. Д. Либескинд, 2007). Объединяющие по два разнохарактерных объема здания выразили в своих образах один из основных законов диалектики – единства и борьбы противоположностей, на основе которого функционируют все природные системы. Сочетание кристально чистого, прозрачного стекла, очерчивающего неустойчивые, вырывающиеся из прочной материи объемы и каменной массы, выступающей остовом для новообразования, воссоздало природный мир в его истинных проявлениях. Связанные воедино разнородные материи, существующие за пределами правил гравитации, выразили преднамеренное следование зодчими законам природы.

«Сплетенные» наподобие паутины или грибницы, «сотканые» по образу птичьего гнезда или выстроенные в виде улья архитектурные композиции, выражающие нелинейность мышления авторов, стали отражением архетипичности, родства природных и созданных человеком архитектурных форм и их структур. Определяемые понятием «ризомы» (т. е. свободные построения конструкций, не имеющие в основе линейной структуры, где каждый элемент является равнозначной частью цепи и констатирует взаимосвязь предшествующих и последующих модулей), эти биоморфные «архитектурные организмы» импортировали правила, принципы, закономерности существования природной материи в искусственную среду.

Определяя образность зданий, сооружений нелинейной архитектуры, немецкий архитектор, теоретик параметризма П. Шумахер обозначил такой из главенствующих ее признаков, как «элегантность текучести без шва, родственной естественным системам» [3]. К понятию «ризомы»

Рис.3. UFA-кинотеатр в Дрездене (1996–1998, арх. бюро «Coop Himmelb(l)au»)
 Fig. 3. Ufa-Kristallpalast in Dresden (1996–1998, arch. Group «Coop Himmelb(l)au»)

как одному из основополагающих смыслов нелинейной архитектуры апеллировали в определении природы зодчества цифровой эпохи российские и белорусские исследователи [5; 6; 9], подчеркивая эффект случайности, непредвиденности в рождении образов. Бесконечная вариабельность структур и взаимосвязей их элементов даже в схожих формах породила все новые образные характеристики.

Произвольные формы, являющиеся имитацией природной материи, или сконструированные из «нитей» легкие структуры, парящие над созданной тысячелетиями монументальной природно-пространственной средой, очертили смысловое поле диалогов цифровой эпохи. За визуально шаткими, неожиданно явившимися и «взорвавшимися» контекст среды объемами – массивными или утонченными, полигональными или пластичными – таилась новая логика познания природного мира. В отличие от прошлых опытов мастеров архитектуры в новых экспериментах уже не было прямого подражания органической природе, основанного на репродуцировании внешних проявлений – оболочек форм. Здесь воспроизводились законы, принципы, правила существования органических тел во Вселенной.

В плавных изгибах линий, очерчивающих композицию здания Харбинского большого театра (Китай, арх. Ма Яньсун, 2015) (рис. 4), в новом облике возродилась одна из форм органического мира, известная истории искусства – барочная жемчужина или раковина моллюска. Но если в искусстве барокко и рококо волнообразные линии лишь отголосками доносили взаимосвязь рукотворных форм с естественно рожденными в природной среде объектами, то в этом образе раскрылась идея самопроизвольно явившейся материи, уникальной по своей форме и структурной организации элементов.

«Паутинные переплетения» задали основу формирования композиций зданий с более сложной пространственной организацией – культурного центра Метрополь Парасоль в Севилье (Италия, арх. Ю. Майер, 2011), павильона Великобритании «Танец пчелы» на Экспо-2015 в Милане (Италия, 2015, дизайнер В. Баттресс, инж. Т. Симмондс) (рис. 5), театра в Гуанчжоу (Китай, арх. С. Чилтон, проект 2018). Купольные и сетчатые структуры сооружений запечатлели в конструктивной логике нелинейные схемы формообразования, подвластные разумной организации материи. Они явились следствием поиска новых средств уподобления объектам природного мира, среди которых имели место произвольные допущения.

Рис. 4. Здание Харбинского большого театра (2015, арх. Ма Яньсун)

Fig. 4. Harbin Big theater (2015, arch. Ma Yansong)

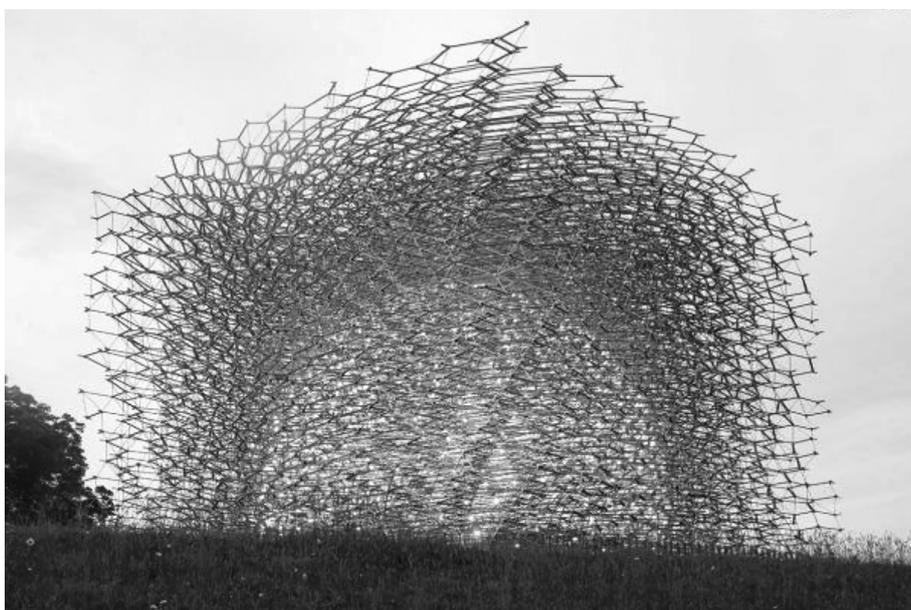

Рис. 5. Павильон Великобритании «Танец пчелы» в Милане (2015, диз. В. Баттрессе)

Fig. 5. The Great Britain Pavilion «Dance of the Bee» in Milan (2015, diz. V. Buttress)

Заклучение. Нелинейная архитектура как художественное явление и феномен культуры цифровой эпохи заключила в своем содержании спорадичность рождения образа/образности в том проявлении, какое свойственно органической материи. Та случайность, которая проявляется в каждом явившемся органическом теле природного мира, определила неподобие образов нелинейной архитектуры. Сама уникальность форм, физически выражающих образ/образность архитектуры, стала признаком архетипичной природы современного зодчества.

Продуцируемая не как застывшая масса, а как подвижная материя, нелинейная архитектура явилась носителем витальной энергии, присущей органическим телам. Будь то сознательный

выбор зодчего или произвольно рожденная форма, образы нелинейной архитектуры зафиксировали тяготение к архетипам органического мира. Обращаясь к прообразам реальной действительности и используя средства искусственного интеллекта, зодчий как творец материального сущего выступил в роли создателя прекрасного, конструируемого по образу и подобию природы.

Список использованных источников

1. Johnson, P. *Deconstructivist architecture* / P. Johnson, M. Wigley. – New York : The Museum of Modern Art, 1988. – 104 p.
2. Vidler, A. *The architectural Uncanny : essays in the Modern Unhomely* / A. Vidler. – Cambridge : MIT Press, 1992. – 257 p.
3. Schumacher, P. *Parametricism: a new global style for architecture and urban design* / P. Schumacher // *Architectural Design*. – 2009. – Vol. 79, № 4. – P. 14–23. <https://doi.org/10.1002/ad.912>
4. Добрицына, И. А. Нелинейная парадигма в архитектуре 90-х годов XX века / И. А. Добрицына // *Вопросы теории архитектуры. Архитектурное сознание XX–XXI веков: разломы и переходы : сб. науч. тр. / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства ; под ред. И. А. Азизян. – М., 2001. – С. 146–206.*
5. Добрицына, И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки / И. А. Добрицына. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 413 с.
6. Азизян, И. А. Теория композиции как поэтика архитектуры / И. А. Азизян, И. А. Добрицына, Г. С. Лебедева. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 476, [35] с.
7. Лапшина, Е. А. Неотектоника в образах современной архитектуры / Е. А. Лапшина, А. Ю. Лиханский // *Вестн. Инженер. шк. Дальневост. федер. ун-та. – 2016. – № 2 (27). – С. 79–90.*
8. Соколова, Е. М. Дигитальная архитектура как метафора человеческого организма [Электронный ресурс] / Е. М. Соколова. – Режим доступа: <http://www.cvetoplastika.org.ru/home/nasi-stati/digitalnaa-arhitektura-kak-metafora-celoveceskogo-organizma>. – Дата доступа: 12.04.2018.
9. Шамрук, А. С. Традиция в проектных стратегиях современной архитектуры / А. С. Шамрук. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 297 с.

References

1. Johnson P., Wigley M. *Deconstructivist architecture*. New York, The Museum of Modern Art, 1988. 104 p.
2. Vidler A. *The architectural Uncanny : essays in the Modern Unhomely*. Cambridge, MIT Press, 1992. 257 p.
3. Schumacher P. *Parametricism: a new global style for architecture and urban design*. *Architectural Design*, 2009, vol. 79, no. 4, pp. 14–23. <https://doi.org/10.1002/ad.912>
4. Dobritsyna I. A. *Nonlinear paradigm in architecture of the 90s of the XX century. Voprosy teorii arkhitektury. Arkhitekturnoe soznanie XX–XXI vekov: razlomy i perekhody: sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the theory of architecture. Architectural consciousness of the XX–XXI centuries: faults and transitions: collection of scientific papers]. Moscow, 2001, pp. 146–206 (in Russian).
5. Dobritsyna I. A. *From Postmodernism to non-linear architecture: architecture in the context of modern philosophy and science*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 413 p. (in Russian).
6. Azizyan I. A., Dobritsyna I. A., Lebedeva G. S. *Theory of composition as poetics of architecture*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 476, [35] p. (in Russian).
7. Lapshina E. A., Likhanskii A. Yu. *Neotectonics in the images of modern architecture. Vestnik Inzhenernoi shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta = The Far Eastern Federal University: School of Engineering Bulletin*, 2016, no. 2 (27), pp. 79–90 (in Russian).
8. Sokolova E. M. *Digital architecture as a metaphor for the human body*. Available at: <http://www.cvetoplastika.org.ru/home/nasi-stati/digitalnaa-arhitektura-kak-metafora-celoveceskogo-organizma> (accessed 12.04.2018) (in Russian).
9. Shamruk A. S. *Tradition in the design strategies of modern architecture*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 297 p. (in Russian).

Информация об авторе

Захарина Юлия Юрьевна – доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: juliaminsk@yandex.ru

Information about the author

Yuliya Y. Zakharyna – D. Sc. (Art.), Associate Professor, Head of the Department. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., 220030 Minsk, Belarus). E-mail: juliaminsk@yandex.ru

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-225-233>

Паступіў у рэдакцыю 26.11.2021
Received 26.11.2021

Л. В. Алейнік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

**СТАНАЎЛЕННЕ ТВОРЧАЙ ІНДЫВІДУАЛЬНАСЦІ І САЦЫЯЛІЗАЦЫЯ АСОБЫ
Ў АЎТАБІАГРАФІЧНЫМ РАМАНЕ-ЭСЭ А. ФЕДАРЭНКІ «МЯЖА»**

Анотацыя. Исследуется автобиографический роман-эссе «Межа» современного белорусского писателя Андрея Федоренко. Определяются этапы, функциональные компоненты, разноуровневые социально-культурные контексты, общая структура процессов социализации личности и становления творческой индивидуальности, которые нашли отражение в художественном тексте. Обосновывается возросшая актуальность автобиографической прозы в связи с процессами всемирной глобализации и индустриализации современного общества, главным объектом воздействия которых является молодое поколение. Анализируется общая роль художественной литературы в качестве социокультурной практики, содействующей развитию культурной компетентности, социальной адаптации и продуктивной социализации личности, поскольку основополагающие цивилизационные ценности и их смысловые модели кодифицируются и транслируются в обществе в значительной степени с помощью таких феноменов, как текст и книга. Выявляется, что автобиографическое произведение А. Федоренко психологически достоверно отражает содержание социализации – своеобразной конвенции между человеком и обществом, двустороннего процесса освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей и их творческого воспроизведения. Утверждается, что роман-эссе «Межа» обладает высоким социализирующим потенциалом, является эффективным катализатором рефлексивной деятельности читателя, стимулятором творческого мышления, опосредованным способом постижения норм и правил социально-общественного бытия.

Ключевые слова: Андрей Федоренко, художественная литература, автобиографическая проза, социализация личности, творческая индивидуальность, культурная компетентность, социальный опыт, самоосмысление

Для цитирования: Алейнік, Л. В. Станаўленне творчай індывідуальнасці і сацыялізацыі ў аўтабіяграфічным рамане-эсе А. Федарэнкі «Мяжа» / Л. В. Алейнік // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 225–233 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-225-233>

Lada V. Aleinik

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**FORMATION OF CREATIVE INDIVIDUALITY AND SOCIALIZATION OF PERSONALITY
IN AUTOBIOGRAPHIC NOVEL-ESSAY BY A. FEDORENKO “MEZHA”**

Abstract. The autobiographical novel-essay “Mezha” by the modern Belarusian writer Andrei Fedorenko is investigated. The stages, functional components, different-level socio-cultural contexts, the general structure of the processes of personality socialization and the formation of a creative individuality, which are reflected in the literary text, are determined. The increased relevance of autobiographical prose is substantiated in connection with the processes of world globalization and industrialization of modern society, the main target of which is the younger generation. The general role of fiction as a socio-cultural practice, contributing to the development of cultural competence, social adaptation and productive socialization of the individual, is analyzed, since the fundamental civilizational values and their semantic models are codified and transmitted in society to a large extent with the help of such phenomena as text and books. It is revealed that the autobiographical work of A. Fedorenko psychologically reliably reflects the content of socialization – a kind of convention between a person and society, a two-way process of an individual’s assimilation of social norms and cultural values and their creative reproduction. It is argued that the novel-essay “Mezha” has a high socializing potential, is an effective catalyst for the reflexive activity of the reader, a stimulator of creative thinking, an indirect way of comprehending the norms and rules of social and social life.

Keywords: Andrey Fedorenko, fiction, autobiographical prose, personality socialization, creative individuality, cultural competence, social experience, self-reflection

For citation: Aleinik L. V. Formation of creative individuality and socialization of personality in autobiographic novel-essay by A. Fedorenko “Mezha”. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 225–233 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-225-233>

Уводзіны. Мастацкая аўтабіяграфія (як першакрыніца інфармацыі пра асобу і творчасць мастака) заўсёды прыцягвала пільную ўвагу даследчыкаў літаратуры і аматараў прыгожага пісьменства. Ва ўмовах сучасных глабальных змен, што ахапілі ўсё сусветнае грамадства, аўтабіяграфічная проза набыла асаблівую актуальнасць. Галоўным аб'ектам уздзеяння глабалізацыі зрабілася маладое пакаленне, якое знаходзіцца ў працэсе сацыякультурнага станаўлення. Трансфармацыя традыцыйных маральных каштоўнасцей, камерцыялізацыя жыццядзейнасці, імклівае развіццё інфармацыйных тэхналогій і камунікацыйных сістэм надзвычайна ўскладнілі працэсы сацыяльнай адаптацыі і сацыялізацыі асобы. Т. Я. Кузняцова адзначае: «Знізіць негатыўны ўплыў названых фактараў на працэс сацыялізацыі асобы ў сучасным лічбавым свеце можна, выкарыстоўваючы розныя інструменты, каналы і спосабы развіцця крытычнага мыслення, пазнавальна-кагнітыўных і сацыяльна-камунікатыўных здольнасцей чалавека. Базавай умовай сацыялізацыі асобы і адначасова яе вынікам выступае культурная кампетэнтнасць. <...> Эфектыўным інструментам развіцця культурнай кампетэнтнасці асобы з'яўляецца чытанне, паколькі асноватворныя цывілізацыйныя каштоўнасці і іх сэнсавыя мадэлі кадыфікуюцца і трансліююцца ў грамадстве ў значнай ступені з дапамогай такіх феноменаў, як тэкст і кніга» [1, с. 166–167].

Сучасная моладзь апынулася перад неабходнасцю рэфлексіўнага спасціжэння рэчаіснасці, якое засноўваецца на такіх паняццях, як самасвядомасць, самаацэнка, персаналізацыя, самаідэнтыфікацыя, самаактуалізацыя. З'яўляючыся ўвасабленнем спаконвечнага імкнення чалавека асэнсаваць сябе і вызначыць сваё месца ў свеце, мастацкая аўтабіяграфія адлюстроўвае не толькі непаўторны жыццёвы вопыт асобы, але нярэдка змяшчае важныя звесткі пра культурна-гістарычныя і сацыяльна-палітычныя падзеі эпохі, дазваляе прааналізаваць іх прычынна-выніковыя сувязі. Літаратурныя сюжэты і вобразы даюць магчымасць атрымаць апасродкаваны сацыяльны вопыт, уключаны ў мастацкае поле, адыгрываюць істотную ролю ў фарміраванні светапогляду асобы, у асэнсаванні анталагічных праблем і засваенні аксіялагічных каштоўнасцей. На думку А. В. Уткінай, «паколькі ў сацыялізацыі ўдзельнічаюць такія механізмы, як перайманне, рэфлексія, імпрынтынг, іх дзеянне ўдала здзяйсняецца пры чытанні індывідам мастацкіх твораў. Уваходзячы ў сюжэт твора, чалавек абавязкова адчувае яго ўплыў на свае пачуцці і ідэалы, спрабуе супаставіць сябе з яго героямі і іх учынкамі, прымервае на сябе каштоўнасці створанага аўтарам соцыуму, параўноўваючы яго з тым атачэннем, у якім жыве сам» [2, с. 91]. Інакш кажучы, аўтабіяграфічная проза – не толькі надзвычай грунтоўны матэрыял для вывучэння этапаў станаўлення асобы, але і непасрэдны інстытут сацыялізацыі.

Асноўная частка. Проза Андрэя Федарэнкі мае даволі шырокі праблемна-тэматычны дыяпазон, аднак нельга не заўважыць, што ў пераважнай большасці твораў пісьменніка выразна вылучаецца аўтабіяграфічны пачатак. Імкненне да мастацкага асэнсавання рэальных жыццёвых фактаў выявілася ў творчасці аўтара амаль што з першых літаратурных крокаў. Ужо ў дэбютнай кніжцы «Гісторыя хваробы» (1989) малады пісьменнік прадэманстравваў здольнасць да глыбокага псіхалагічнага аналізу і мастацкай тыпізацыі характараў. У артыкуле «Агрэсія формы. Стылёвыя пошукі маладой прозы» (1991) літаратуразнаўца Л. Корань слухна заўважыла: «Спосаб апавядання А. Федарэнкі, як і ўсе, здаецца, вядомыя спосабы апавядання ў свеце, з абсурдысцкімі ўключна, сто разоў апісаны лепшымі даследчыкамі класічнай псіхалагічнай прозы, як рускай, так і замежнай. Гэта тая манера апавядання, калі пісьменнік паказвае адносна аўтаномную, асінхронную да праяў знешняга свету плынь унутранага жыцця чалавека, з абавязковым у той жа час паказам гэтага самага аб'ектыўнага пачатку – знешняга жыцця. Сам прынцып, такім чынам, не новы. Справа ў тым, каб адкрываць кожны раз нанова ў рэальным жыцці гэтыя сутнасныя «счапленні» розных з'яў і знаходзіць сродкі адэкватнага перакладу адкрытага на паперу. Выяўленчыя сродкі А. Федарэнкі якраз і даюць мажлівасць убачыць, як, з чаго склалася тое, што спраўдзі-

лася, што маеш як факт, як падзею, як вынік, – тое, чаго ніхто не чакаў. Уражвае здольнасць маладага аўтара ўбачыць, асэнсаваць і напісаць жыццёвую з’яву ва ўсім перапляценні рознаўзроўневых узаемасувязей, абумоўленасцей, імпульсаў ва ўсёй уплеценасці ў жыццё» [3, с. 222–223].

Да ліку твораў, у аснову якіх пакладзены рэальны жыццёвы вопыт аўтара, належаць аповесці «Вёска», «Пра аднаго пісьменніка», раман «Рэвізія», аповесць-эсэ «З кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці», зборнік літаратурных эсэ «Сечка», шматлікія апавяданні. У той жа час ніводзін з названых твораў не з’яўляецца літаральным жыццяпісам аўтара, фактычна ў кожным з іх пераважае мастацкі вымысел – гэта значыць, што аўтабіяграфічны элемент прысутнічае, але ён падпарадкоўваецца творчай задуме, выступае матэрыялам пабудовы мастацкага сюжэта. Так, напрыклад, у аснову аповесці «Пра аднаго пісьменніка» пакладзены асабісты вопыт шматгадовай рэдактарскай працы аўтара ў літаратурна-мастацкім часопісе, у рамане «Рэвізія» надзвычай пазнавальныя прататыпы герояў, дакладна пазначаны прасторава-часавыя каардынаты, па-мастацку арыгінальна адлюстравана дзейнасць творчага аб’яднання «Тутэйшыя».

Раман-эсэ «Мяжа» таксама не з’яўляецца абсалютным адлюстраваннем рэальнага жыцця аўтара, аднак у гэтым творы непасрэдна аўтабіяграфізм дамінуе над мастацкім вымыслам. Тут пісьменнік робіць спробу «разабрацца ў сабе», зафіксаваць нараджэнне і рэалізацыю (з усёй непаслядоўнасцю, супярэчлівасцю, забяганнямі наперад і вяртаннімі назад) уласных задум. У рамане-эсэ адлюстраваны і працэс выспявання ідэй, і вырашальныя ўплывы знешняга жыцця, і само з’яўленне тэксту з памкненнямі адрэфлексаваць, зрабіць відавочным «патаемнае» ў творчым працэсе. Менавіта «Мяжа» дазваляе найбольш аб’ектыўна зразумець саму сутнасць асобы аўтара, манеру яго пісьма і спосаб мыслення.

Паводле сведчання А. Федарэнкі, асноватворным «імпульсам», які прымусіў яго «азірнуцца на сваё жыццё» (узяцця за напісанне аўтабіяграфіі), стала ўзроставае «мяжа»: «Сорак пяць... Сур’ёзная лічба. Крытычная, небяспечная мяжа. З ёю не пажартуеш. Не па мне былі, хто гэтай мяжы нават не перасёк, – першыя імёны, якія прыходзяць у галаву: Чэхаў, Мапасан... Шукшын? І Шукшын. Зрэшты, хіба ў нас сваіх не хапае? Палуян, Багдановіч, Калюга... І тыя, хто дасягнуў гэтага слупа і проста на памежжы, на пагранічнай паласе зваліўся: Чорны, Гарэцкі... І тыя, хто ненамнага яе перасягнуў: Сыс, Пісьмянкоў, Асташонак... <...> Карацей: заступіўшы адной нагой на мяжу са слупам з лічбаю «45», адчуў я цягу да падрахункаў, чысткі, рэвізіі – у галаве, у жыцці, у літаратуры, пачаў перабіраць, пераглядаць папкі з рэалізаваным і нерэалізаваным, розныя канспекты, планы, чарнавікі, пісьмы, дзённікі, скідваць сёе-тое на камп’ютар, не надта задумваючыся, навошта» [4, с. 4–5].

Зачын твора, як бачна, не надта аптымістычны. Усё – і «мяжа», і «падрахункі», і «рэвізія» – непасрэдна ўказвае калі не на канчатковую завершанасць творчага працэсу, то, як мінімум, на творчы крызіс. Калі не браць пад увагу ранейшыя творчыя ўзоры А. Федарэнкі, то гэтаму прызнанню аўтара можна было б паверыць. Але ў творах, што папярэднічалі «Мяжы», выявілася адметная мастацкая «стратэгія» пісьменніка: парадаксальная тэза, увасобленая ў пачатку гісторыі, віртуозна абвяргаецца ў яе фінале. Пры гэтым абвяргаецца не літаральна, не пэўнай антытэзай, а самой сутнасцю твора, усім яго зместам.

Прыкладам з’яўляецца аповесць-эсэ «З кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці», дзе аўтар выступае ад уласнага імя і дзеліцца адмысловым выпадкам з асабістай творчай практыкі: «Прыдумаў я аднойчы аповесць «З кошыкам», лірычную, пра грыбы. І мо месяц насіўся са сваёй задумкаю, жыў ёю, усяляк адцягваў выкананне яе, а калі навальваліся праблемы, забівала тлума галаву, тады ў патаемным куточку душы ўспыхвала – у цябе ж «радасць» наперадзе! <...> Ну і што, што тэма не новая? Я пастараюся не паўтарацца» [5, с. 162–163]. Але неўзабаве надараецца прыкрая для пісьменніка гісторыя: «Прысылаюць мне з Масквы часопіс «Дружба народоў» № 7 за 2004 г. з перакладам майго апавядання. Але ледзь толькі я прабегаю вачыма змест на вокладцы, так на тое апавяданне забыўся, так іншае кальнула ў сэрца... Невядомы Барыс Васілеўскі. Аповесць «Апошнія паляванне», з падзагалоўкам «Сёе-тое з жыцця грыбоў, а заадно і людзей». Але хіба так бывае? Хіба праўда, што і думкі, і творчыя задумы, і сюжэты могуць перадавацца на адлегласці, як і магнітныя, і радыёхвалі? Тады чым растлумачыць, што адзін-адзіны раз за апошнія дзесяць гадоў узяў у рукі тую «Дружбу народоў» і адразу ж наляцеў на гатовае, матэрыяльнае ўвасабленне

сваёй задумкі? <...> Была яшчэ, праўда, крохкая надзея – можа, памыляюся? Можа, так сабе творчык, у іхнім маскоўскім стылі, з усімі іхнімі цяперашнімі літвыкрунтасамі? <...> І з кожным новым сказам, абзацам, эпізодам сумненні знікалі. Я бачыў перад сабою ўласную будучую аповесць, толькі чужым прозвішчам падпісаную. Ды яшчэ выкананне было, бадай, лепшае, чым магло б быць у мяне. <...> З усіх бакоў, па ўсіх пунктах я бачыў сябе абкрадзеным. Не матэрыяльна, вядома, не ў сэнсе плагіату, не – проста здавалася, у мяне адабралі тую самую дзіцячую «радасць», з якой так прыемна насіцца і дзякуючы якой крыху лягчэй жыць на свеце» [5, с. 163–165].

Такім чынам, пісьменнік сцвярджае, што яго творчая задума фактычна была ўвасоблена іншым аўтарам, і таму ўжо няма шанцу на яе рэалізацыю. Па вялікім рахунку ён заяўляе, што калі пэўная тэма таленавіта і вычарпальна асветлена ў літаратуры, няма сэнсу яе распрацоўваць. Але далей, аналізуючы аповесць Барыса Васілеўскага і ў нечым з ім палемізуючы, А. Федарэнка вяртаецца да сваіх уласных уражанняў, назіранняў. Ён згадвае шматлікія неардынарныя «грыбныя» гісторыі, якія калісьці здарыліся асабіста з ім, аналізуе літаратурныя традыцыі ўвасаблення гэткіх гісторый. І ўрэшце пісьменнік стварае адмысловы мастацкі ўзор – арыгінальны і паводле зместу, і паводле формы – і дэманструе, як банальная тэма, мноства разоў адлюстраваная ў літаратуры, можа выявіцца зусім па-новаму.

Падобны мастацкі прыём быў выкарыстаны А. Федарэнкам у рамане «Рэвізія», у аповесці «Повесць», у некаторых апавяданнях. Таму «падвядзенне рахункаў», «падсумаванне творчых набыткаў» і жалобныя нараканні на лёс, увасобленыя ў зачыне рамана-эсэ «Мяжа», выклікаюць пэўныя сумненні: «Бедныя мы, літаратары, людзі. Безабаронныя, аголеныя, якія тое і робяць, што падстаўляюцца, і глыбока яны няшчасныя, бо няма ў іх нічога асабістага – усё напаказ... <...> Ты можаш з горкай зайздасцю толькі назіраць чужое жыццё, амаль не прымаючы ў ім удзелу. Людзі вакол жывуць – ты адлюстроўваеш гэтае жыццё, усё піхаеш, усё ўкладаеш, як пракляты, самае лепшае сваё ў нейкі беспраэнтны, банкрутны банк – без надзеі на аддачу...» [4, с. 7]. З таго самага сумнага прызнання пачынае пісьменнік аглядзіны свайго жыццёвага і творчага шляху – быццам загадзя дае зразумець, што гаворка будзе пра шэраг расчараванняў і шкадаванняў.

Аўтабіяграфічныя творы, як правіла, змяшчаюць два тыпы ацэнак падзей – рэтраспектыўную і сінхронную. У рамане-эсэ А. Федарэнкі спалучэнне гэтых ацэнак даволі арыгінальнае. Рэтраспекцыя мінулага пачынаецца ад самага ранняга дзяцінства пісьменніка – з некалькіх вельмі маляўнічых эпізодаў, якія зрабіліся фактычна першымі ўрокамі жыцця. Тыя колішнія сітуацыі спачатку канстатуюцца аўтарам, але не аналізуюцца. Пісьменнік нібыта падкрэслівае, што дзіця яшчэ не можа патлумачыць логіку тых ці іншых учынкаў, але набывае пэўныя веды пра жыццё. Гаворка ідзе пра дастаткова траўматычны досвед для маленькага хлопчыка – калі ўпершыню сутыкнуўся з няшчырасцю, з падманам ці несправядлівасцю: «Я тугадум, я нічога не разумею ў людской хітрасці, не разумею асалоды падману, хаця здагадваюся, што такая павінна быць» [4, с. 13]. Не менш прыкрае адчуванне застаецца і ад тых момантаў, калі ўпершыню схлусіў ці здрадзіў сам – такія гісторыі неадчэпна вярэдзяць душу нават на вялікай адлегласці ў часе. Аўтар адмыслова акцэнтуюе на гэтым увагу: «Чаму адно так убіваецца ў сякір-башку, чаму адны ўспаміны-выпадкі пракручваюць у памяці 100 разоў, а другія не ўспомняцца пад пісталетам?» [4, с. 10].

Якраз з надзвычайных уражанняў – і станоўчых, і адмоўных – складваецца першасная сацыялізацыя асобы, пачынаюць назапашвацца базавыя веды пра міжасобасныя ўзаемаадносіны людзей, пра сябе, пра навакольную рэчаіснасць: «Паступова навакольны сацыяльны свет адкрываецца дзіцяці ў сістэме ролевых узаемазалежнасцей, правіл сацыяльных паводзін, культурных норм узаемадзеяння. Менавіта на аснове засваення гэтага «поля» сацыякультурных норм і правіл адбудзецца далейшы выбар паміж імі – фарміраванне персанальнай каштоўнасна-нарматыўнай сістэмы» [6, с. 4].

Сінхронная апавядальная плынь у рамане-эсэ А. Федарэнкі непарыўна звязана з творчым працэсам. Фактычна ўсе ацэнкі падзей мінулага, каментарыі, заўвагі і рэмаркі адмыслова выяўляюць своеасаблівы супастаўленні рэальных жыццёвых эпізодаў і іх мастацкага асэнсавання. Перадусім аўтар з непадробнай шчырасцю вытлумачвае тэхналогію напісання рамана, каментуе накіды, з якіх у канчатковым выніку павінна скласціся цэласнае эпічнае палатно. Падзяліўшыся некалькімі гісторыямі з дзяцінства, пісьменнік ацэньвае ўласны творчы плён, разважае: «Ну што?

Даволі міленькія, сімпатычныя фрэскі. Мазаіка, асколкі... Нават нібыта не схаластычныя, а сіс-тэмныя – адлежаныя ў часе, працэджаныя памяццю... Маючыя права на існаванне. <...> Тады – далей. Прыблізна гэтак, як ёсць, форма збольшага акрэсліваецца. Уступ, падрыхтоўка, кавалачак мастацкага, абагульненне, вынік... І ўсё гэта перасыпана разважаннямі сябе цяперашняга, адступленнямі, тлумачэннямі... Галоўнае – шырэй, глыбей, свабодней! <...> Раман-эсэ – гэта так здорава, нібы пляць па цячэнні на спіне, легці, раскінуць ушыркі стамлёныя рукі...» [4, с. 11]. З такой непасрэднасцю А. Федарэнка характарызуе шырокія магчымасці абранага жанру і асэнсоўвае, якім чынам будзе выбудоўваць кампазіцыю сваёй аўтабіяграфічнай гісторыі.

Раман-эсэ «Мяжа» складаецца з трох частак, кожная з якіх адпавядае храналогіі жыццёвых падзей і прасякнута адметным пафасам. Раздзелы першай часткі, дзе гаворка ідзе пра маленства і падлеткавыя гады, вельмі кантрасныя паводле эмацыянальнай афарбоўкі. У гэтую частку ўключаны некалькі апавяданняў, у якіх занатаваны звыклія эпізоды вясковага жыцця. У кожнай гісторыі вытанчаны лірызм суіснуе з жорсткай рэчаіснасцю, шчырыя пачуцці юнага героя сутыкаюцца з крывадушнасцю і хлуснёй навакольнага свету. Так, напрыклад, у апавяданні «Адзін летні дзень» адлюстраваны тыповыя для вясковых дзяцей уражанні – замілаванні відарысамі, вандроўкі ў лес па грыбы, удалая рыбалка, дробныя гаспадарчыя справы. Трынаццацігадовы падлетак захоплены чытаннем, выдатна вучыцца, у раённай газеце друкуюцца яго вершы: «Увечары, калі не было чаго рабіць, я залазіў на калідор, на цёплы шыфер, і пачынаў сумаваць. Святлей за той, падлеткавы, сум у мяне пасля ў жыцці нічога больш не было» [4, с. 20]. Летуценны хлопчык перажывае першае каханне. Яго пачуцці да гарадской дзяўчынкі, што падаецца анёлам, – светлыя, чыстыя і пяшчотныя. Паэтычная, нават па-свойму сентыментальная апавядальная плынь завяршаецца драматычным фіналам – падлетак высвятляе, што дзяўчынка зусім не такая, якой яму ўяўлялася, – яна распушчаная і цынічная.

Падобная мастацкая канцэпцыя ўвасоблена таксама ў апавяданні «Адзін зімовы дзень», дзе адлюстравана, як сяляне адзначаюць праваслаўнае свята Міколы Зімовага. Сюжэт гісторыі надзвычай канцэнтраваны, бо сам дзень «убіраў у сябе столькі ўсяго, што хапала пасля на цэлы год успамінаў» [4, с. 25]. Вяскоўцы сустракаюць гасцей, колюць свіней, рыхтуюць святочныя пачосткі. Ва ўсіх людзей прыўзняты настрой, вакол пануе радаснае ажыўленне, а ўвечары ў мясцовым клубе ладзяцца танцы. Аднак фінальныя падзеі, як і ў папярэднім апавяданні, рэзка кантрастуюць з зачынам твора – святкаванне завяршаецца шалёным разгулам, які робіцца падставай для прыкрага прызнання аўтара: усё зусім не так хораша ў вёсцы, як магло падацца. П'янства і апантанія крывавыя бойкі, разбэшчанасць і ўбоства быту, цемрашальства і неадукаванасць – гэта адваротны бок той каляровай карціны, з якой пачыналася гісторыя.

Амаль усе «мастацкія» раздзелы рамана (паўнаватасныя апавяданні) суправаджаюцца лакалічнымі раздзеламі-каментарыямі, якія адначасова выяўляюць стаўленне аўтара да колішніх падзей і выконваюць ролю своеасаблівых злучальных звёнаў паміж асобнымі гісторыямі. Аналізуючы апавяданне «Адзін зімовы дзень», А. Федарэнка ўзрушана згадвае, як у тыя падлеткавыя гады зусім не разумеў, «што жыццё – гэта не вясёлая пагулянка, а латарэя, што яно небяспечнае, гэтае хаджэнне па лязу, балансаванне, і ў любую секунду, у кожны міг можна сарвацца ўніз, у нікуды...» [4, с. 35]. Азіраючыся назад, аўтар нават здзіўляецца: «...Як маленькі дзікун, з такім эмацыянальным, неўраўнаважаным характарам, з такой схільнасцю да авантур, без цара ў галаве <...> умудрыўся проста фізічна выжыць, не кажучы пра тое, каб данесці да 45-гадовай мяжы яшчэ нейкую Божую іскру-жарынку?» [4, с. 35].

Натуральна, пісьменнік адлюстроўвае ў творы не толькі знакавыя эпізоды жыцця, якія асабліва моцна паўплывалі на яго светаасэнсаванне, але вызначае таксама пэўных людзей, што адыгралі важную ролю ў яго лёсе. Гэта цэлая галерэя каларытных партрэтаў, неадназначных і супярэчлівых вобразаў. Сярод іх – школьны настаўнік беларускай мовы і літаратуры Міхаіл Іванавіч – па-свойму камічны персанаж, дастаткова пасрэдны педагог і не надта кваліфікаваны выкладчык, пра якога, аднак, аўтар згадвае з цеплынёй і прыхільнасцю. Гэта выхаванец у інтэрнаце тэхнікума па мянушцы Тупы, які адразу ж не ўзлюбіў сціплага першакурсніка, бо лічыў, што «хлопец павінен пакураваць, крыху «бухаць», крыху (не ўсур'ёз) з дзеўкамі, рыхтавацца да арміі, брынькаць на гітары, менш думаць, менш чытаць» [4, с. 52]. Гэта выкладчыца літаратуры ў тэхнікуме,

якая не паверыла, што першакурснік, «учарашні васьмікласнік», самастойна здолеў напісаць бліскучае сачыненне і ацаніла яго работу «адзінкай». Гэта аднакурсніца Іна – «самая прыгожая дзяўчына ў групе», якая зусім нечакана наведла ў бальніцы і натхніла на далейшае жыццё.

А. Федарэнка мэтанакіравана выяўляе, як фактычна ўсё, з чым сутыкаўся ў паўсядзённасці, – і станоўчае, і негатывнае – пачало рабіцца прадметам яго мастацкага асэнсавання. Для сарамлівага і крыху закампліксаванага вясковага юнака літаратурная творчасць спачатку была ўсяго толькі спосабам своеасаблівай псіхалагічнай абароны ад складаных жыццёвых сітуацый, але з цягам часу захапляла ўсё болей, давала магчымасць пэўнай самарэалізацыі. Так, гісторыя «са спісваннем» стала пазней сюжэтам апавядання «Сачыненне», якое пасля выхаду з друку высока ацаніў вядомы крытык Анатоль Сідарэвіч: «Творы двух дэбютантаў – 23-гадовага Андрэя Федарэнкі і старэйшага за яго на дваццаць гадоў Г. Станкевіча – надрукаваны ў студзені і ў лютым. Што запамнілася? Фабула <...> Федарэнкавага апавядання пра сачыненне. Вучань напісаў самастойнае, арыгінальнае сачыненне. Выкладчыца падумала, што ён яго спісаў, і паставіла вучню «адзінку». Хацеў бы і я, чытаючы Федарэнкаву публікацыю, не паверыць і спытаць: «Няўжо аўтару ўсяго 23 гады?». І ўжо, напэўна, не паўтарыў бы памылку тае настаўніцы...» [4, с. 51].

Несумненна, меркаванні крытыкі, водгукі чытачоў рабіліся вялікай маральнай падтрымкай для маладога пісьменніка, дадавалі веры ў свае сілы. Па сутнасці ў рамане-эсэ аўтар выяўляе, як працэс сацыялізацыі спалучаецца са станаўленнем творчай індывідуальнасці, як у сацыяльным кантэксце крышталізуецца асоба мастака. Гэта вельмі каштоўна, бо «сацыялізацыя разглядаецца не толькі як працэс уключэння індывіда ў сістэму грамадскіх адносін шляхам набывання неабходных сацыяльна-тыповых рыс, але і як працэс набывання непаўторных, унікальных якасцей, гэта значыць як працэс індывідуалізацыі асобы» [7, с. 340].

Важнай умовай прадуктыўнай сацыялізацыі асобы з'яўляецца аб'ектыўнае ўсведамленне сваіх здольнасцей і вызначэнне прафесійнага шляху, які дазволіць самарэалізавацца. Тое магучае і вызваленчае пачуццё, калі канчаткова зразумеў, чым хоча займацца ў жыцці, да чаго ляжыць душа, А. Федарэнка вытлумачвае вельмі ўзрушана, па-свойму кранальна. Безумоўна, ён пісаў і раней – фактычна з юнага ўзросту, толькі ставіўся да гэтага занятку не ўсур'ез, хутчэй, як да забаўкі. А пытанні выбару далейшага жыццёвага напрамку неадступна даймалі яго, вярэдзілі душу: «Пара ўжо зразумець, дзе, з кім, у якім свеце я жыў і збіраюся жыць далей. Кім мне стаць у гэтым свеце? Прарабам? Доктарам, загадчыкам аддзялення? Следчым? Ці далучыцца да кампаніі і «мачыць» каго-небудзь групаю?.. Без жартаў. Трэба ведаць, кім хочаш стаць, і тады толькі можна выжыць» [4, с. 54–55]. Як сведчыць аўтар, на яго рашэнне прысвяціць жыццё літаратурнай творчасці ў вялікай ступені паўплывалі ўвага і словы падтрымкі з боку вядомай пісьменніцы, рэдактара аўтарытэтнай рэспубліканскай газеты: «І вось – сіні вялікі канверт са штэмпелем «Чырвонай змены». Письмо на афіцыйным бланку. Мой абразок быў на старонку, а адказ – на тры машынапісу праз адзін інтэрвал: «Талент... разуменне прыроды... пранікненне ў псіхалогію... пішыце...». Падпісана Вольгай Іпатавай. Дзе б ні быў, Вольга Міхайлаўна, кім бы ні стаў, ніколі не забуду Вам гэтага, светлая мая... <...> Я знайшоў сябе. Я цяпер ведаю, кім буду. Як мне жыць. Хто будзе мяне акружаць. У гэтым сінім канверце – мой новы, бясконца сіні свет» [4, с. 56].

Другая частка рамане-эсэ паводле пафасу істотна адрозніваецца ад папярэдняй. Нягледзячы ні на пэўныя драматычныя эпізоды, ні на асобныя расчараванні героя, у першай частцы твора дамінуе светлы лірызм, пачуццёвасць. А вось у другой, калі аўтар згадвае пачатак свайго дарослага жыцця – працу на будоўлі па размеркаванні пасля тэхнікума, службу ў войску, – яго апавядальная інтанацыя набывае большую строгасць, нават спецыфічную цвёрдасць. Размову з чытачом вядзе ўжо не той уразлівы і сціплы падлетак, а малады чалавек, які дастаткова ўпэўнены ў сабе, мае канкрэтныя жыццёвыя перакананні і арыенціры. Сацыялізацыя, як вядома, працэс кумулятыўны, які доўжыцца ўсё жыццё. Першасны этап, калі дзіця засвойвае свет, знаходзіцца пераважна ў сферы міжасобасных стасункаў, другасны, калі пасталеўшая асоба сутыкаецца з фармальнымі ўстановамі і арганізацыямі (інстытутамі сацыялізацыі), – у сферы сацыяльных адносін. Кожная сацыяльная роля вымагае засваення мноства культурных норм, правіл і стэрэатыпаў паводзін. Менавіта новы этап сацыялізацыі выключна маляўніча і псіхалагічна дакладна адлюстраваны аўтарам у другой частцы твора.

Перадусім А. Федарэнка па-свойму акцэнтуюе, як цяжка збіць з толку чалавека, які вызначыў свой шлях, мэту. Вельмі паказальным з'яўляецца эпізод, дзе пісьменнік згадвае, як адзін з себрукоў па працы на будоўлі, даведаўшыся пра яго «літаратурныя амбіцыі», пераконвае: «Нават думаць забудзь!», «Не прымуць цябе, і не трэба табе гэта!». Аўтар іранічна заўважае: «Слухаць то я Мішу слухаў, але высновы рабіў свае» [4, с. 68].

Выключна багаты жыццёвы досвед, як падкрэслівае А. Федарэнка, быў звязаны ў яго са службай у войску. Рамантычныя мары, якімі жыў у чаканні прызыву на службу, што павінна была «стаць нейкім пераломам, пробным каменем, можа, самым галоўным у жыцці іспытам» [4, с. 68], развясліся літаральна ў першыя армейскія дні. Хранічнае невысыпанне, стомленасць, напаўгалоднае існаванне – з усім гэтым цяжкім і цягавітым беларускі хлопец яшчэ мог спраўляцца. Самым невыносным было падаўленне волі: «Я раней думаў, што гэта так, выдумкі, перабольшванне. Калі чалавек дастаткова моцны духоўна, паспрабуйце ў яго ўлезці. Нічога падобнага – абсалютна свядома, паступова, няўхільна цябе пазбаўляюць індывідуальнасці, «замбіруюць», і недзе праз паўгода дабіваюцца свайго: твайго атупення, ператварэння з індывідуума ў амаль бяздумную часцінку цэлага» [4, с. 69].

Аднак армейская служба зрабілася не толькі праверкай на трываласць, але дала магчымасць, як піша аўтар, «адкрыць жыццёвую Амерыку». Давалося служыць у адным узводзе з украінцамі, што былі прызваны ў войска з вышэйшых навучальных устаноў. Гэтыя разумныя, спакойныя і ўпэўненыя хлопцы трымаліся разам, дэманстравалі ўсім сваю з'яднанасць, ніхто з «дзядоў» не смеў да іх нават падступіцца. Пісьменнік падкрэслівае, што менавіта назіраючы за гэтымі хлопцамі, «даведаўся, што ёсць такая рэч, як культура паводзін <...>, што ў размове і ўвогуле ў жыцці можна спакойна абыходзіцца без мацюкоў – ад гэтага нічога не мяняецца, наадварот, ветлівы, ціхі, спакойны і выхаваны чалавек больш сімпатычны за насмешлівага цыніка і хама; што ва ўсе часы найвышэйшай каштоўнасцю ў чалавеку будзе культура, начытанасць, мастацкі густ, а не зухаватае кулянне ў рот чаркі, цыгарэта ў зубах і дэбільныя хіханькі-хаханькі» [4, с. 71]. Адметна, што ўсё пералічанае аўтар шмат разоў чуў і ў школе, і ў тэхнікуме, але іманентнае асэнсаванне і свядомае засваенне такіх простых рэчаў прыйшло менавіта ў працэсе сацыялізацыі – з набыццём асабістага досведу, а не ў працэсе выхавання – пад уплывам мэтанакіраванага маральнага ўздзеяння. Вельмі каштоўна, што ў рамана-эсе па-мастацку вобразна і пераканаўча выяўляецца роля бліжэйшага атачэння ў жыцці асобы, натуральны прыклад людзей, з якімі даводзіцца камунікаваць і пэўным чынам поруч функцыянаваць.

Яшчэ адной надзвычай важнай высновай, як прызнаецца пісьменнік, ён абавязаны вайскавай службе. Дагэтуль (у тэхнікуме, у асяродку гарадскіх людзей), размаўляючы па-беларуску, ён адчуваў сябе быццам бы ніжэйшым паводле сацыяльнага статусу, беларуская мова здавалася своеасаблівым сведчаннем правінцыялізму: «Самае ж галоўнае, дзякуючы ўкраінцам, я раз і назаўсёды зняў пытанне аб мовах – на якой гаварыць, на якой думаць... Гэта ўзнікла само сабой, ніякай логікі ў тым не было, проста як чалавек устае адной раніцаю і са здзіўленнем заўважае, што яму не хочацца больш курыць і лёгка кідае сваю кепскую звычку, не разумеючы, чаму не здагадаўся зрабіць гэтага раней, – так і я ў адно імгненне, без усялякай «сілы волі» пачаў думаць па-беларуску» [4, с. 71].

Трэцюю частку рамана-эсе А. Федарэнка прысвяціў непасрэдна мастацкай творчасці. Раздзелы датычацца выхаду з друку новых твораў, уступленню ў Саюз пісьменнікаў, узаемадачыненням з калегамі па творчасці, з чытачамі і крытыкамі, але па-за ўсімі падзеямі выяўляецца імкненне аўтара да самаасэнсавання, да вызначэння вядучых матываў, якія каардынавалі яго жыццё і творчасць. Пісьменнік ізноў задаецца тымі ж рытарычнымі пытаннямі, якія ўжо неаднаразова паўставалі на старонках твора: «Можа, прычыны пісання былі зусім не зямныя, не шаблонныя, а – лячэбна-прафілактычныя, так сказаць – псіхатэрапеўтычныя? Можа, я проста ратаваўся літаратураю? Можа, гэта была самаабарона арганізма? Своеасаблівая разгрузка, крык болю і тупат ножкамі дзіцяці, якое стукнулася і якому баліць?» [4, с. 127]. Безумоўна, аўтар акцэнтуюе гэтыя пытанні, каб заставіць увагу чытача, каб прымусіць самастойна на іх адказаць, бо насамрэч усе адказы ўжо дадзены ў тэксте.

У эпілогу заключнай часткі А. Федарэнка падводзіць своеасаблівае рэзюме, дзе, нарэшце, прызнаецца, што тыя «падсумаванні» і «падвядзенні вынікаў», пра якія ішла гаворка ў пачатку

твора, – гэта ўсяго толькі адмысловы мастацкі прыём, спецыфічны спосаб самаасэнсавання і творчай матывацыі: «Заўважана, што розныя споведзі, аўтабіяграфічныя раманы, рэвізіі, успаміны, жыццяпісы, мемуары, межы, падвядзенні рыс, выбраныя месцы з перапіскі з сябрамі і інш., інш. з’яўляюцца тады, калі пісьменнік пачынае выпісвацца як мастак. Інакш кажучы, у яго творчы крызіс. <...> Мы маем мноства прыкладаў, калі дзякуючы такім споведзям, такому вымятанню сусекаў, падвядзенню нібыта заключнай тлустай рысы пад сваім ранейшым жыццём і творчасцю ў пісьменніка раптам узнікала другое дыханне, з’яўлялася невядома адкуль энергія, і ўжо на іншым, больш высокім узроўні ён пачынаў ствараць новыя мастацкія рэчы. Нам даспадобы менавіта гэты варыянт» [4, с. 143–144]. Пісьменнік ізноў падкрэслівае, што пры ўсіх выдатках і пакутах творчая дзейнасць з’яўляецца магутным стымулам самаўдасканалення і самаразвіцця.

Высновы. Такім чынам, у раманах-эсэ «Мяжа» А. Федарэнка выключна даходліва патлумачыў, як пачыналася яго творчасць, адкуль браліся сюжэты і вобразы кніг, якія асобы ўплывалі на светабачанне. З пераканаўчай праўдзівасцю пісьменнік адлюстравваў, як адбывалася яго асабістая сацыялізацыя, як творчае асэнсаванне жыццёвага досведу спрыяла станаўленню літаратурнай індывідуальнасці, і галоўнае – па-мастацку вобразна прадэманстравваў, што менавіта сістэма культуры выконвае вызначальную ролю ў сацыялізацыі асобы. «Зразумела, – падкрэслівае акадэмік Я. М. Бабосаў, – культура аказвае сацыялізуючы ўплыў на фарміраванне асобы не адасоблена ад іншых інстытутаў сацыялізацыі, а разам з імі і праз іх, што рэзка ўзмацняе выхаваўчы вынік гэтага працэсу. Усе інстытуты сацыялізацыі, якія ўзаемадзейнічаюць адзін з адным, аказваюць магутнае ўздзеянне на дзве асноўныя тэндэнцыі ў фарміраванні асобы і яе сацыяльным развіцці: 1) тэндэнцыю засваення індывідам сацыяльнага вопыту, каштоўнасцей і норм культуры і 2) тэндэнцыю творчага іх узнаўлення, узбагачэння і пераўтварэння ў дзейнасці асобы як актыўнага суб’екта грамадска-гістарычнага працэсу» [8, с. 290–291].

А. Федарэнка, які сёння з’яўляецца адным з выдатных беларускіх пісьменнікаў, «жывым класікам» (М. Тычына), фактычна ўласным прыкладам пераконвае, што менавіта мэтакіраваная арыентацыя на маральнае, прыстойнае і этычнае робіць чалавека асобай. Несумненна, раман-эсэ «Мяжа», дзе дакладна выяўлена, што сацыялізацыя – працэс сацыяльна дэтэрмінаваны і псіхалагічна матываваны, што гэта своеасаблівае канвенцыя з грамадствам, якая мае на ўвазе дасягненне асобай пэўнага балансу адаптаванасці і адасобленасці ў грамадстве, здольны быць не толькі эфектыўным каталізатарам рэфлексіўнай дзейнасці чытача, але стымулятарам творчага мыслення, апасродкаваным спосабам спасціжэння і засваення законаў жыцця.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кузнецова, Т. Я. Чтение как инструмент социализации личности в цифровую эпоху / Т. Я. Кузнецова // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 6 (86). – С. 164–170.
2. Уткина, А. В. Роль художественной литературы в социализации индивида / А. В. Уткина // Науч. потенциал. – 2021. – № 2 (33). – С. 91–93.
3. Корань, Л. Цукровы пеўнік : літ.-крытыч. арт. / Л. Корань. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 286 с.
4. Федарэнка, А. М. Мяжа : раман-эсэ, апавяданні / А. М. Федарэнка. – Мінск : Літ. і Мастацтва, 2011. – 264 с.
5. Федарэнка, А. М. З кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці / А. М. Федарэнка // Ланцуг : аповесці / А. М. Федарэнка. – Мінск, 2012. – С. 161–191.
6. Белинская, Е. П. Проблемы социализации: история и современность : учеб. пособие / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М. : Изд-во Моск. псих.-соц. ун-та ; Воронеж : МОДЭК, 2013. – 209 с.
7. Осянин, А. Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности (теоретический аспект) / А. Н. Осянин // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. – 2006. – № 1 (5). – С. 335–341.
8. Бабосов, Е. М. Общая социология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 603 с.

References

1. Kuznetsova T. Ya. Reading as a tool of socialization personality of the digital age. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2018, no. 6 (86), pp. 164–170 (in Russian).
2. Utkina A. V. The role of fiction in the socialization of the individual. *Nauchnyi potentsial = Scientific Potential*, 2021, no. 2 (33), pp. 91–93 (in Russian).

3. Koran' L. *Sugar rooster*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1996. 286 p. (in Belarusian).
4. Fedarenka A. M. *Frontier: novel-essay, story*. Minsk, Litaratura i mastatstva Publ., 2011. 264 p. (in Belarusian).
5. Fedarenka A. M. With a basket, or the story of an unwritten story. *Chain: short stories*. Minsk, 2012, pp. 161–191 (in Belarusian).
6. Belinskaya E. P. *Problems of socialization: history and modernity*. Moscow, Publishing House of the Moscow Psychological and Social University; Voronezh, MODEK Publ., 2013. 209 p. (in Russian).
7. Osyanin A. N. Analysis of the content of adaptation and socialization processes of a person (theoretical aspect). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2006, no. 1 (5), pp. 335–341 (in Russian).
8. Babosov E. M. *General sociology*. 4nd ed. Minsk, TetraSystems Publ., 2010. 603 p. (in Russian).

Информация об авторе

Олейник Лада Викторовна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220050, Минск, Республика Беларусь). E-mail: lada_oleinik@mail.ru

Information about the author

Lada V. Aleinik – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220050, Belarus). E-mail: lada_oleinik@mail.ru

ПРАВА
LAW

УДК 342
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-234-239>

Поступила в редакцию 25.01.2022
Received 25.01.2022

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР
ЭФФЕКТИВНОГО И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Рассматриваются некоторые направления использования цифровых технологий в общественной жизни. Подчеркивается, что в современных условиях они становятся важным фактором устойчивого развития. Информационные технологии обеспечивают реализацию принципа информационной открытости (транспарентности), что влияет на характер отношений между различными субъектами права. Обращается внимание на позитивные и негативные аспекты внедрения цифровых технологий, в том числе в сфере защиты персональных данных, обеспечения права на достойный труд, производительную занятость. Внесены предложения по дальнейшему развитию белорусского законодательства и практики правоприменения.

Ключевые слова: цифровые технологии, устойчивое развитие, право, персональные данные, достойный труд

Для цитирования: Василевич, Г. А. Цифровые технологии как фактор эффективного и устойчивого развития общества / Г. А. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 234–239 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-234-239>

Grigoriy A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF EFFECTIVE
AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY**

Abstract. The article considers some directions of the use of digital technologies in public life. It is emphasized that in modern conditions they become an important factor in sustainable development. Information technology ensures the implementation of the principle of information openness (transparency), which affects the nature of relations between different subjects of law. Attention is drawn to the positive and negative aspects of the introduction of digital technologies, including personal data protection, the right to decent work and productive employment. Proposals for further development of Belarusian legislation and law enforcement practice are made.

Keywords: digital technology, sustainable development, law, personal data, decent work

For citation: Vasilevich G. A. Digital technologies as a factor of effective and sustainable development of society. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 234–239 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-234-239>

Введение. Цифровые технологии в современных условиях становятся важным инструментом содействия устойчивому и динамичному развитию. Авторы экспертных докладов по проблемам развития цифровых технологий отмечают по меньшей мере три ключевых направления использования указанных технологий для более успешного достижения целей устойчивого развития: а) способствование ускорению перехода к безотходной экономике, включая создание большего количества новых рабочих мест в «зеленых» отраслях экономики; б) ускорение социальной интеграции, снижение неравенства возможностей, развитие цифровой грамотности, в том числе расширение «доступа людей, проживающих в развивающихся странах, к финансовым ресурсам по-

средством различных мобильных приложений, а также популяризация посредством Интернета норм и ценностей, защищающих права человека»; в) обеспечение перехода мировой экономики на траекторию устойчивого экологического развития [1].

Основная часть. Используя информационные и информационно-коммуникативные технологии, граждане получают больше возможностей в решении общих социально значимых проблем, подготовке коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, контроле состояния их работы и воздействию на ее уровень. В Беларуси уровень цифровизации окружающего нас пространства весьма высокий. Цифровые системы, содержащие базы данных, являются благом и в то же время таят в себе опасности. В качестве позитивного примера можно привести принятие Конституционным Судом Республики Беларусь 27.09.2002 г. Заключения «О соответствии Конституции Республики Беларусь части второй статьи 6 Закона «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь», пункта 13 Правил оформления документов на выезд за границу гражданам Республики Беларусь, подпункта 25.1 пункта 25 Инструкции о порядке оформления паспорта гражданина Республики Беларусь для выезда за границу в части установления пятилетнего срока действия обязательной отметки в паспорте гражданина Республики Беларусь, временно выезжающего за границу.

С целью исключения излишних обременений, возлагаемых на законопослушных граждан, Конституционный Суд посчитал необходимым отказаться от практики непосредственного получения в отделах органов внутренних дел разрешений на выезд за рубеж путем проставления соответствующих отметок в паспортах со взиманием пошлины. Было указано, что наиболее полно обеспечить реализацию гражданами Республики Беларусь права на свободный выезд за границу и исключить незаконный выезд за границу лиц, для которых в соответствии с Конституцией установлены ограничения, должно создание автоматизированной системы контроля, применяемой при выезде за границу.

Информационные технологии обеспечивают реализацию принципа информационной открытости (транспарентности), что влияет на характер отношений между различными субъектами права. С этих же позиций в юридической науке рассматривается информационная открытость (транспарентность) государственного управления в качестве общего принципа публичного права.

Существует несколько направлений, в которых более активно будет происходить и происходит цифровая трансформация, влияющая на правовое пространство. В их числе – сфера публичной власти, где выделяется технико-управляющее содержание деятельности органов государственной власти. Происходит оптимизация государственных функций, в частности, в сфере законодательства, правоприменения, включая процессуальное законодательство.

Растущее количество информации должно перейти в качество социального участия, гражданского самоуправления и контроля. Прежде всего это общегражданское обсуждение законопроектов, решений, программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценка действующих законов и эффективности их применения. Такая работа в Беларуси проводится, есть проекты, которые получают наиболее живой отклик. Например, изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, опубликованные в конце декабря 2021 г. для всенародного обсуждения [2], привлекли пристальное внимание граждан. Они активно использовали информационные технологии для направления своих электронных обращений, Интернет – для выражения своего отношения к предложенному тексту модернизации Конституции. Около девяти тысяч предложений и замечаний поступило для рассмотрения Конституционной комиссией, прошли многочисленные встречи в трудовых коллективах и диалоговые площадки для обсуждения проекта конституционных корректив.

В связи с внедрением информационных технологий широкие перспективы возникают в сфере обеспечения иных прав и свобод, прежде всего в сфере частного пространства. Например, это касается таких прав, как право на информацию и право частной жизни. К сфере частного пространства можно отнести такие права, как право на анонимность, забвение, конфиденциальность, право быть оставленным в покое, право контроля информации о самом себе, право на информационное самоопределение, право на защиту персональных данных, право на доступ в Интернет.

Развитие цифровизации ставит вопросы о пределах контроля за гражданами. В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

В соответствии с предусмотренными дополнениями статьи 28 Конституции государство должно создавать условия для защиты персональных данных, а также безопасности личности и общества при их использовании. Законодательство в области защиты персональных данных включает широкий круг актов, среди которых центральным является Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных». Наряду с ним действуют иные законы (например, о регистре населения), акты Главы государства, Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и др.

Ранее в международных соглашениях, актах Межпарламентской ассамблеи СНГ, ЕЭК, в научной литературе были даны определения персональных данных. В настоящее время они излагаются в Законе Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Согласно абз. 9 ст. 1 Закона персональные данные – это любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. В этой же статье указано, что физическое лицо, которое может быть идентифицировано, – это физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности, через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Достаточно новым, а также полезным для процесса нормотворчества и последующего правоприменения является указание на то, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Принцип соразмерности (пропорциональности) в современном праве имеет огромное практическое значение, он является важным критерием оценки правомерности действий органов государственной власти (должностных лиц).

Закон «О защите персональных данных» устанавливает в качестве общего правила презумпцию несогласия на обработку персональных данных: это согласие необходимо заранее получить. При этом в соответствии со ст. 5 согласие субъекта персональных данных представляет собой свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных. В Законе Российской Федерации «О персональных данных» имеется близкая по содержанию норма: согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным (ст. 9). Полагаем, что целесообразнее было бы зафиксировать норму о даче информированного и добровольного согласия на обработку данных. Исключения, безусловно, могут устанавливаться законом.

Излишним, на наш взгляд, является указание в Законе, что обработка персональных данных должна иметь прозрачный характер (ст. 4). Эту норму можно истолковать двояко. Принцип конфиденциальности информации вытекает из смысла закона.

Безусловно, принятие указанного выше специального закона можно оценить позитивно. Но, естественно, что на практике возникнет ряд вопросов, которые потребуют либо дополнительного разъяснения, либо корректировки самого закона или иных актов, направленных на его реализацию, а также согласования действующих нормативных правовых актов. Законодатель правильно поступил, предусмотрев переходный период для введения Закона в действие.

Основой богатства любого общества и государства является труд, даже при наличии природных ресурсов необходимо приложить усилия для их извлечения, транспортировки, обработки и т. д. Поэтому, занимаясь «зеленой» экономикой и вкладывая инвестиции в энергоэффективную инфраструктуру, для преодоления негативных последствий, возникших в результате непродуманного производственного процесса, следует использовать более эффективные технологии с участием человека. Такие возможности предоставляет цифровизация ряда производственных циклов.

Цифровизация затрагивает многие вопросы, находящиеся на стыке социально-трудовых отношений, а также цифровой трансформации отдельных организаций и социально-экономического развития Республики Беларусь в целом. Поэтому важно согласовать потребности организаций

с интересами работников, всего общества. Гибкость, учет потребностей рынка при одновременной защищенности работников, так называемая политика флексикьюрити наиболее востребована в условиях происходящих технологических изменений. В то же время можно вести речь о влиянии цифровых технологий на производство, развитие роботизации, что приводит к сокращению численности непосредственно занятых на производстве, а в перспективе – и в сфере услуг. Как отмечалось ранее, это вызовет проблему занятости, сокращение представителей ряда профессий, включая и рабочие профессии, бухгалтеров, юристов-консультантов и т. д.

По справедливой оценке К. Л. Томашевского, цифровизация является ярким современным трендом в области трудовых отношений, благодаря ей обеспечивается их большая гибкость в действиях сторон трудового договора [3].

Информационные технологии в современных условиях становятся важным фактором обеспечения производительной занятости и «достойной работы», которые являются важнейшими элементами достижения общего благополучия. В юридической литературе понятие «достойный труд» рассматривается как высокоэффективный труд в безопасных производственных условиях, когда человек получает удовлетворение, имеет возможность в полной мере проявить свои способности, навыки и мастерство. Это труд с достойной оплатой и справедливым распределением плодов прогресса, труд, когда права трудящихся защищены и они активно участвуют в деятельности организации, внося максимально возможный вклад в общее благополучие [4, с. 16].

Проблема внедрения цифровых технологий и Интернета в трудовые отношения не нова. Информационные технологии позволили активно использовать электронные документы, в том числе в трудовом праве.

Право на труд относится к одному из важнейших социально-экономических прав, которые гарантируются не только актами национального законодательства, но и международными актами, например, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах. Следует признать, что конституционно-правовая регламентация права на труд и реальная практика его реализации отличаются в разных странах. Это проявляется также в конституционных нормах. Например, в одних странах указывается, что «труд свободен», в других этому праву и гарантиям его реализации уделяется более пристальное внимание. В этой связи можно привести положения Конституции Республики Беларусь. Согласно ст. 41 гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и учетом общественных потребностей, а также право на здоровые и безопасные условия труда. Государство создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также полагается пособие по безработице в соответствии с законом.

Трудовые отношения в нынешних условиях претерпевают существенную модернизацию под влиянием открывшихся возможностей использования в данной сфере информационно-коммуникативных технологий. Они меняют содержание и характер трудовых отношений. В настоящее время речь идет о переходе в ближайшей перспективе к пятой промышленной революции, результатом которой будет объединение потенциала искусственного интеллекта, «цифры» и человека. Это приведет к дальнейшей дифференциации правового регулирования в области трудовых отношений. Использование информационных ресурсов еще более изменит структуру и содержание занятости. Это потребует нового взгляда на обеспечение оптимального и согласованного интереса сторон трудовых отношений. В частности, «практику алгоритмического управления, надзора и контроля с использованием датчиков, носимых устройств и других средств мониторинга необходимо регулировать в целях защиты достоинства работников, а подход к искусственному интеллекту должен быть по принципу “управляет человек”» [5]. Следовательно, для обеспечения достойного будущего в сфере труда необходимо соблюдать приоритетный статус человека.

В научной литературе, посвященной реализации информационных технологий в трудовых отношениях, рассматривается широкий спектр вопросов – особенности заключения трудового договора, ведение трудовых книжек, решение вопросов, связанных с занятостью и др. Большое

внимание уделяется удаленной работе – дистанционному труду и фрилансерам. В Трудовом кодексе Республики Беларусь предусмотрена отдельная глава, посвященная особенностям регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу. Заключение договора о дистанционной работе не является обязательным требованием для нанимателя. Это его добрая воля. Вместе с тем было бы правильно установить категории работников, которые могли бы пользоваться преимуществом при заключении таких трудовых договоров. Среди них можно выделить родителей, имеющих троих и более детей, а также инвалидов. Для них можно было бы устанавливать броню приема на такую работу. Это вполне вписывается в рамки тех корректив Конституции, которые предполагается сделать. Так, в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, предлагаемом на референдум 27 февраля 2022 г., указано, что государство оказывает поддержку семьям с детьми, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей (ст. 32), государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов, а также об инвалидах и пожилых людях. Инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами (ст. 47). Предложенные нами меры были бы стать конкретным воплощением указанных конституционных норм. Это сместило бы акцент от ожидания только каких-то материальных благ от государства в виде пособий и т. п. к реальной социальной интеграции этих лиц, особенно инвалидов.

Таким образом, органичное использование цифровых технологий будет содействовать реализации Концепции достойного труда, которая обоснована Международной организацией труда. В ряде программных документов, а также в выступлениях Генерального директора Международного бюро труда на 87-й (1999 г.) и 89-й (2001 г.) сессиях Международной конференции труда в качестве цели указывается «содействие в получении и выполнении достойной работы в условиях свободы, справедливости, гарантий защищенности и безопасности и человеческого достоинства» [6, с. V].

Используя возможности электронных ресурсов, в условиях Республики Беларусь следовало бы разработать и принять на уровне Правительства Концепцию обеспечения занятости и достойного труда, рассчитанную до 2030 г. Уже сейчас необходимо предвидеть возможные изменения в структуре занятости, определить оптимальную численность работников и управленческого персонала, сосредоточить внимание на развитии перспективных отраслей, направлениях использования высвобождаемых ресурсов, подготовке специалистов в учебных заведениях, взвесить соответствующие потребности [7].

Пандемия коронавируса COVID-19 актуализировала внимание к обучению, а также реализации права на труд, на пользование достижениями культуры, благами индустрии отдыха, спорта и т. д. посредством применения информационных технологий. Это является свидетельством, что информационные технологии могут обеспечивать реализацию широкого спектра прав граждан.

Все вышеперечисленное диктует необходимость поиска разумного баланса между регулятивными и охранительными нормами.

Устойчивому развитию способствует наличие оптимального правового воздействия законодательства, которое само по себе может дать экономический эффект [8]. Рациональное правовое регулирование с соблюдением правовых стандартов обеспечивает экономию ресурсов (материальных и социальных), устойчивое развитие общества и государства.

Заключение. На наш взгляд, под влиянием концепции изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь полезно было бы издание политико-правового программного документа (возможно, директивы Главы государства), провозглашающего новую экономическую и правовую политику, широко охватывающего в концептуальном плане основные направления деятельности органов государственной власти в экономической и социальной областях. В Конституции в качестве важного шага предусматривается наделение Всебелорусского народного собрания правом утверждать основные направления внутренней и внешней политики, которые, на наш взгляд, будут выполнять роль программного правового акта.

Список использованных источников

1. Мальцев, А. А. Цифровизация экономики в контексте реализации Целей устойчивого развития: обзор ключевых экспертных докладов 2019 г. / А. А. Мальцев, В. А. Мальцева // Вестн. междунар. орг.: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 189–195. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-09>
2. Проект изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения // СБ. Беларусь сегодня. – 2021. – 28 дек.
3. Томашевский, К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К. Л. Томашевский // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Право. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 398–413. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
4. Костин, Л. А. Достойный труд в XXI веке / Л. А. Костин // Достойный труд – высшая цель и жизненная необходимость : юбилейн. Ломоносовские чтения, посвящ. 250-летию Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : круглый стол «Достойный труд в XXI веке», 25 нояб. 2004 г. : докл. и тез. докл. / Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – С. 16.
5. Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда / Междунар. бюро труда. – Женева : МБТ, 2019. – 88 с.
6. Decent work: report of the Director-General : Intern. Labour conf., 87th sess. 1999 / Intern. Labour Organisation. – Geneva : Intern. Labour Office, 1999. – 80 p.
7. Василевич, Г. А. О праве на достойный труд / Г. А. Василевич // Трудовое и соц. право. – 2021. – № 3 (39). – С. 19–22.
8. Василевич, Г. А. Юридическое прогнозирование и экономический анализ права – важнейшие потребности современной нормотворческой деятельности / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич // Проблемы упр. – 2017. – № 4 (66). – С. 36–43.

References

1. Maltsev A. A., Maltseva V. A. Digitalization of the economy in the context of the implementation of the sustainable development goals: an overview of key expert reports in 2019. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 189–195 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-09>
2. Draft amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus for nationwide discussion. *SB. Belarus' segodnya = SB. Belarus Today*, 2021, December 28 (in Russian).
3. Tomashevski K. L. Digitalization and its impact on the labor market and labor relations (theoretical and comparative legal aspects). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 398–413 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
4. Kostin L. A. Decent work in the XXI century. *Dostoinyi trud – vysshaya tsel' i zhiznennaya neobkhodimost': yubileinye Lomonosovskie chteniya, posvyashchennye 250-letiyu Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova: kruglyi stol «Dostoinyi trud v XXI veke», 25 noyabrya 2004 g.: doklady i tezisy dokladov* [Decent work – the highest goal and vital necessity: anniversary Lomonosov readings dedicated to the 250th anniversary of the Lomonosov Moscow State University. M.V. Lomonosov: round table “Decent work in the XXI century”, November 25, 2004: reports and abstracts]. Moscow, 2005, p. 16 (in Russian).
5. *Work for a brighter future – Global Commission on the Future of Work International Labour Office*. Geneva, ILO, 2019. 75 p.
6. *Decent work: report of the Director-General : International Labour conference, 87th session 1999*. Geneva, International Labour Office, 1999. 80 p.
7. Vasilevich G. A. On the right to decent work. *Trudovoe i sotsial'noe pravo = Labor and Social Law*, 2021, no. 3 (39), pp. 19–22 (in Russian).
8. Vasilevich G. A., Vasilevich S. G. Legal forecasting and economic analysis of law as the most important needs of modern normative activity. *Problemy upravleniya* [Management Problems], 2017, no. 4 (66), pp. 36–43 (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 33.332.12
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-240-252>

Поступила в редакцию 20.07.2021
Received 20.07.2021

Ю. И. Салимова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**УРБАНИЗАЦИЯ КАК МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ**

Аннотация. Рассмотрены зарубежные и отечественные научные работы, посвященные исследованию процессов урбанизации, ее мировым тенденциям, стадийное развитие стран, последствия, механизмы управления. Кроме того, определена специфика развития процесса урбанизации в Узбекистане, на основе которой выявлены проблемы в данной области и сформулирован новый подход, который позволит усовершенствовать нынешнюю урбанистическую политику в стране.

На основе анализа особенностей мировых тенденций развития данного процесса выявлены неоднородность и неравномерность протекания урбанизации в зарубежных странах в зависимости от степени и этапов их развития. Определены схожие черты стадийного развития, начиная от медленного, переходящего в стремительный рост и сопровождающегося дальнейшим процессом субурбанизации и деурбанизации.

Основываясь на сравнительном анализе проводимой в отдельных странах мира политики, выявлены положительные и отрицательные последствия, а также ключевые инструменты регулирования урбанизации, базирующиеся на необходимости исключения «искусственной ложной урбанизации», которая привела бы к отставанию в экономическом развитии. Уделено внимание комплексному, целенаправленному и долгосрочному планированию с учетом вопросов по решению проблем городского хозяйства, проведению региональной политики на основе увязки городских центров с надлежащей инфраструктурой.

Анализ динамики урбанизации в Узбекистане показал, что страна находится на начальной стадии развития: в системе мировых координат уровень урбанизации остается относительно низким (государство находится на 147-м месте среди 218 стран мира) и составляет 50,5 %. При этом выявлены проблемы, которые препятствуют социально-экономическому устойчивому развитию городского населения, такие как искусственная урбанизация; устаревшие генеральные планы и городская инфраструктура, не отвечающие современным требованиям; жилищная политика, не сбалансированная с транспортной и социальной инфраструктурой; высокая централизация управленческих функций и слабая система управления городами различных категорий; отсутствие урбанистической политики, направленной на комплексное и устойчивое развитие регионов и городов, а также высокий уровень внешней миграции.

Проанализированы государственные меры регулирования данного процесса в Узбекистане, выявлено отсутствие стратегического видения долгосрочного урбанизационного развития.

Автором даны рекомендации по урегулированию данного процесса в стране, а также сформулирован новый комплексный подход в области урбанизации, направленный на устойчивое социально-экономическое развитие городов и сопряженный со стратегией регионального, промышленного, индустриально-инновационного развития страны.

Ключевые слова: город, городское население, комплексное устойчивое социально-экономическое развитие, политика урбанизации, регион, региональная политика, региональное развитие, урбанизация

Для цитирования: Салимова, Ю. И. Урбанизация как мировая тенденция социально-экономического развития стран и регионов / Ю. И. Салимова // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 240–252 <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-240-252>

Yulduz I. Salimova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**URBANIZATION AS A GLOBAL TREND OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
IN THE COUNTRIES AND REGIONS**

Abstract. The article examines foreign and domestic works devoted to the study of urbanization processes, its global trends, stage development of countries, consequences, management mechanisms. In addition, the specifics of the development

of the urbanization process in Uzbekistan have been determined, on the basis of which problems in this area have been identified and a new approach has been formulated that will improve the current urban policy in the country.

Based on the analysis of the features of the global urban development trends, the heterogeneity and unevenness of the course of urbanization in foreign countries, depending on different degrees and stages of development, has been revealed. In addition, similar features of stadial development have been identified: starting from slow development, turning into rapid growth and accompanied by a further process of suburbanization and deurbanization.

Based on the results of a comparative analysis of the policies pursued in individual countries of the world in this direction, the positive and negative consequences and key instruments of urbanization regulation were identified, based on the need to avoid “artificial false urbanization”, which would lead to slum formation and economic lagging and to pay attention to integrated targeted and long-term planning of this direction, taking into account the issues of solving the problems of the urban economy, the implementation of regional policies based on the linking of urban centers and associated with adequate infrastructure.

Analysis of the dynamics of the development of urbanization in Uzbekistan showed that the country is at the initial stage of its development and in the system of world coordinates the level of urbanization remains relatively low. It is 147th place among 218 countries of the world and amounted to 50,5%. At the same time, a number of problems have been identified that hinder the socio-economic sustainable development of urban settlement, such as artificial urbanization; outdated master plans and urban infrastructure that do not meet modern requirements; housing policy unbalanced with transport and social infrastructure; high centralization of management functions and a weak management system for cities of various categories; the lack of a purposeful urban policy aimed at the integrated and sustainable development of regions and cities, as well as a high level of external migration.

Also, government measures to regulate this process in Uzbekistan were analyzed and the lack of a strategic vision for long-term urbanization development was revealed.

The author gives recommendations for regulating this process in the country and formulates a new comprehensive approach to urbanization, leading to sustainable socio-economic development of cities and associated with the strategy of regional, industrial, and innovative development of the country.

Keywords: city, integrated sustainable socio-economic development, region, regional development, regional policy, urbanization, urban population, urbanization policy

For citation: Salimova Yu. I. Urbanization as a global trend of the socio-economic development in the countries and regions. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 240–252 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-240-252>

Введение. В современных условиях урбанизация стала мировым неизбежным процессом социально-экономического и устойчивого развития многих стран и регионов, который по-разному проявляется в зависимости от степени и этапов формирования.

Последствия процесса урбанизации могут быть как негативными, так и позитивными. Образование трущоб, отставание в социально-экономическом развитии являются характерными особенностями больших городов в развивающихся странах, однако в индустриальную эпоху ни одной стране не удавалось добиться значительного экономического роста без данного процесса. В связи с этим во избежание отрицательных последствий урбанизации государства стараются выработать целенаправленную политику в данном направлении, способствующую социально-экономическому и устойчивому развитию.

Основная цель данной статьи – на основе анализа масштабов и стадий мировой урбанизации, систематизации проводимой политики урбанизации в зарубежных странах разработать практические рекомендации по регулированию развития урбанизационных процессов в Республике Узбекистан.

Обзор научных исследований. Для достижения поставленной цели были рассмотрены зарубежные и отечественные научные работы, посвященные исследованию мирового развития урбанизации. Экономический аспект изучения процесса урбанизации получил отражение в работах таких исследователей, как Г. М. Лаппо, А. И. Трейвиш, Т. Г. Нефедова, Ж. А. Зайончковская, Н. В. Зубаревич, С. С. Артоболевский и др. [18]. Анализ работ указанных авторов позволил выявить ряд направлений исследований процесса урбанизации, которые в обобщенном виде отражены в табл. 1.

Основательно изучены масштабы развития урбанизации, которые представлены в информационных материалах и базах данных ООН, ХАБИТАТ, ПРООН, Всемирного банка, различных специализированных международных организаций, статистических ежегодниках отдельных стран и т. д.

Таким образом, в достаточной мере изучено мировое текущее состояние, масштабы, стадии и последствия процесса урбанизации: с одной стороны, взаимосвязь с экономическим развитием, сопровождающимся индустриализацией, миграционными процессами, трудовыми отношениями

Таблица 1. Различные аспекты исследования процесса урбанизации

Table 1. Various aspects of the study of the urbanization process

Ученые-исследователи	Направление теорий/концепций
Г. М. Лаппо	Исследование факторов торможения процессов агломерации
А. И. Трейвиш	Теория дифференциальной урбанизации в отношении крупных регионов России
Ж. А. Зайончковская	Исследование миграционной подвижности населения и ареал притягательности крупных городов на базе социологических исследований
В. Н. Лексин	Урбанизация как дополнительный фактор усугубления регионального неравенства через процесс сосредоточения административного ресурса в «региональных столицах»
Н. В. Зубаревич	Анализ динамики экономического развития крупных городов
В. Н. Медведева, А. Н. Харланова	Оценка роли урбанизации в экономике
Д. А. Зарипова	Влияние урбанизации на структуру экономики
Е. Г. Андреева, Е. Д. Филиппова, Г. А. Буданов, И. Н. Юдина, В. В. Ивантер, Р. Р. Рамазанов, С. В. Смирнов, С. Н. Растворцева, И. Блум и И. Ханна	Взаимосвязь масштабов развития урбанизации и экономического роста
О. Перерва, Ю. Тучина	Модификация хозяйственного пространства глобальной экономики на основе изучения механизмов функционирования больших городов
З. Галич	Мегаполизация в странах Востока и Запада
З. А. Коломак	Исследование мировых тенденций и особенностей развития урбанизации, выявление источников, ограничивающие факторы развития урбанизации
Ю. Л. Пивоваров	Выявление закономерностей, предопределивших развитие городов в разных регионах мира
В. Н. Лексин	Концентрация экономического и социального потенциала в административных центрах субъектов Российской Федерации и немногих крупных городах

Примечание. Составлено автором на основе собственных разработок.

и инновационным развитием, с другой – отставание в социально-экономическом развитии, возникновение экологических проблем и образование трущоб.

При этом недостаточно изученной является политика в области урбанизации в Республике Узбекистан, поскольку это новое направление, находящееся на начальной стадии развития. На сегодняшний день не существует целенаправленной государственной политики в данной области.

Основные тенденции и этапы урбанизации. Динамика мирового развития процесса урбанизации демонстрирует устойчивую тенденцию роста городского населения: в начале XIX в. в городах проживало 3 % населения планеты, в начале XX в. – около 15, в XXI в. – около 47 %. Предполагается, что подобная тенденция сохранится и в ближайшее десятилетие. Городское население, увеличиваясь опережающими темпами, нежели общее население мира, по прогнозам, к 2050 г. достигнет 6,3 млрд человек [30].

По мнению Б. Берри, урбанизация сопровождалась индустриализацией, которая явно проявлялась в странах Западной Европы, Северной Америки, а затем и в других регионах мира, где наблюдался беспрецедентный «демографический взрыв», «урбанистический бум» («городская революция» 1950–1970-х гг.). В странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии урбанизация началась со строительства колониальных городов, что предшествовало индустриализации. В результате процесс урбанизации осуществлялся активнее, чем индустриализация, что привело к безработице и образованию трущоб в черте городов.

Результатом городского бума в данный период явилось усиление юго-восточно-азиатского вектора в мировой урбанизации. Это связано (помимо известного феномена послевоенной Японии) со значительным увеличением во второй половине XX в. городского населения в Китае, Индии и ряде прилегающих стран Восточной и Южной Азии. В 1970–1990 гг. азиатский вектор в урбанизации мира находит отражение в быстром росте сверхкрупных городских агломераций с населением свыше 5 млн жителей.

Столь масштабному росту городского населения соответствовали размах и широта урбанизационных процессов, рост новых городов, преимущественно промышленных, постепенное возрастание городской занятости, развитие науки и техники, появление новых отраслей экономики, функционирование новых экономических, социальных, социокультурных структур и институтов, организованных на принципах рациональности, научно-технического прогресса, постепенный переход к городскому укладу жизни.

В настоящее время процесс урбанизации протекает в зарубежных странах по-разному. Например, в более развитых странах наблюдается снижение роста мегаполисов и городов из-за закончившегося процесса индустриализации. В результате замедляются темпы прироста населения в крупных городах, начинается отток населения из городской местности в пригороды. Данный процесс называется «антиурбанизация».

Причины столь неоднородного и неравномерного развития данного процесса в глобальном пространстве станут очевиднее, если проанализировать этапы развития урбанизации.

Существует несколько урбанистических теорий Дж. Джиббса, М. Нортема, Х. Гейера, Т. Контули, а также других исследователей [6], которые описывают этапы урбанизации.

Дж. Джиббс предложил схему эволюции данного процесса, выделив пять стадий по критерию динамики соотношения городского и сельского населения. *Первая стадия* доиндустриального общества характеризуется равномерным расселением городского и сельского населения, при этом наблюдается преобладание сельских поселений. На *второй стадии* происходит активизация роста и развития городов, а также городских поселений, обусловленная повышением привлекательности городского образа жизни и усилением миграции из сел в города. На *третьей стадии* наблюдается депопуляция села из-за оттока населения из сельской местности в городские поселения. На *четвертой стадии* начинается субурбанизация, т. е. развитие пригородных зон, опережающее развитие центральной зоны, при этом наблюдается сокращение численности сельского населения. *Пятая стадия* (дезурбанизация) характеризуется активным оттоком населения из городской агломерации в прилегающие сельские районы, при этом численность сельского населения растёт, а уровень жизни в сельской местности не уступает городскому [27].

Позднее, в 1980–1990-е гг., разрабатывались новые подходы к выделению стадий урбанизации, а именно теория дифференциальной урбанизации Х. Гейера и Т. Контули, подобная стадийному процессу Дж. Джиббса: крупногородская, зрелая крупногородская, стадия разворота, реверсия, контурбанизация и реурбанизация. При этом тенденции похожи: концентрация и деконцентрация населения, а также рост поселений различного размера в отдельные периоды времени.

Л. Клаассен и Г. Шимеми выделили четыре стадии урбанизации для агломераций: урбанизация (рост городского населения), субурбанизация (рост пригородного населения), дезурбанизация (быстрое снижение городского населения) и реурбанизация (вновь рост городского населения или его медленное сокращение) [30].

Р. М. Нортемом в 1975 г. разработано понятие «кривая Нортема», которая имеет форму буквы S и обозначает три ступени урбанизации. Первая ступень характеризуется долей городского населения, не превышающей 30 %, ростом количества городов, а также преобладанием первичного сектора. На второй ступени уровень урбанизации достигает 70 %, вторичный сектор экономики начинает преобладать над первичным. На третьей ступени в хозяйственной деятельности доминирует третичный сектор экономики и развиваются информационные технологии. Таким образом, в теории М. Нортема наблюдается корреляция урбанизации с индустриализацией и экономическим ростом.

Е. М. Жуков, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, как и Р. М. Нортем, выделили три исторических периода, связав развитие урбанизации с индустриализационным процессом: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный [5].

При сопоставлении теорий Дж. Джиббса и М. Нортема можно выявить схожие черты. Первая ступень «кривой Нортема» соответствует первой и второй стадиям Дж. Джиббса, вторая ступень – третьей и четвёртой стадиям, третья ступень – пятой стадии.

Таким образом, несмотря на различное количество этапов урбанизации при сопоставлении теорий Дж. Джиббса, Р. М. Нортема, Х. Гейера, Т. Контули, а также других исследователей, можно

выявить схожие черты в динамике этого процесса: урбанизация начинается медленными темпами, потом наблюдается стремительный рост, далее происходит процесс субурбанизации и деурбанизации.

В итоге страны, завершающие развитие урбанизации и достигшие предельной концентрации производительных сил и населения в городах, переходят к этапу политики субурбанизации и деурбанизации. Такие страны, как Узбекистан, находящиеся на начальной стадии процесса урбанизации, продолжают урбанистическую политику, которая будет способствовать экономическому росту регионов и благосостоянию населения.

Особенности политики урбанизации (международный опыт). Важно отметить, что эффект процессов урбанизации в мировом пространстве имеет ряд неоднозначных социально-экономических последствий в зависимости от стадий, особенностей развития и принятой государственной политики (табл. 2).

Из табл. 2 следует, что анализ накопленного опыта реализации государственной политики урбанизации в странах мира показывает примеры как эффективной, так и неэффективной политики урбанизации. Например, политика в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, Западной Азии и Африки является ярким примером неэффективной государственной политики

Таблица 2. Анализ текущего состояния, основные черты политики в области урбанизации и ее последствия

Table 2. Analysis of the current state, the main features of urbanization policies and their consequences

Страны, регионы	Текущее состояние	Политика	Последствия
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	Неизбежный рост городов, чрезмерная нагрузка на инфраструктуру города, увеличение безработицы	Отсутствие упреждающих мер	Образование трущоб и непредоставление услуг малоимущему населению, появление неблагоустроенных городских окраин
Западная Азия (арабские государства)	Естественный прирост населения, миграция из сельской местности в города	Антимиграционная политика без регионального планирования	Увеличение плотности населения и образование трущоб
Африка	Снижение естественного прироста населения, замедление роста городов, обратная миграция в сельскую местность, преобладание небольших городов, проблема ВИЧ/СПИД	Субурбанистическая политика	Отставание в экономическом развитии, появление неблагоустроенных городских окраин, экологические проблемы
Азиатско-Тихоокеанский регион	Естественный прирост населения, поощрение миграционной активности, увеличение рабочих мест	Урбанистическая политика с учетом мер по решению проблем городского хозяйства, проведение региональной политики на основе увязки городских центров, связанное с надлежащей инфраструктурой	Проблемы спроса на жилье и услуги, поощрение миграции в прибрежные зоны, увеличение производительной активности, снижение уровня рождаемости в городах, реклассификация отдельных районов и жителей, координация между городами и местное самоуправление городами, стратегия полюса роста
США, развитые страны	Снижение роста мегаполисов и городов, закончившийся процесс индустриализации, отток населения в пригороды	Политика субурбанизации и деурбанизации	Устойчивое развитие и благосостояние населения городов, налаженная система управления ресурсами на национальном уровне, внедрение новейших и современных технологий в производство, возникновение специальных экономических зон, продолжение строительства и приватизации городских застроек, экологические проблемы

Страны, регионы	Текущее состояние	Политика	Последствия
СНГ, в том числе Республика Узбекистан	Рост больших городов, концентрация населения в крупных городах, адаптация сельских жителей к городскому образу жизни	«Концентрационная мо- дель» урбанизации – сосре- доточение населения и эко- номики в крупных и круп- нейших городах, малые и средние города, не- смотря на их численность и социальную значимость, слабо участвуют в эконо- мическом развитии страны и региона	Развитие промышленности, активное привлечение инвестиций, строительство жилых комплексов, слабое участие малых и средних горо- дов в экономическом развитии региона, нагрузка на коммунальную инфраструк- туру, рост безработицы и ухудшение условий жизни в городах, усиление риска «ложной урбанизации»
Республика Беларусь (отдельно выделена из стран СНГ)	Завершение предельной кон- центрации производительных сил и населения в городах, закончившийся процесс индус- триализации, отток населения в пригороды	Политика субурбанизации и деурбанизации, стимулирование формиро- вания агломераций, формирование новых цент- ров развития на базе горо- дов с численностью насе- ления 80+	Рост доходов и благосостояния насе- ления, децентрализация промышленного произ- водства, развитие транспорта, средств связи, ухудшение качества городской среды

Примечание. Составлено автором на основе данных ООН.

урбанизации, которая привела к образованию трущоб и отставанию в экономическом развитии, что в мировой научной литературе называется «ложной урбанизацией». Последняя представляет собой стремительный рост численности городского населения, «выталкивание» в города сельского населения из перенаселенных аграрных районов, которое сопровождается недостаточным ростом количества рабочих мест, мегаполизацией.

В данном случае не развиваются городские функции, характеризующие мировой процесс урбанизации, государственная политика урбанизации является односторонней и сводится к усилению административных мер по снижению миграции из села в город без заблаговременного регионального планирования.

Таким образом, без четкого понимания необходимости реализации политики индустриализации, учета региональных особенностей, создания рабочих мест в сфере промышленности и услуг в городах ограничительные антимиграционные меры не дают положительных результатов, что приводит к «ложной урбанизации».

Наряду с отрицательным опытом государственной политики урбанизации накоплен положительный опыт целенаправленной государственной политики в области урбанизации.

Примером комплексного целенаправленного и долгосрочного планирования урбанизации с учетом вопросов по решению проблем городского хозяйства, проведению региональной политики на основе увязки городских центров, а также вопросов, связанных с надлежащей инфраструктурой, является политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где был сделан упор на индустриальное развитие. Позитивные последствия урбанистической политики, которые способствовали устойчивому развитию и благосостоянию населения городов, также можно наблюдать и в США [24].

Проведенный обзор политики урбанизации зарубежных стран позволяет сделать вывод, что она стала приоритетной в программах модернизации тех стран, которые реализуют эту политику при сильной контролирующей роли государства. Для формирования нового городского образа жизни многие страны прошли через этап индустриализации, сопряженный с региональной политикой и региональным планированием, и обеспечили координацию между городами при усилении роли местного самоуправления в городах.

Современные процессы урбанизации и особенности политики урбанизации в Узбекистане. Исследования показали, что урбанизация в Республике Узбекистан находится на начальной стадии развития.

В системе мировых координат уровень урбанизации в Узбекистане остается относительно низким. Согласно международному рейтингу ООН, Узбекистан по уровню урбанизации занял 147-е место среди 218 стран мира и составил 50,5 % (справочно: в России – 74,3 %, Турции – 74,6, Казахстане – 57,3, Туркменистане – 51,2, Беларуси – 78,1 %).

Численность населения Республики Узбекистан в начале 2021 г. составляла 33,2 млн человек, из которых 16,2 млн человек (50,5 %) проживают в городах. При этом основными факторами роста количества городского населения стали естественный рост численности населения, миграция и административные территориальные преобразования. Необходимо отметить, что сложившийся уровень урбанизации в целом не отвечает современным требованиям комплексного развития городов и отстает от мировых тенденций.

С 2012 г. и по настоящее время численность городов (119 единиц) не изменилась, в них проживает 10,1 млн человек. Основу городской сети страны составляют малые города (68,1 % от общей численности городов), на долю которых приходится 20,5 % всего городского населения.

За последние годы наблюдаются структурные изменения в составе городов: уменьшение количества малых (от 87 в 2005 г. до 81 в 2018 г.), а также больших городов (от 13 в 2005 г. до 10 в 2018 г.), увеличение количества средних (от 16 в 2005 г. до 20 в 2018 г.), а также крупных городов (от 3 в 2005 г. до 7 в 2018 г.) [28] (табл. 3).

Таблица 3. Структурные изменения в городах Узбекистана

Table 3. Structural changes in the cities of Uzbekistan

Типология городов	2005 г.				2021 г.			
	Количество городов	%	Численность населения, тыс. чел.	%	Количество городов	%	Численность населения, тыс. чел.	%
Всего городов	120	100,0	8350,5	100,0	119	100,0	10 140,9	100,0
в том числе:								
Крупнейшие города	1	0,8	2128,6	25,5	1	0,8	2 457,9	24,2
Крупные города	3	2,5	1122,3	13,4	7	5,9	2 629,5	25,9
Большие города	13	10,8	2164,6	25,9	10	8,4	1 597,7	15,8
Средние города	16	13,3	1001,2	12,0	20	16,8	1 388,6	13,7
Малые города	87	72,5	1933,8	23,2	81	68,1	2 067,2	20,4

Примечание. Составлено автором на основе данных Государственной статистики Республики Узбекистан.

Вышеуказанное состояние городов различного типа в Республике Узбекистан соответствует стадиям урбанизации, описанным в теории дифференциальной урбанизации Дж. Джиббса и М. Нортема.

По численности населения на территории республики выделяются следующие категории городов: 1 – крупнейший, 7 – крупных, 10 – больших, 20 – средних и 81 – малый. Из общего количества городов 2 (г. Ташкент и Нукус) имеют статус республиканского подчинения, 29 – областного и 88 – городов районного подчинения.

На долю городов приходится около 75 % внутреннего валового продукта и более 85 % – промышленной продукции. Доминирующая роль в городах принадлежит сфере услуг. Так, в городах республиканского и областного подчинения сконцентрировано более 70 % от общереспубликанского объема услуг. При этом доля услуг связи и информатизации составляет 99,1 %, финансовых услуг – 98,3, услуг образования – 80,8, здравоохранения – 71,9 %.

Приблизительно четвертая часть городского населения проживает в столице – г. Ташкенте (24,2 %). Количество поселков городского типа, где проживают 6,4 млн чел. (38,7 %), за рассматриваемый период возросло от 1065 до 1071. Достаточно большая численность поселков городского типа является особенностью структуры городских поселений Узбекистана.

За годы независимости в Республике Узбекистан проделана определенная работа по развитию городов. В целях обеспечения роста и стабилизации городского населения с 2009 г. на основании административного решения осуществлены меры по преобразованию крупных сельских

населенных пунктов в категорию городских поселков. В результате уровень урбанизации, рассчитанный по доле городского населения в республике, вырос от 40,3 % в 1991 г. до 50,6 % в 2021 г., увеличившись в основном за счет административных преобразований сельских населенных пунктов в городские поселки [20]. Такое решение непосредственно повлияло на социально-экономическое и демографическое развитие страны. Придание статуса городского поселка предполагало, что искусственная урбанизация станет фактором привлечения инвестиций в их развитие из-за высокого инвестиционного потенциала, сыграв важную роль в повышении уровня урбанизации в стране.

В результате принятого Указа Президента Республики Узбекистан от 10 января 2019 г. № УП-5623 «О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации» уровень урбанизации в республике сравнился со среднемировым показателем. В то же время преобразование сельских населенных пунктов в городские поселки в определенной степени рассматривалось в качестве их постепенного преобразования в потенциальные центры социально-экономического развития для прилегающих территорий [26].

Анализ современного состояния городских поселений Республики Узбекистан выявил ряд следующих проблем, которые препятствуют социально-экономическому устойчивому развитию городского расселения:

- 1) искусственная урбанизация, которая не сопровождалась инфраструктурными, урбанистическими или социально-экономическими изменениями в городах;
- 2) устаревшие генеральные планы и городская инфраструктура, не отвечающие современным требованиям;
- 3) жилищная политика, не сбалансированная с транспортной и социальной инфраструктурой;
- 4) высокая централизация управленческих функций и слабая система управления городами различных категорий, сопровождающиеся недостатком квалифицированных рабочих и специалистов в области урбанизации;
- 5) отсутствие урбанистической политики, направленной на комплексное и устойчивое развитие регионов и городов, высокий уровень внешней миграции, отсутствие в разрезе каждого города долгосрочной стратегии социально-экономического развития.

Для решения вышеуказанных проблем правительством предпринимались соответствующие меры. В рамках реализуемой в Республике Узбекистан Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям используются инструменты и механизмы, способствующие экономическому росту и устойчивому развитию, что свидетельствует о переходе к реализации активной государственной политики в области урбанизации [25].

Кроме того, Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису 28 декабря 2018 г. поставил стратегическую цель – довести уровень урбанизации в стране до 60,0 % к 2030 г. Для ее решения принят Указ «О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации» [26]. В соответствии с этим законодательным актом к числу основных направлений совершенствования процессов урбанизации отнесены реализация новой жилищной политики, сбалансированной с транспортной и социальной инфраструктурой; приватизация земельных участков юридическими и физическими лицами на правах частной собственности; стимулирование привлекательности городов для свободного перемещения населения; внедрение положительной зарубежной практики эффективного управления городами различных категорий и расширение сети городов-спутников.

С учетом положений Указа Президента Республики Узбекистан были внесены изменения и поправки в действующие законодательные акты, в том числе земельного, градостроительного и жилищного кодексов.

Для регулирования данного направления было создано Агентство урбанизации при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан. Впоследствии данное Агентство было ликвидировано, а в Министерстве экономического развития и сокращения бедности был открыт Департамент по ведению политики урбанизации с основными функциями Агентства.

На сегодняшний день в Узбекистане не определено стратегическое видение долгосрочного урбанизационного развития. В стране отсутствует опыт разработки таких программных страте-

гических документов. В настоящий момент проводится работа по привлечению специалистов международных организаций для проведения конференций и семинаров по подготовке кадров в этой области, а также в целях разработки долгосрочной программы.

Таким образом, в Узбекистане в последние годы происходит неизбежная эволюция социально-географических представлений об урбанизации. На основе анализа особенностей и тенденций процесса урбанизации в Республике Узбекистан можно сделать следующие выводы:

принятое в 2009 г. постановление о некоторых смягчениях основных критериев градообразования в республике привело к быстрому росту городских сетей и численности городского населения в целом, но преобразованные населенные пункты в малые города по качественным показателям не отвечают статусу города, т. е. искусственной урбанизации;

за годы независимости в условиях рыночных отношений особых изменений в росте количества городов и формировании городских систем не происходило, также отмечаются слабое функциональное развитие и классификация по численности населения, т. е. ложная урбанизация;

основными проблемами развития городов и формирования городских систем в Узбекистане являются недостаточность производственного потенциала, слабое социальное развитие и использование экономического потенциала регионов;

отсутствие урбанистической политики, направленной на комплексное и устойчивое развитие регионов и городов, а также высокий уровень внешней миграции привели к низкой мобильности сельского населения. Новая урбанистическая политика должна координироваться со стратегией регионального и индустриально-инновационного развития страны;

уделяется недостаточное внимание особенностям, характерным для отдельных категорий городов, мест размещения при проектировании и реализации инвестиционных проектов, существуют определенные погрешности в статистической отчетности в области учета реальной численности городского населения, особенно больших и крупных городов, и др.

На основе анализа текущей ситуации и существующих проблем в Республике Узбекистан, а также мирового опыта эффективных политик в данном направлении ключевыми условиями в области урбанизации, учитывающими национальную специфику и избегающими «ложной искусственной урбанизации», должны стать:

1) привязка городов и выход к стратегическим железнодорожным путям и автомобильным магистралям, учитывая то обстоятельство, что в настоящее время 63,9 % городов размещены в непосредственной близости к железнодорожным станциям, 70 % городов имеют прямой выход к национальной автомобильной дороге, 5 % – к автомобильным дорогам международного значения;

2) учитывая обстоятельство, что принимаемые государственные меры по обустройству и озеленению городских территорий позволили довести площадь озеленения больших и крупных городов в среднем до 30 %, необходимы дальнейшее поддержание достаточной площади зеленых пространств для снижения температуры и улучшения качества воздуха, а также повышение общего уровня благоустроенности городов;

3) улучшение городской инфраструктуры, которая в дальнейшем привела бы к миграционному оттоку населения из села (в частности, из малых – в средние города, из средних – в крупные города) и социально-экономическому развитию путем повышения доходов населения;

4) ввиду отсутствия статистической отчетности отдельно по городам и городским поселкам совершенствование статистики не только городов – областных центров и городов областного подчинения, но и всех городов страны, т. е. введение полноценной статистической отчетности по всем 119, а не только по 30 городам, которая бы охватывала все основные параметры социально-экономического развития городов и городского хозяйства;

5) для усовершенствования системы управления органов статистики должен быть продуман и реализован комплекс мер, направленный на создание и совершенствование городской (муниципальной) статистики;

6) координация новой урбанистической политики со стратегиями регионального, промышленного, индустриально-инновационного развития страны, в результате чего города должны стать центром притяжения и толчком для развития сельских регионов.

Таким образом, комплексная государственная политика в области урбанизации должна включать в себя следующие направления: формирование и реализацию концепции городов, индустриальное развитие, оптимизацию системы регионального планирования городского развития; совершенствование системы административного регулирования миграционных процессов, институционально-организационное обеспечение формирования и реализации комплексной государственной политики урбанизации.

Как показывает мировой опыт, меры и программы по развитию урбанизации целесообразно объединять в комплексные стратегии, что позволит предупредить дублирование усилий и неэффективное использование финансовых средств. Эти стратегии обязательно должны координироваться с региональными стратегиями.

Выводы. Анализ развития урбанизации в зарубежных странах свидетельствует о сложности данного процесса, стремительном увеличении городов, приводящем к устойчивому социально-экономическому росту, неоднородности и неравномерности.

При сопоставлении теорий Дж. Джиббса, Р. М. Нортена, Х. Гейера, Т. Контули и других исследователей выявлена закономерность, что данный процесс урбанизации по-разному проявляется в зависимости от степени и этапов развития, начиная от медленного развития, переходящего в стремительный рост, и заканчивая дальнейшим процессом субурбанизации и деурбанизации.

С учетом неравномерности урбанистического развития были выделены эффективные и неэффективные политики управления данным процессом, имеющие, соответственно, негативные и позитивные последствия. Целенаправленная и комплексная государственная политика урбанизации выступает катализатором социально-экономического и устойчивого развития. В то же время отсутствие данной политики может спровоцировать «ложную урбанизацию», что приведет к образованию трущоб и отставанию в экономическом развитии.

В результате исследования политики урбанизации некоторых стран выявлены следующие подходы:

- 1) политика урбанизации стала приоритетной в программах модернизации тех стран, которые реализуют эту политику при сильной контролирующей роли государства;
- 2) особенностью развитых стран является то, что они прошли через этап индустриализации, в ходе которой сформировался новый уклад жизни;
- 3) процесс урбанизации во многих странах сопровождался проведением региональной политики и регионального планирования, решались вопросы оптимизации использования ресурсов пространственного планирования, проводилось реформирование городского планирования;
- 4) особое внимание уделялось вопросам управления городами и реформирования муниципального управления, координации между городами, усиления роли местного самоуправления в городах.

Анализ динамики урбанизации в Республике Узбекистан показал, что страна находится на начальной стадии ее развития и в системе мировых координат уровень урбанизации остается относительно низким. До настоящего времени в Узбекистане не определено стратегическое видение долгосрочного урбанизационного развития, страна находится на стадии разработки целенаправленной государственной стратегии регулирования в данном направлении.

На основе мирового опыта урбанистических политик и выявления проблем в Республике Узбекистан ключевыми направлениями должны стать привязка городов и выход к стратегическим железнодорожным путям и автомобильным магистралям, увеличение площади зеленых зон и благоустроенность городов, продуманная городская инфраструктура, совершенствование городской статистики, координация урбанистической политики со стратегией регионального, промышленного, индустриально-инновационного развития страны.

Список использованных источников

1. Буданов, Г. А. Экономические школы об экономическом росте и необходимости социальной защиты населения / Г. А. Буданов // Соц.-экон. реформы: регион. аспект. – 2001. – № 3. – С. 56–58.
2. Вишневский, А. Мировое население: соблазн и опасности количества / А. Вишневский // Открытая политика. – 1997. – № 1. – С. 91–95.

3. Гольц, Г. А. Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия / Г. А. Гольц // Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр. – 1994. – № 3. – С. 24–37.
4. Груза, И. Теория города / И. Груза; сокр. пер. с чеш. Л. Б. Мостовой; науч. ред. О. А. Швидковский. – М.: Стройиздат, 1972. – 247 с.
5. Гутнов, А. Мир архитектуры: Лицо города / А. Гутнов, В. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
6. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса / Е. М. Жуков [и др.]; [отв. ред. Е. М. Жуков]. – М.: Наука, 1979. – 330 с.
7. Зарипова, Д. А. Оценка влияния тенденций урбанизации на условия развития городов / Д. А. Зарипова // Науч. обозрение. – 2012. – № 2. – С. 457–464.
8. Ивантер, В. В. Стратегия перехода к экономическому росту / В. В. Ивантер // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 1 (157). – С. 3–7.
9. Коломак, Е. А. Оценка влияния урбанизации на экономический рост в России / Е. А. Коломак // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 51–69.
10. Костарев, С. В. Урбанизация как фактор динамики культуры / С. В. Костарев // Ом. науч. вестн. – 2012. – № 5 (112). – С. 233–234.
11. Ласько, А. И. Урбанизация как причина экономического кризиса [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновац. технологий. – 2014. – № 7. – Режим доступа: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/07/5593>. – Дата доступа: 29.09.2020.
12. Лейзерович, Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ / Е. Е. Лейзерович // Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр. – 1995. – № 2. – С. 67–74.
13. Манаева, И. В. Особенности социально-экономического неравенства в городах России / И. В. Манаева // Экон. анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16, № 5. – С. 960–970. <https://doi.org/10.24891/ea.16.5.960>
14. Медведева, В. Н. Урбанизация и ее роль в экономике / В. Н. Медведева, А. М. Харланова // Теория и практика соврем. науки. – 2016. – № 6, ч. 1. – С. 867–870.
15. Моляренко, О. А. Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений / О. А. Моляренко // Вопр. гос. и муницип. упр. – 2013. – № 1. – С. 43–63.
16. Петрова, А. А. Урбанизация как фактор изменения экологической ситуации города Санкт-Петербурга / А. А. Петрова, Л. А. Пятлина // Науч. перспектива. – 2016. – № 4. – С. 82–83.
17. Пивоваров, Ю. Л. Основы георбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие / Ю. Л. Пивоваров. – М.: Владос, 1999. – 232 с.
18. Пивоваров, Ю. Географическое учение об урбанизации: проблемы и поиски решений / Ю. Пивоваров // Свобод. мысль. – 1995. – № 4. – С. 111–121.
19. Пивоваров, Ю. Л. Современная урбанизация: курс лекций / Ю. Л. Пивоваров. – М.: Рос. открытый ун-т, 1994. – 126 с.
20. О дополнительных мерах по совершенствованию административно-территориального устройства населенных пунктов Республики Узбекистан: постановление Каб. Министров Респ. Узбекистан, 13 марта 2009 г., № 68 // Собр. законодательства Респ. Узбекистан. – 2009. – № 12. – Ст. 130.
21. Ткачева, А. С. К вопросу об увеличении темпов роста и обеспечении конкурентоспособности экономики регионов России / А. С. Ткачева, С. Н. Растворцева // Заметки ученого. – 2016. – № 3. – С. 92–96.
22. Русановский, В. А. Фактор урбанизации в пространственных моделях экономического роста: оценка и особенности в Российской Федерации / В. А. Русановский, В. А. Марков // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2015. – № 7 (147). – С. 113–124.
23. Смирнов, С. В. Экономический рост и экономические кризисы в России: конец 1920-х годов – 2014 г. / С. В. Смирнов // Вопр. экономики. – 2015. – № 5. – С. 28–47. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-28-47>
24. Георбанистика: учеб. пособие / Н. П. Соболева [и др.]. – Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. – 300 с.
25. О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан: Указ Президента Респ. Узбекистан, 7 февр. 2017 г., № УП-4947 // Собр. законодательства Респ. Узбекистан. – 2017. – № 6. – Ст. 70.
26. О мерах по коренному совершенствованию процессов урбанизации: Указ Президента Респ. Узбекистан, 10 янв. 2019 г., № УП-5623 // Собр. законодательства Респ. Узбекистан. – 2019. – № 1–2. – Ст. 9.
27. Филиппова, Е. Д. Современные проблемы экономического роста. Экономический рост в России / Е. Д. Филиппова // Вопр. экон. наук. – 2016. – № 6 (82). – С. 57–58.
28. Урбанизация [Электронный ресурс] // Материалы Всемирного банка для учащихся. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/youthink/urbanization.shtml>. – Дата доступа: 21.03.2021.
29. Швецов, А. Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства / А. Н. Швецов // Рос. экон. журн. – 2018. – № 1. – С. 45–65.
30. Чистозвонов, А. Н. Итоги исторического процесса в Западной Европе IV–XV веков / А. Н. Чистозвонов, М. А. Барг // Проблемы генезиса капитализма: сб. ст.: к VII Междунар. конгр. экон. истории в Эдинбурге 1978 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: А. Н. Чистозвонов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1978. – С. 3–70.
31. Gibbs, J. P. The evolution of popular concentration / J. P. Gibbs // Economic Geography. – 1963. – Vol. 39, № 2. – P. 119–129. <https://doi.org/10.2307/142505>
32. Regional Outlook Survey Results [Electronic resource] / OECD. – Mode of access: www.oecd.org. – Date of access: 20.01.2021.
33. World urbanization prospects: the 2018 revision / UN Dep. of Economic a. Social Affairs. – New York: UN, 2019. – 123 p. <https://doi.org/10.18356/b9e995fe-en>

References

1. Budanov G. A. Economic schools on economic growth and the need for social protection of the population. *Sotsial'no-ekonomicheskie reformy: regional'nyi aspekt* [Socio-Economic Reforms: Regional Aspect], 2001, no. 3, pp. 56–58 (in Russian).
2. Vishnevsky A. The world population: the temptation and dangers of quantity. *Otkrytaya politika* [Open Policy], 1997, no. 1, p. 91–95 (in Russian).
3. Golts G. A. Urbanization as a phenomenon of culture: regularities of a socioinformation diversity. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 1994, no. 3, pp. 24–37 (in Russian).
4. Hruža J. *Teorie města* [City theory]. Praha, Československá akademie věd, 1965. 327 p. (in Czech).
5. Gutnov A., Glazychev V. *The world of architecture: face of the city*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 351 p. (in Russian).
6. Zhukov E. M., Barg M. A., Chernyak E. B., Pavlov V. I. *Theoretical problems of the world-historical process*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 330 p. (in Russian).
7. Zaripova D. A. Appraisal of the influence of urbanization tendencies on the conditions of city development. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review], 2012, no. 2, pp. 457–464 (in Russian).
8. Ivantsev V. V. Strategy of transition to economic growth. *Studies on Russian Economic Development*, 2016, vol. 27, no. 1, pp. 1–4. <https://doi.org/10.1134/s1075700716010056>
9. Kolomak Ye. A. Assessing how urbanization influence an economic growth in Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2011, no. 4, pp. 51–69 (in Russian).
10. Kostarev S. B. Urbanization as a factor of the culture dynamics. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 5 (112), pp. 233–234 (in Russian).
11. Lasko A. I. Urbanization as a cause of economic crisis. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii = Economics and Innovation Management*, 2014, no. 7. Available at: <https://ekonomika.snauka.ru/en/2014/07/5593> (accessed 22.09.2020) (in Russian).
12. Leizerovich E. E. Levels of space organization: economic-geographic analysis. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 1995, no. 2, pp. 67–74 (in Russian).
13. Manaeva I. V. Specifics of socio-economic inequality in Russian cities. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, no. 5, pp. 960–970 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.16.5.960>
14. Medvedeva V. N., Kharlanova A. M. Urbanization and its role in the economy. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki* [Theory and Practice of Modern Science], 2016, no. 6, pt. 1, pp. 867–870 (in Russian).
15. Moliarenko O. A. The phenomenon of distributed lifestyle and counter-urbanization processes as factors of rural and urban settlements development. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*, 2013, no. 1, pp. 43–63 (in Russian).
16. Petrova A. A., Pyatlina L. A. Urbanization as a factor in changing the ecological situation of the city of St. Petersburg. *Nauchnaya perspektiva* [Scientific Perspective], 2016, no. 4, pp. 82–83 (in Russian).
17. Pivovarov Yu. L. *Fundamentals of geo-urban studies: urbanization and urban systems*. Moscow, Vldos Publ., 1999. 232 p. (in Russian).
18. Pivovarov Yu. Geographical teaching about urbanization: problems and finding solutions. *Svobodnaya mysl' [Free Thought]*, 1995, no. 4, pp. 111–121 (in Russian).
19. Pivovarov Yu. L. *Modern urbanization*. Moscow, Russian Open University, 1994. 126 p. (in Russian).
20. On additional measures to improve the administrative-territorial structure of settlements in the Republic of Uzbekistan: resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, March 13, 2009, no. 68. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan* [Collected Legislation of the Republic of Uzbekistan], 2009, no. 12, art. 130 (in Russian).
21. Tkacheva A. S., Rastvortseva S. N. On the issue of increasing the rates of growth and ensuring the competitiveness of the Russian regions' economy. *Zametki uchenogo* [Scientist's Notes], 2016, no. 3 (9), pp. 92–96 (in Russian).
22. Rusanovskiy V. A., Markov V. A. Factor of urbanization in spatial models of their economic growth: estimate and peculiarities in the Russian Federation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2015, no. 7 (147), pp. 113–124 (in Russian).
23. Smirnov S. V. Economic growth and economic crises in Russia: the end of the 1920s – 2014. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 5, pp. 28–47 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-28-47>
24. Soboleva N. P., Zamyatina Yu. L., Baranovskaya N. V., Zhorniyak L. V. *Geourbanistics*. Tomsk, Publishing House of Tomsk Polytechnic University, 2012. 300 p. (in Russian).
25. On the strategy of actions for the further development of the Republic of Uzbekistan: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, 7 February 2017, no. UP-4947. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan* [Collected Legislation of the Republic of Uzbekistan], 2017, no. 6, art. 70 (in Russian).
26. On measures for the radical improvement of urbanization processes: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, 10 January 2019, no. UP-5623. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan* [Collected Legislation of the Republic of Uzbekistan], 2019, no. 1–2, art. 9 (in Russian).
27. Filippova E. D. Modern problems of economic growth. Economic growth in Russia. *Voprosy ekonomicheskikh nauk = Questions of Economic Sciences*, 2016, no. 6 (82), pp. 57–58 (in Russian).
28. Urbanization. *World Bank Student Resources*. Available at: <http://www.un.org/ru/youthink/urbanization.shtml> (accessed 21.03.2021) (in Russian).

29. Shvetsov A. N. Urban agglomerations in the urban space transformation. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2018, no. 1, pp. 45–65 (in Russian).

30. Chistozvonov A. N., Barg M. A. The results of the historical process in Western Europe in the IV–XV centuries. *Problemy genezisa kapitalizma: sbornik statei* [Problems of the genesis of capitalism: collection of articles]. Moscow, 1978, pp. 3–70 (in Russian).

31. Gibbs J. P. The evolution of popular concentration. *Economic Geography*, 1963, vol. 39, no. 2, pp. 119–129. <https://doi.org/10.2307/142505>

32. OECD. *Regional Outlook Survey Results*, 2018. Available at: www.oecd.org (accessed 20.01.2021).

33. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World urbanization prospects: the 2018 revision*. New York, United Nations, 2019. 123 p. <https://doi.org/10.18356/b9e995fe-en>

Информация об авторе

Салимова Юлдуз Исаковна – аспирант. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: yulduzka87@mail.ru

Information about the author

Yulduz I. Salimova – Postgraduate student. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: yulduzka87@mail.ru

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-253-256>

Поступила в редакцию 31.01.2022
Received 31.01.2022

С. П. Витязь, А. Л. Киштымков

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы,
Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь*

АКАДЕМИЯ – ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

История мировой академической науки насчитывает более 300 лет. Академии наук, описание которых приводится в книге О. А. Грачева, В. И. Хоревина «Академическая наука стран мира» (гл. ред. акад. НАН Украины В. Л. Богданов; Ин-т исслед. науч.-техн. потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины. Киев: Феникс, 2020. 624 с.), имеют две общие задачи – выявление (производство) новых знаний и их распространение. Как форма организации и объединения научных сил они давно апробированы и завоевали высокий авторитет в мировом сообществе. Понятие «академический» прочно ассоциируется с понятием «фундаментальный». Сегодня академическая наука известна на всех континентах, а академические организации существуют в 117 странах мира.

Рецензируемое издание рекомендовано к печати Институтом исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины. В качестве самостоятельного академического учреждения институт существует с 1991 г. Отдел проблем деятельности и стратегии развития НАН Украины с 1997 г. возглавляет кандидат технических наук Олег Алексеевич Грачев, Владимир Иванович Хоревин является старшим научным сотрудником этого отдела.

Книга посвящена великому ученому современности, выдающемуся организатору науки, многолетнему президенту НАН Украины Борису Евгеньевичу Патону.

В 2018 г. Национальная академия наук Украины отметила 100-летний юбилей. В 2022 г. белорусская академическая наука также отмечает 100-летие. Обе академии – неотъемлемая часть мирового академического сообщества, поэтому принципиально важно появление такой книги, где это сообщество анализируется в целом.

Монография состоит из девяти разделов: введения, заключения и глав, посвящённых очеркам про академии наук Европы, Северной и Латинской Америки, Азии совместно с Австралией и Новой Зеландией, Африки.

В книге приведены данные о краткой истории создания и деятельности каждой из академий, их целях и задачах, организационной структуре, главных направлениях научных исследований, а также перечислен перечень их основных фундаментальных периодических и продолжающихся изданий.

Каждый раздел, где характеризуются академические учреждения по континентам, содержит не только описание отдельных академий, но и их общую региональную характеристику, обзор статуса и структуры, их места в системе науки и образования региона.

Изложенная в монографии информация, как правило, базируется на основе новейших сведений, представленных интернет-ресурсами. Всего в издании учтено 285 академий наук или их аналогов, 10 национальных объединений академий наук, 9 национальных объединений неуни-

верситетских научно-исследовательских институтов, 28 отдельных неуниверситетских научно-исследовательских институтов и 4 специализированных учреждения ООН.

Отметим, что ранее таких обобщающих, по сути, энциклопедических изданий, вмещающих громадный пласт информации, не существовало. Даже при значительном объеме книги (624 с.) дать панорамную картину, компендиум академической науки мира – сложная задача. И авторы, в целом, с ней справились.

Разобраться в сложном академическом конгломерате существенно помогают материалы 17 таблиц и 3 Приложений. Каждый раздел книги завершается источниками информации, использованными при подготовке издания.

Вместе с тем, на наш взгляд, монография не лишена проблемных мест. Самой сложной оказалась выработка оптимальных схем классификации академических учреждений.

Если следовать географическому принципу, а именно его придерживаются авторы, то строгих правил без исключения не получается. Так, например, в параграф 7 раздела «Национальные академии наук стран Восточной Европы» включены, в числе других, академии наук Венгрии, Словении, Сербии, Хорватии, Чехии. И тут же упоминаются Казахская, Кыргызская, Узбекская, Таджикская и Туркменская национальные академии.

Сами авторы объясняют это «установившейся практикой включения организаций из этих стран в европейские структуры», а также тем, что ряд таких академий возник на базе филиалов АН СССР, «который всегда рассматривался как европейская страна» (с. 16).

В «Национальные академии наук стран Восточной Европы» попала и Турецкая академия наук, а академические учреждения Израиля включены в «Национальные академии наук Австралии, Новой Зеландии и Азии».

Следует отметить, что академии наук Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана состоят в Ассоциации академий наук и научных сообществ Азии (AASSA), о которой упоминается в книге (с. 539). В Консультативный совет европейских академий наук (EASAC) и Европейскую федерацию академий естественных и гуманитарных наук (ALLEA) они не входят.

Что касается Израильской академии естественных и гуманитарных наук, то она входит и в AASSA, и в ALLEA. Такая же ситуация и с Турецкой академией наук.

Вызывает вопрос правомерность включения в число организаций академического типа Исследовательской лаборатории Военно-морского флота США (с. 288). Это следовало бы обосновать и, если быть последовательными, перечислить также остальные военные научно-исследовательские структуры как США, так и других стран мира.

Не менее сложная задача – ранжирование академий. Не секрет, что с титулом «академия», «академический» в мире существует огромное количество учреждений, причем далеко не все из них представляют науку. Но даже если рассматривать академии только как объединения научных сил, то и здесь спектр предельно широк: от «классических» академий (например, НАН Беларуси или НАН Украины) до ассоциаций ученых и научно-исследовательских институтов с определенными академическими чертами.

Необходимо согласиться с концепцией авторов, которые придерживаются следующей типологии: академии I типа (сообщество ученых) – 60 стран; академии II типа (сообщество ученых+НИИ) – 42 страны; академии III типа (объединение НИИ) – 3 страны. Эти типы существуют в большинстве стран мира. Но есть 12 стран, в которых имеют место различные типы академий. При этом академическая наука представлена всего в 117 государствах (с. 574–576).

Наиболее эффективна, по мнению авторов, деятельность академий наук II типа (с. 577).

Авторы монографии справедливо уделили внимание и международным академическим организациям (объединениям). По их мнению, сегодня в мире существует 28 таких организаций, как всемирных, так и региональных, с коллективными и индивидуальными членами. Их работа весьма разнообразна, но она, по сути, не выходит за рамки представительства и координационных усилий. Безусловно, это важно, но практические научные задачи такая деятельность не решает.

В то же время авторами могли бы быть учтены отдельные примеры международного сотрудничества – масштабные объединения научных сил для решения крупной, иногда глобальной проблемы. Например, ЦЕРН (CERN) – Европейская организация по ядерным исследованиям,

крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий (23 государства), или Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ) – международная межправительственная научно-исследовательская организация в наукограде Дубна Московской области (18 государств). Такие академические объединения носят не декларативный или декоративный характер, а представляют собой реальное научное содружество, созданное в интересах решения фундаментальных научных задач.

Международная ассоциация академий наук (МААН) отнесена авторами в категорию «Региональные объединения академий наук» (с. 513), что является спорным. Несмотря на то что сегодня в ней представлены академии двух континентов – Европы и Азии, в Положении о МААН никаких ограничений для вступления в эту ассоциацию академий других континентов не предусмотрено. Географическая привязка и, следовательно, указание на её региональность отсутствуют и в самом названии МААН.

Авторы не обошли вниманием и такую сложную проблему, как показатели эффективности работы национальных академий. Этому вопросу посвящены два параграфа: «Сравнение деятельности академий наук разных стран» и «НАН Украины и мировой опыт развития академической науки». Они, на наш взгляд, являются в книге одними из самых интересных.

Действительно, как показано в монографии, универсального критерия для определения эффективности академического труда не найдено. Например, факт присуждения Нобелевских премий – достаточно объективен. Но и здесь имеются свои ограничения: эти премии не присуждаются в области математических и гуманитарных наук. Имеются и ограничения субъективного свойства, связанные с тем, что лауреаты могли менять свое гражданство или при выполнении исследований работать в разных странах. Какую страну в таком случае представляет учёный, чье научное достижение?

Не всегда можно сделать объективные выводы, основываясь на данных различных индексов цитирования. Например, в таблице 15 «Ранговое распределение академий наук мира по количеству ссылок в веб-поисковой системе Google Scholar (первые 20)» (с. 596–597) первую тройку, вслед за Китаем и Россией, замыкает Польша. США оказались на последнем, двадцатом, месте, на ступеньку ниже, чем Румыния. Можно поздравить украинских коллег с 13-м местом, что на одну ступень выше Франции. Но при этом непонятно, как в двадцатку не попала, имея 8 лауреатов Нобелевской премии, академическая наука Израиля? Нет в этом списке и Германии. Зато Великобритания упомянута трижды.

В монографии широкое обобщение большого массива известных данных соседствует с новаторским подходом авторов к теме. Например, они уделили большое внимание гендерному «измерению» академической науки. Здесь трудно сделать какие-то общие выводы и рекомендации, но необходимый исходный материал для дальнейших исследований по этой проблеме в книге представлен.

Характеристика еще одного важнейшего аспекта академической науки приведена в разделе «Академические организации молодых ученых и специалистов в странах мира». Авторы подчеркивают: «Снижение популярности научно-технической деятельности, отсутствие возможностей выразить своё отношение к происходящему в научно-технической сфере, малоэффективные механизмы финансирования начинающих исследователей, определенная консервативность академической науки – это основные причины возникновения молодежных академических организаций во многих странах мира» (с. 490). С этим нельзя не согласиться. Также заслуживают обсуждения и причины, которые привели к такому положению вещей.

Приведем небольшое уточнение: Совет молодых ученых в Белорусской академии наук был создан не в 2003 г. (с. 494), а значительно ранее – в 1965 г. Причем такие Советы были созданы при всех академических институтах республики.

В целом понятна озабоченность авторов очевидным «постарением» кадров академической науки. Конечно, решение этой проблемы – не в механическом «омоложении» академий. Да и само понятие молодости в различных научных дисциплинах весьма относительно. Так, математический гений нередко проявляется в юном возрасте. А вот в гуманитарных науках такого ювенильного прорыва ожидать не приходится. Напомним, кстати, что академик Б. Е. Патон руководил НАН Украины в возрасте 101 года.

Рецензируемое издание – энциклопедия мировой академической науки, ее истории и достижений. Авторы издания приходят к обоснованному и оптимистическому выводу: «Ни одна другая форма организации науки не дает возможности столь полно реализовать так необходимую для фундаментальных исследований свободу научного поиска, и в то же время ничто так кардинально не меняет производственных технологий, как новейшие знания и открытия, полученные в результате именно фундаментальных исследований» (с. 595).

Безусловно, появление такой книги, приведение данных к единому знаменателю и оформление целостной панорамы мирового сообщества академической науки – ценное достижение гуманитаристики, значительное событие в истории науки, которое заслуживает высоких оценок и новых издательских тиражей.

Информация об авторах

Витязь Сергей Петрович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной и инновационной работе. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vit@history.by

Киштымов Андрей Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: akishtymau@tut.by

Information about the authors

Siarhei P. Vitsiaz – D. Sc. (Hist.), Deputy Director for Scientific and Innovation Work. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vit@history.by

Andrey L. Kishtymau – Ph. D. (Hist.), Senior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: akishtymau@tut.by